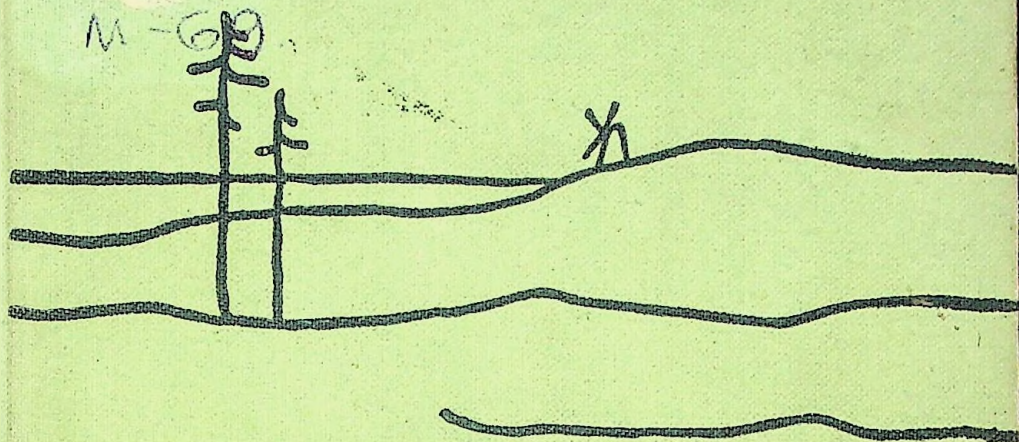

84.4 (A-7)

M-69

КАРИН МИХАЭЛИС

Мазь

КАРИН МИХАЭЛИС

Миф

Перевод с датского
Н. КАРИНЦЕВА

ар

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

МФЛ, № 23013

1959 г.

Перевод под редакцией
Л. Лунгиной

Предисловие Ю. Яхнинной

Оформление художника
А. Белюкина

КАРИН МИХАЭЛИС
И ЕЕ РОМАН «МАТЬ»

Карин Михаэлис вошла в историю датской литературы как автор психологических романов, посвященных проблемам женской эмансипации. Эти проблемы, смелые и актуальные для своей эпохи, уже потеряли остроту новизны и, казалось бы, не могут увлечь современного читателя. Однако лучшие книги Карин Михаэлис и ныне читаются на родине писательницы и в других странах. В чем же секрет их неувядаемой прелести? Книги Михаэлис написаны с большим мастерством, они подкупают тонкостью психологического анализа душевной жизни героев и особенно героинь. Но не только психологическое мастерство писательницы заставляет нас вол-

новаться за судьбы изображаемых ею людей, вместе с ними переживать разочарования и радоваться их удачам.

Секрет обаяния Михаэлис — в глубокой человечности ее творчества. Пафос книг датской романистки — в огромной любви к человеку, по своей природе прекрасному и благородному в глубоком негодовании против всего того, что мешает проявляться лучшими сторонам его натуры, что мешает ему быть счастливым. Борьба Михаэлис за права женщины была борьбой за права личности в буржуазном мире.

Браки, заключенные по расчету, унижительное зависимое положение женщины в семье и в обществе, где все законы попирают ее достоинство, — такова в конечном итоге основа всех конфликтов в романах Карин Михаэлис. Неудачные браки приводят к гибели героинь многих ее книг («Девочка», 1902; «Мамочка», 1902; «Маленькая женщина», 1921). В заколдованном кругу убогой мещанской жизни мечутся женщины, переживающие кризис «опасного возраста» («Опасный возраст», 1910, и «Эльзи Линднер», 1912).

Правда, критика буржуазных семейных отношений носит у Михаэлис по преимуществу этический характер, и писательница не всегда последовательна в этой критике. Так, она склонна объяснять тупик, в который попадает женщина в «опасном возрасте», прежде всего биологическими причинами. Некоторая ограниченность и даже узость кругозора, в известной мере присущая Михаэлис, обусловлена сильным влиянием мелкой буржуазии и ее мещанских настроений на датскую интеллигенцию. Однако в лучших своих произведениях писательница ратует за благородные человеческие чувст-

ва, не скованные филистерской моралью, утверждает достоинство и права человеческой личности.

Наиболее привлекательные стороны таланта Михаэлис проявились в ее автобиографических повестях («Девочка с цветными стеклами», 1924; «Лгунишка», 1925; «Тайна», 1926 и др.), которые в переработанном и дополненном виде вошли в трехтомную автобиографию писательницы «Волшебный мир» (последний том вышел в 1950 году, уже после смерти автора). К циклу автобиографических произведений примыкает и роман «Мать».

Карин Михаэлис родилась в 1872 году в провинциальном ютландском городке Рандерсе; отец ее был телеграфистом, а мать занималась плетением надгробных венков. С детства Михаэлис узнала, что такое бедность и социальное неравенство, с юных лет ей пришлось самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. В ее автобиографических произведениях раскрыт сложный внутренний мир чуткого, наблюдательного ребенка, пытливого подростка и наконец девушки — мечтательницы и фантазерки, которая, однако, упорно и настойчиво стремится к самоутверждению.

В автобиографическом цикле, как и в большинстве других своих романов, Михаэлис прибегает к излюбленной ею форме писем, исповеди, дневника, внутреннего монолога. Это позволяет писательнице полнее раскрыть все оттенки переживаний своих героев. Возмущенная лирическая интонация, иногда нарочито непоследовательная манера изложения давали иным критикам повод сблизить Михаэлис с импрессионистами, влия-

ние которых было очень сильно в датской литературе в годы, когда Михаэлис выступила со своими первыми романами. Однако психологические мотивировки в произведениях Михаэлис всегда реалистически конкретны, а художественные образы ее книг передают типические черты жизни датского мещанства, чиновничества, интеллигенции конца XIX — начала XX века.

Героиня автобиографических повестей едет из провинции в Копенгаген, чтобы учиться у знаменитого пианиста. Она попадает в среду литературной богемы, дает уроки музыки, начинает писать. Ее первые произведения встречены равнодушно, а те, которые приносят ей успех (особенно «Опасный возраст» и «Эльзи Линднер»), вызывают бурю негодования в мещанском мире буржуазной интеллигенции из-за той смелости и откровенности, с которыми в них описана изнанка внешне благопристойных семейных отношений. Однако молодая писательница храбро отстаивает свои книги, ездит с лекциями по Европе и по Америке, выступает в защиту прав женщины.

Искренне и темпераментно, с большим юмором рассказывает Михаэлис историю своей жизни, воссоздавая картины быта и нравов современной ей Дании и стран, где ей пришлось побывать, рисуя яркие образы людей, с которыми она встречалась на своем пути.

Одной из лучших книг автобиографического цикла Михаэлис справедливо считается роман «Мать». В этом романе, написанном в 1935 году, переданы все невымышленные детали жизни Карин Михаэлис, в ту пору уже известной писательницы, которая подолгу живет за границей, но часть года неизменно проводит в своей не-большой усадьбе на датском острове Турё, где ее всегда

с нетерпением ждет старушка мать. С мягким юмором и нежностью рисует Михаэлис свою мать во всем неповторимом своеобразии ее индивидуального облика: ее наивный практицизм и словоохотливость, ее ясный разум и пленительную доброту, ее деспотичность, детские капризы и непоследовательность, ее любовь к природе и ко всему живому, ее пристрастие к старине.

И в то же время мать — замечательный литературный образ, один из лучших женских образов у Михаэлис. Нильсина Бек — простая женщина, которая знала и нужду, и труд, и горе; она лишилась многих близких, но, несмотря ни на что, сохранила любовь к жизни, энергию, волю, доброту, готовность всем помочь, душевную молодость. Слава дочери-писательницы принесла ей, казалось бы, безмятежную старость, но, узнав подробности трагической смерти другой дочери, старая Нильсина переживает глубокую душевную драму. Нильсина уходит из жизни, и ее полулукавое-полугрустное завешание — потихоньку украсть цветы с ее могилы и положить их на могилу незнакомого юноши, забытого невестой, — как бы венчает этот трогательный и чистый образ простой датской женщины, обаятельно выписанный своеобразным мастером психологического романа XX века.

Книга «Мать» проникнута уважением к человеку, восхищением перед его душевной красотой и щедростью, перед прекрасными побуждениями его натуры. Это гуманистическое содержание и составляет принципиальное отличие творчества Михаэлис от реакционного направления в литературе Запада XX века, которое обращается к психологическому анализу для «обнажения» звериного, низкого начала, якобы заложенного в

человеческой душе. В отличие от авторов таких конченаянистических, глубоко пессимистических романов Карин Михаэлис всем своим творчеством воспевала человека как существо доброе и разумное, и поэтому большинство ее книг, несмотря на драматические концовки, звучит жизнеутверждающе.

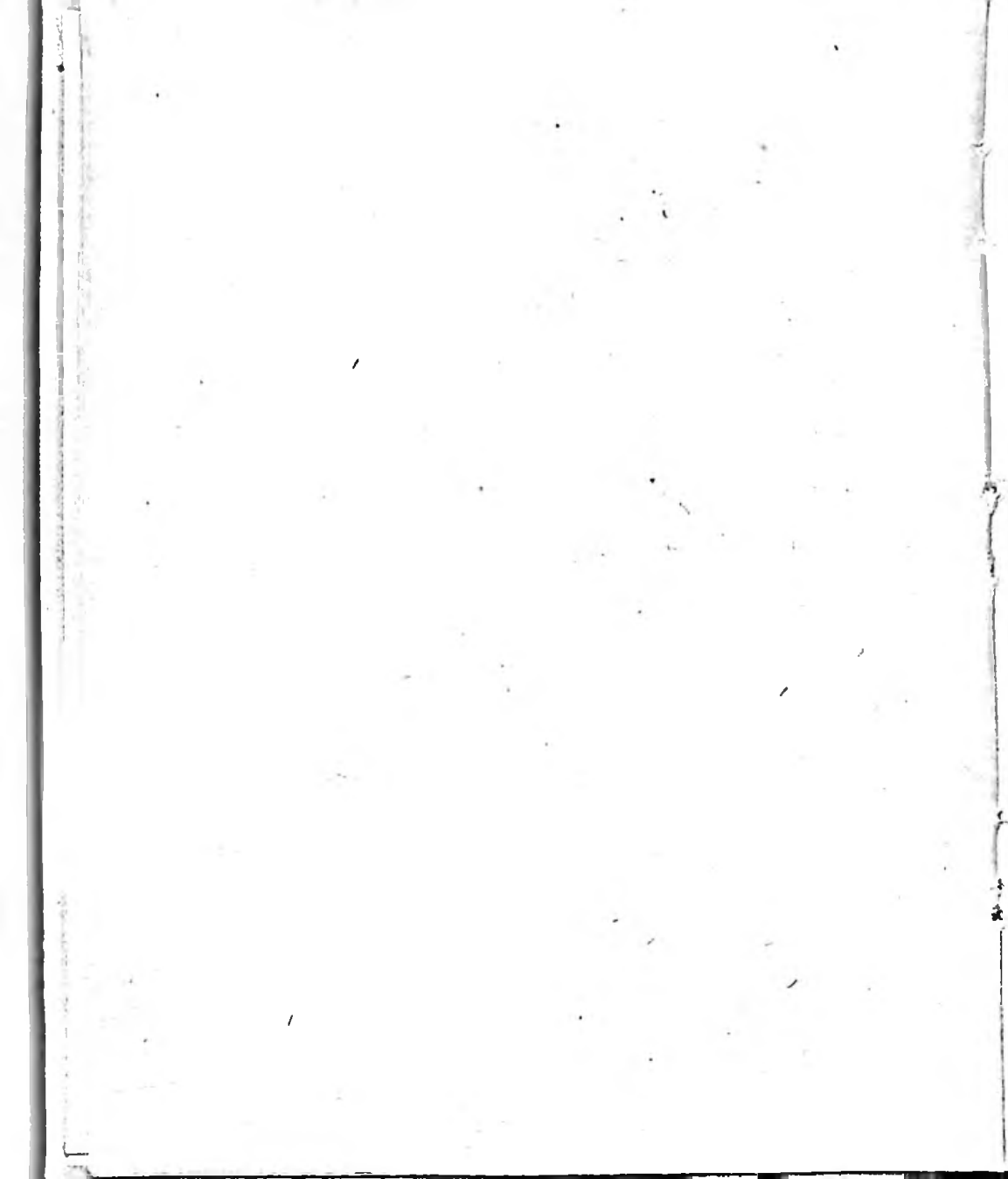
Карин Михаэлис стремилась служить людям не только своими книгами, но и всей своей жизнью. Жители острова Турё присвоили Михаэлис почетное гражданство. Это была дань уважения не только литературной известности, но и общественной деятельности писательницы. Начиная с тех лет, когда она ездила по Европе с лекциями о своих книгах, Карин Михаэлис много сил отдавала общественной деятельности. Она утверждала, что далека от политики, но это не помешало ей еще в годы первой мировой войны решительно выступить против войны. Характерно также, что Михаэлис подняла свой голос в защиту Сакко и Ванцетти. Она была убежденной антифашисткой и у себя в Турё давала приют антифашистским эмигрантам (так, в усадьбе Михаэлис жил одно время Бертольт Брехт).

В 1934 году Михаэлис посетила Советский Союз. Поездка произвела на нее огромное впечатление. Особенно восторженно Михаэлис отзывалась о детских учреждениях Советского Союза, в частности об «Артексе». Постановка воспитания молодого поколения в СССР так восхитила писательницу, что через десять лет, в 1945 году, вернувшись после войны в Данию из Америки, где она жила в эмиграции, Михаэлис говорила: «Я уверена, что спасение мира придет из России. Я объездила эту страну так, как немногие датчане, и считаю, что воспитание молодежи в России — одно из са-

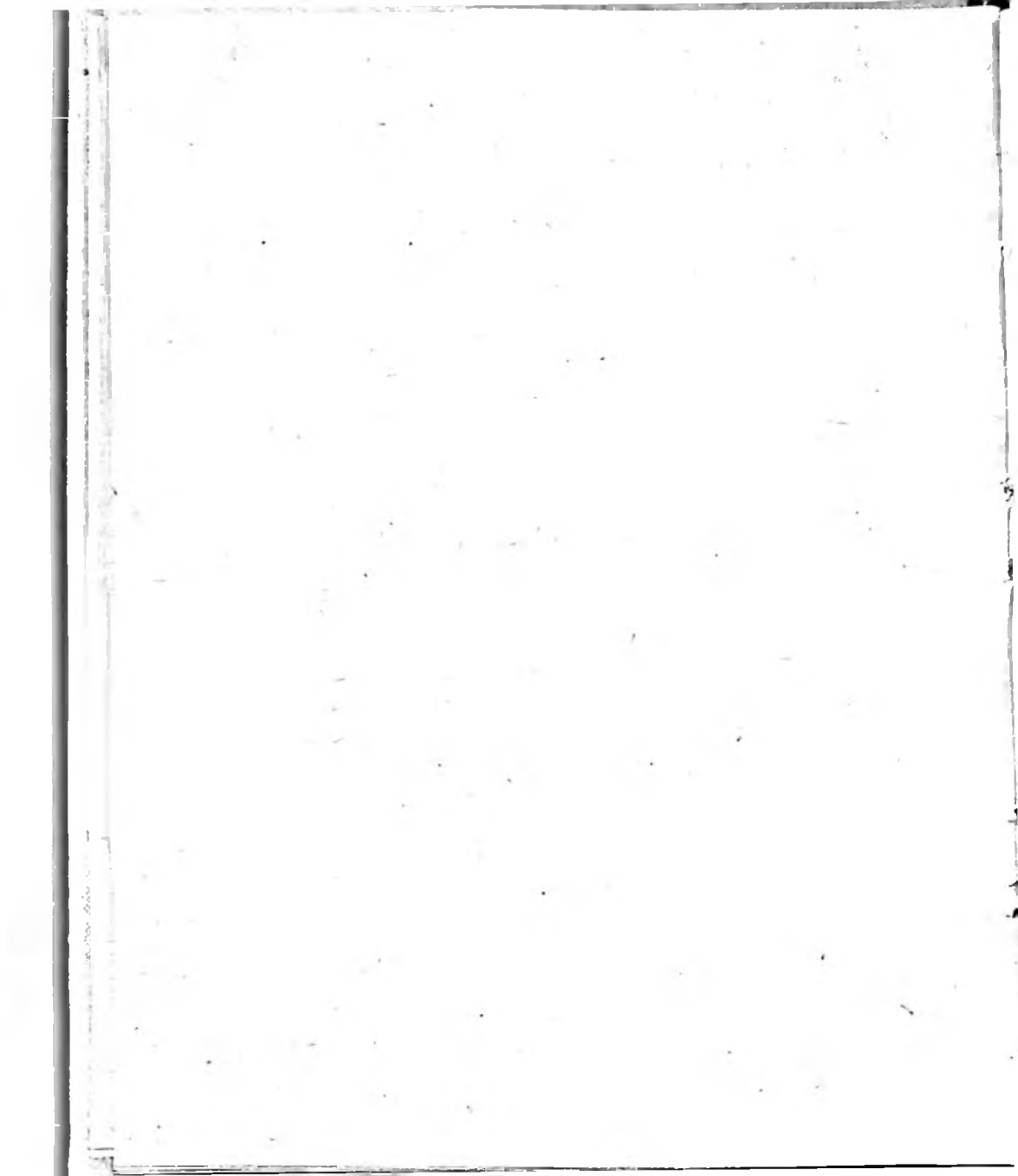
мых выдающихся достижений человечества за последние десятилетия». Советский Союз должен был занять большое место в автобиографии писательницы. Смерть в 1950 году оборвала ее работу над воспоминаниями, — она не успела осуществить свой замысел.

В своем творчестве, так же как и в своей общественной деятельности, Карин Михаэлис всегда вдохновлялась идеями гуманизма и справедливости. Вот почему и сегодня живут ее лучшие произведения, привлекая симпатии прогрессивных людей в разных странах мира.

Ю. Я х н и н а

М а т ь

ПРОГУЛКА ПО САДУ

— Тролль! Тролль! Иди же сюда! Разве ты не слышишь, что тебя зовет твоя старая мать?

Старуха стучит палкой в потолок. Через открытое окно ясно слышно каждое слово:

— Моя маленькая Тролль!.. Гадкая, непослушная девчонка!

Она барабанил сухоньким кулачком по оконному стеклу.

— Ты ведь меня прекрасно слышишь! Невоспитанная девочка! А ну-ка, спускайся скорей! Сидит там наверху, на чердаке, и занимается целый день пустяками, вместо того чтобы помочь своей бедной старой матери.

Стук пишущей машинки обрывается. Непослушная дочь стремительно сбегает вниз по лестнице. Она едва переводит дыхание.

— Что случилось с моей бедной старой матерью?

— Нечего спрашивать, что да как. Нужно сразу идти, когда тебя зовут. У меня спустилась петля в вязанье. Целых полчаса быюсь и не могу поднять ее.

— Дай-ка мне!

Дочь пробует поднять петлю, но тоже безуспешно.

— Я сбегая наверх, за очками.

И дочь направляется к лестнице.

— Не болтай глупости! Очки! Слыхали вы что-нибудь подобное? Очки, чтобы поднять петлю! Благодарю покорно, уж лучше я сама. Обойдусь без очков с божьей помощью, не то что некоторые!

Она выхватывает из рук дочери вязанье, сжимает от напряжения губы, наконец подцепляет петлю и, торжествуя, насмешливо говорит:

— Вот видишь! А что ты умеешь делать? Ничего. Ровно ничего, разве что сидеть да стучать на машинке, так что весь дом дрожит. А что ты получаешь за это? Одну только ругань...

Она ворчит про себя так, чтобы дочь не услышала:

— Отвратительные люди! Плетки на них нет!

И добавляет уже громко:

— Я всегда говорила твоему отцу: «Милый Як, — говорила я ему, — пусть Тролль работает на телеграфе. Это хоть что-то определенное». Теперь ты была бы обеспечена хорошей пенсией.

— Но ведь я получаю государственную премию¹. А это все равно что пенсия...

— Государственная премия? Тьфу!.. Разве на нее можно надеяться? А вдруг ее отменят? Что тогда?

Мать берет с подоконника портрет своего «милого Яка», смотрит на него, качает головой.

— Господи! Мой дорогой, милый Як... Что-то он теперь поделявает?.. А я осталась совсем одна... Совсем, совсем одна. Некому подумать обо мне... Старая я горемыка.

— А меня ты уж совсем в расчет не принимаешь?

— Тебя!!! Разве я тебя вижу? Ты либо сидишь у себя наверху и стучишь на машинке... хоть бы она сгорела, — все какая-то польза была бы от нее... Либо разъезжаешь по границам...

С невыразимой нежностью она похлопывает дочь по руке.

— Возможно, тебе было бы лучше, если

¹ По датскому закону, выдающимся писателям и работникам искусства выдается ежегодно государственная премия.

бы меня уже не было на свете... Но кто штопал бы тогда твои шелковые чулки?.. Ты ведь зашиваешь дырки через край... да, да... на живую нитку... И кто пересчитывал бы белье для стирки? Нет, мне никак нельзя умереть. Вот поэтому-то — да, только поэтому — господь бог оставляет меня в живых... Он мудрый. Он говорит: «Тролль так неразумна!» Вот поэтому-то я и буду жить хоть до ста лет.

С милой лукавой улыбкой смотрит она на дочь.

— Конечно, у тебя, как всегда, не найдется и пяти минут, чтобы пройтись с матерью по саду?

Ее улыбка неотразима, и дочь сразу же сдается.

— У тебя есть какое-нибудь дело в саду?

— Дело? Разве можно так спрашивать? Как ты думаешь, королева Александра или королева Дагмара задали бы своей матери такой вопрос, если бы она попросила их о чем-нибудь? Никогда, потому что они были хорошо воспитаны. И не курили папирос!

— Можешь не сомневаться — курили! Во всяком случае, королева Дагмара. Она целыми днями курила.

— Ну да... Но ведь она была замужем за русским. А вот наша старая королева Луиза не курила. Да и про Дагмару все это больше сплетни. Не слушай ты их!.. Знаешь, Александра была самая красивая из них...

В голосе старушки звучит радость. Она поднимается и говорит:

— Отец утверждал, что я так же красива, как Александра...

Но едва эти слова успели сорваться с ее уст, как она уже сожалеет о том, что сказала, и пытается смягчить впечатление:

— Конечно, он говорил это только для того, чтобы польстить мне... Понимаешь? А теперь дай мне палку и пойдем.

— А где твоя палка?

— Где палка? Я должна еще знать, куда ты дела мою палку! Ты ужасно рассеянна, милая Тролль. Ты должна исправиться... Палка?.. Погоди... да, одна висит на спинке моей кровати. Другая, мне кажется, на кухне, за дверью... А черная палка, наверно, стоит там, у входа, а может быть, я забыла ее на берегу, когда красила скамейку...

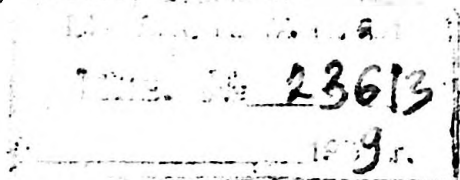
Дочь идет на поиски палки, а мать кричит ей вслед:

— Тролль, не забудь мою соломенную шляпу и темные очки.

Через некоторое время они обе медленно, словно на похоронах, выходят в сад. Старуха тяжело опирается на руку дочери и говорит притворно плаксивым голосом:

— Какая я несчастная! Скоро я уже не только ходить, но и ползать не сумею... А ты, бедняжка, должна попусту терять время из-за меня.

Но едва только она ступает на лужайку,

ее словно ветром подхватывает, и она несется вперед, окрыленная тысячью пробудившихся в ней надежд.

— А ты знаешь, сколько в этом году яблок на граванштейновской яблоне?

— Ты их сосчитала?

— Еще бы! Я хоть и слепа, но не настолько, чтобы не видеть, как щедро господь бог усыпал деревья яблоками. Только этого не доставало!

Она продолжает свой стремительный обход сада, высоко поднимая ноги, чтобы перешагнуть через клумбы и живую изгородь из лаванды. Конечно, у нее нет времени, чтобы обойти эти препятствия.

Она пересчитывает висящие яблоки.

— Что это значит? Ведь их должно быть тридцать четыре... не считая двух червивых... Попробуй сама сосчитать, если сумеешь!..

Дочь считает.

— Правильно... тридцать четыре... не считая двух червивых.

Старуха подбегает к маленькому деревцу.

— Ну, как ты меня отблагодаришь? Ты когда-нибудь видела такие чудесные яблоки? А еще спорила со мной, не хотела сажать фруктовых деревьев! Ни за что на свете не хотела! А кто оказался прав?

— А кто всегда оказывается прав?..

— И какие крупные!.. Вот эти четыре самых больших яблока — мои, ведь дерево-то —

мое. Я могу делать с ними что хочу... Вот захочу — и съем все четыре.

Она касается своей худой, морщинистой рукой — ладонь у нее мягче шелка — зеленого яблока и нагибается, чтобы вдохнуть его кисловатый аромат.

— Да, восхитительно... Не то что водичка, на которую ты тратишь столько денег, чтобы надушиться. Нет, никогда ты не будешь пахнуть так, как эти божьи творенья, никогда! А я хорошо знаю, что мне делать с моими четырьмя яблоками. Я их пошлю путешествовать. Далеко, далеко. Два яблока отправятся в Америку, к Альме. Она уж сама поделится ими с мужем и детьми. Каждый получит по половинке. А вот эти два я отправлю моим мальчикам в Африку... Дорогой Ганс... Другого такого сына не сыщешь...

Она считает по пальцам:

— Понедельник, вторник, среда... Через три дня от него придет письмо. Может быть, и Аллан напишет несколько слов, если не поленится. Он частенько ленится, ведь теперь он так растолстел, так растолстел! Слишком много ест, не может удержаться. Мой дорогой Аллан стал похож на пивную бочку... Ты бы только видела, как он был ласков с отцом. Он ведь был так изнежен после тяжелой болезни легких. Доктор внушил отцу, что Аллан очень слаб, что он должен пить какао с яйцом, портвейн тоже с яйцом.

что он вообще должен получать все, что ему прописано. С этого и началось. Вот такие, как он, никогда не женятся, остаются без семьи. Станные люди! Да, странные... Особенно удивительно, что это случилось с Алланом... Ведь он был очень способный мальчик. Отец всегда говорил: «О, у Аллана есть голова на плечах. И у Гарриэт тоже». И ты была не глупа, но так безрассудна, так безрассудна. Нет, Аллан был совсем другой. Посмотрела бы ты, как он разбирал карманные часы отца: ссыпет, бывало, все детали в чашку, встряхнет ее, а потом аккуратно вставит все винтики и колесики обратно, и часы начинали ходить, как ни в чем не бывало. Отец очень гордился своими часами, но для Аллана ему ничего не было жалко. Ты помнишь, что за машину Аллан изобрел, чтобы одновременно готовить несколько блюд? Он нам писал об этом. В первом отделении варится картофель, во втором — жарится курица, в третьем — тушатся овощи, а в последнем, самом верхнем — готовится пудинг. И все это Аллан съедает один, все до кусочка... Его слуге кафру достаются небось одни объедки. А вот Ганс на него совсем не похож. Он думает только о других. Никогда о самом себе... И надо же, чтобы у него случилось такое горе! Ах, Тролль, каждый раз, когда я думаю о маленьком Георге, у меня сердце разрывается от боли. И ничем я не могу помочь. Ничем... Да,

лучше смерти!.. Если бы только он умер! Тролль, я хочу тебе сказать одну вещь... Конечно, это страшный грех... но если бы он был здесь, у меня... Тролль, клянусь тебе богом, он нашел бы покой. Да, покой... даже если бы мне пришлось из-за этого гореть в адском пламени. Я все взяла бы на себя, приняла бы все муки... Лишь бы он больше не страдал.

Старая женщина прислоняется к дереву. Дочь обнимает ее.

— Не надо, мать, не думай больше о Георге. Ведь это же не поможет.

— Ночи напролет я стояла на коленях, молила за него господа бога... Выслушай меня, господи! Сделай со мной что хочешь, но только прекрати страдания моего бедного внука. Он невиновен...

— Знаешь, мать, какая мысль мне пришла сейчас в голову? Не найдется ли у нас еще чего-нибудь, чтобы послать вместе с яблоками? Какой-нибудь серебряной вещицы или чего-то в этом роде?

— Конечно! Мы пошлем им кофейный сервиз, на который ты так глупо истратила все свои деньги. Подумать только, тратить деньги на такую чепуху! И это еще называется серебром! Да это и рядом с серебром не лежало! Сколько я его ни чистила, оно так и не заблестело! Тебя кто хочешь проведет, ты так легковажна! Тебе можно внушить, что луна сделана из зеленого сыра...

— Я же тебе уж сто раз говорила, что это сервиз из оксидированного серебра!

— Вздор! Сколько ни оксидируй, а серебро всегда останется серебром. И оно должно блестеть, когда его чистят мелом. Нечего меня убеждать. Я сама все прекрасно понимаю. Но в конце концов сейчас это не имеет значения,— они там, в Африке, не избалованы такими вещами. Этот сервиз будет достаточно хорош для жены Тао... Как только начнет смеркаться, мы отправимся в лес. Ты возьмешь с собой лопату, и мы тайком выкопаем маленькую елочку. Пусть они там, в Африке, отпразднуют рождество так же, как мы в Дании... Как ты думаешь, можно послать елочку в деревянном ящике? Я пошлю ее нафталином, чтобы уничтожить всех отвратительных муравьев,— ведь их обычно так много бывает на елках. А в большой жестяной ящик мы упакуем пироги, жареную рыбу и банку варенья. И все эти вкусные вещи, которые Ганс так любит, пошлю ему я, его старая мать. Помню, с каким наслаждением Ганс, бывало, впивался зубами в яблоко.

Какие у него крепкие зубы! Не то что у тебя. Ведь ты не можешь даже разгрызть орех или перекусить сырую нитку. Мне бы хотелось послать ему также немного фруктов.

— Да это же все равно, что мельнику муку посылать! Ведь фруктовые сады Ганса больше, чем все наши острова вместе взятые. Он вывозит фрукты и в Америку и в Европу.

— Неужели? Я этого не знала. Я ведь ничего не знаю. И, наверное, у него есть и датские яблоки... Подойди-ка сюда, я хочу тебе показать одну вещь.

Мать и дочь идут по саду. Они говорят о фиалках, которые в прошлом году цвели даже после рождества и, засыпанные снегом, продолжали благоухать. Если господь бог захочет, они будут долго цвести и в этом году...

— А ты помнишь, как Гарриэт ела бутерброды с фиалками? Это, мол, так шикарно и современно. И откуда только взбрели ей в голову такие глупости?.. Маленькая Гарриэт... Вот умереть бы так легко, как она... Завидная доля!..

Дочь отворачивается. Слова матери колют, как иголки.

— Я так часто говорила об этом с отцом. Видишь ли, Тролль, я думаю, что, как бы мать ни была глупа и безрассудна, она всегда чувствует, если что-нибудь случается с ее ребенком. Но ни отец, ни я просто понятия не имели, что у Гарриэт неладно со здоровьем. В тот самый день, когда Гарриэт умерла, мы с отцом были в клубе на балу для стариков. И я ничего не почувствовала. Ничего. Я была так рада, что отцу захотелось пойти со мной на этот бал. Двое таких стариков! Мы, правда, не танцевали. Но отец, пожалуй, был не прочь... Он ведь был так музыкален. А я никогда не любила танцевать. Разве что с

моим милым Яком, но тут дело было не в танцах. А он был рад отплясывать даже с мешком сена — он находил удовольствие в самих танцах... А потом, в сумерках, мы сидели с ним и говорили о детях, в особенности о Гарриэт — она ведь была нашей любимицей. Да... нашей общей любимицей. И мы оба считаем, что в тот вечер ни отец, ни я ничего не заметили, потому что она угасла, как свеча...

Старая женщина шевельнула губами, словно задувая свечу.

— Да, как свеча... В одно мгновение... Чудесная смерть!.. Чудесная... Милая Тролль, читай каждый вечер «Отче наш» и моли бога, чтобы он дал твоей старой матери такую же счастливую смерть, какую он подарил нашей дорогой Гарриэт.

Дочь впивается ногтями в ладонь, а мать все продолжает воркотню о счастливой смерти.

— Но, должно быть, сердце у нее было плохое, иначе она не могла бы умереть от удара. Я смотрела медицинский справочник Торнанса, но разобраться так и не смогла.

Дочь говорит первые пришедшие ей на ум слова, только чтобы что-нибудь сказать:

— Может быть, это был солнечный удар...

— Несмотря на очки, видно, как мать широко открывает глаза от изумления.

— Солнечный удар? В феврале? Да еще вечером? Ты в своем уме, Тролль?

Дочь смеется. Мать тоже.

— Постой, я сейчас тебя кое о чем попрошу. Только не говори сразу «нет». Ты всегда говоришь «нет», даже когда мне очень хочется что-нибудь. А я всегда исполняю все твои просьбы...

— Что же это такое, на что я не должна сразу ответить «нет»?

— Погоди немного. Не будь такой нетерпеливой. Ведь я вышила, как ты меня просила, скатерть для фру В.? Я могу также связать салфеточки для твоих старинных тарелок. Правда, это просто твой каприз — кто это кладет тряпки под тарелки?.. А если ты будешь действительно добра ко мне, я постараюсь связать тебе белый костюм... Тебя это обрадует?

В то время как дочь была за границей, мать тайком захватила под огород лучшую часть большой садовой лужайки. Конечно, в саду можно было найти и другое место для грядок, но матери захотелось посадить овощи как раз здесь, на самом виду.

С гордостью осматривает она дело своих рук.

— Ну, разве я не права? Ведь здесь всегда солнце, здесь выпадает роса, и уж очень хороша земля. Но ты все равно ничего в этом не смыслишь, бедное мое дитя! Тебе бы только розы да розы... Одни только розы. Ты как твой отец. Но скажи на милость, разве розы можно есть?

Она вырывает несколько редисок, вытирает их о траву.

— На! Попробуй!

— Я ведь не ем редиску.

— И напрасно! В ней много витаминов, она продлевает жизнь. Возьми и ешь!

— Ты самый ужасный тиран на свете, мама!

• — Тиран? Я? Не болтай чепухи!

Она сует дочери редиску в рот.

— Хороша, не правда ли? Как ореховое ядро.

Сама она грызет другую редиску.

— Так вот... Не говори мне «нет», хорошо? Я хочу только один кустик... или два... Да, лучше два.

— Ты так обхаживаешь меня из-за каких-то ореховых кустиков?

— Я вовсе тебя не обхаживаю. Но вот если бы тебя попросил чужой человек, ты бы сразу сказала: «пожалуйста», «с величайшим удовольствием». А когда тебя просит твоя старая мать, то — «боже упаси!» Ты не ешь орехов — значит, и сажать их нечего.

— А разве ты, мать, ешь орехи?

— Кто говорит, что я ем орехи? Но для ванильных кренделей они заменяют миндаль. Мы сэкономим деньги. Только два маленьких кустика, ладно, Тролль?

— Стоит мне согласиться на два, ты сейчас же захочешь четыре, не правда ли?

— Четыре?! Дай я посчитаю. Четыре...

Я вот тут отметила маленькими белыми камешками место для посадки. Отсюда мы и начнем. У каждого камешка по кустику. И потом вдоль дорожки. Место здесь подходящее, у самой ограды.

— Ну, сколько же ты насчитала?

— Не сбивай меня... Я соображаю. Осторожней! Ты сдвинешь ногой камешки... Это будет наша любимая ореховая аллея. Здесь можно будет гулять в тени, и глаза не заболит от солнца. А орешник растет быстро. Через пять-шесть лет здесь будет большая-пребольшая ореховая изгородь...

Дочь обнимает мать.

— Сколько же кустов желает посадить мой тиран?

— Сущие пустяки... Двенадцать и двенадцать — двадцать четыре. Ну, скажем, тридцать для ровного счета. Это будет стоить гроши. Да я и сама заплачу, если за этим дело станет... Ах, знаешь, дома, в Рандерсе, мы с отцом всегда гуляли по ореховой аллее. Отец не выпускал трубки изо рта. Она то и дело гасла, и мне приходилось бегать за огнивом...

— За спичками?

— За огнивом! Дурочка, ты что, не читала Ганса-Христиана Андерсена? Разве он писал: маленькая девочка со... спичками?! Разве он так писал? А уж он-то умел писать... Значит, завтра мы посадим ореховые кусты. Душа моя успокоится, и тогда я смогу умереть...

— Кто же в конце концов добился своего?

— Этого еще не хватало! Разве не ты сма-
нила меня сюда из моего чудесного старого
дома? Мне, мол, тут будет хорошо во всех
отношениях, я, мол, смогу делать все, что
захочу. А что получилось? Я провожу целые
дни в полном одиночестве... Никто не обра-
щает на меня внимания.

Но, несмотря на эти жалостливые слова,
чувствуется, что в душе старухи все бурлит
от радости при одной только мысли о том, что
настанет день — и она будет прогуливаться
вместе со своей неразумной дочерью по оре-
ховой аллее.

— Что вам еще угодно, милостивая госу-
дарыня?

— Выкопать отсюда эту уродину — папо-
ротник. Ему здесь не место! Это ведь сорняк!

— Твое желание исполнилось: я обещала
тебе посадить ореховые кусты. Нельзя ли вза-
мен оставить здесь папоротник?

— Это же сорняк, я тебе уже объясняла.
Глупая ты, папоротнику место в лесу, а не в
саду. Это ведь дикорастущее растение. Нет,
нет, убрать его!

— Но он так красив!

— Красив! Крапива тоже красива. Ухо-
вертки и крысы тоже... Завтра днем папорот-
ник должен быть убран. Пора наконец наве-
сти порядок! Когда я буду в земле, здесь все
равно воцарится полный хаос, но пока... А те-
перь послушай меня, милая Троллы! Не схо-

дишь ли ты вечером, как стемнеет, к отцу Анны и не попросишь ли у него телегу навозу? Он нам будет нужен завтра, с самого утра. Только смотри, чтобы клали хороший навоз, без соломы. А потом ты отправишься в Свендборг и купишь капустной рассады. Мы с тобой посадим ее завтра, как только солнце зайдет.

— Капусту? Что мы будем делать с капустой? Мы же едим ее раз-два в год, не чаще!

— Если у нас будет своя капуста, мы сможем есть ее сколько душе угодно. Я люблю кудрявую зеленую капусту.

— Что ж, посадим капусту, тогда и зайцам будет чем прокормиться зимой!

— Зайцам? Этим воришкам?

— Где капуста, там и зайцы.

Старая женщина блаженно улыбается:

— Ах, если бы отец был с нами! Он мог бы охотиться в саду! И в сочельник у нас был бы на столе отличный заяц, а не эта безвкусная базарная дрянь.

— Думаешь, есть разница между зайцем, которого подстрелил отец, и любым другим?

— Ты что, в здравом уме? Ты забыла, как вкусны были зайцы, подстреленные отцом? Но как трудно было сдирать с них шкуру. И я своими слабыми руками... Ни одна служанка никогда не желала даже прикоснуться к зайцу... Это дело поручалось всегда всякому

сброду да еще цыганам. В те времена только живодеры сдирали шкуру с животных. Ну, а я умела так зажарить зайца, что сохранялся особый вкус дичи.

— Ну да, он ужасно долго висел у тебя в кладовой, только что не убегал.

— Невоспитанная девчонка! Как ты разговариваешь со своей матерью?

И она гладит волосы невоспитанной девчонки.

— У тебя есть и хорошие черты. Иногда они проявляются. Но редко. Очень, очень редко...

Она нежно гладит дочь по щеке.

— Что бы я стала делать, если бы и ты умерла? А ты, наверно, скоро умрешь... Ты такая бледненькая... У тебя нездоровый вид... И что тебя нрсит по этим заграницам?.. Сидела бы лучше дома да ухаживала за своей матерью. Постаралась бы достать мне эти несчастные деревянные ложки, о которых я прошу тебя вот уже десять лет.

— Деревянные ложки!!! Ну уж, знаешь, мать! Ведь я посылала тебе деревянные ложки из Франции, из Германии, из Сербии, из Италии. А мало деревянных ложек я покупала для тебя в Эстонии и Латвии?

— Деревянные ложки деревянным ложка́м рознь, дорогое мое дитя. Я же не говорю, что ты не присылала мне никаких деревянных ложек. Я говорю только, что ты присылала мне не такие, как я просила.

— Право, мама, я в каждом городе искала эти дурацкие ложки. Что ж я могу сделать, если их больше не производят?

— Все это сказки! Ты прекрасно знаешь, что их продолжают изготавливать. Как люди могли бы обходиться без них? Ведь та дрянь, которую ты присылала, ломается от одного взгляда. В старое время я за гроши покупала их дюжинами у нас на рынке... Я ведь даже нарисовала их тебе и указала точные размеры в длину, в ширину. И все напрасно. Да еще каждый раз, когда ты присылала мне негодные ложки, мне приходилось отправлять кого-нибудь в город и платить немалые деньги в таможенную. Потом ты совсем забросила это дело. А где, кстати, те плетеные кресла, для которых ты заставляла меня вязать чехлы? Я сидела и вязала один чехол за другим, а кресел так и не прислали.

— Я спрашиваю о них всякий раз, как бываю в Свендборге. Продавщица сказала мне, что эти кресла делает только один человек и что он привезет их к рождеству.

— Нет, дело в том, что ты просто забыла о них. Видно, ничего другого не остается, как самой поехать в Свендборг и получить эти кресла. Мои бедные старые ноги!.. И ты можешь это допустить?.. О Тролль! Посмотри-ка! Какие лилии! Здесь их, наверное, больше полусотни. Это мы посадили! Они так разрослись, потому что я перебрала лувиков.

Она нагибается и щупает землю.

— Смотри, дитя мое! Ведь они же кричат от жажды! Ты вот страстно любишь животных! А ведь животные всюду пачкают. Разве растения такие? А они тоже живые существа... Видно, мне самой придется тащить сюда эту тяжеленную лейку с водой. Может быть, я упаду по дороге, и тогда ты избавишься от меня...

Дочь, которая вовсе не желает избавиться от матери, тут же мчится за водой. Пока дочь поливает лилии, пахнущие так одуряюще, мать стоит и наслаждается...

— Вот это им нравится! Слышишь, как они жадно пьют воду. Им нужно не меньше трех леек. И послушай, Тролль, когда ты их хорошенько польешь, оборви все лепестки. Я еще успею, прежде чем умру, приготовить хорошую мазь.

— А может быть, мы их пока не будем трогать? Они такие красивые!

— Только и слышу: красивые, красивые! А если тебя ужалил оса? Или Люкке опять обварит тебе ногу кипятком? Конечно, лилии красивы, да что толку! Нет, будь добра, немедленно оборви все лепестки. А затем сходи в погреб и посмотри, достаточно ли у нас масла. А то тебе придется пойти в лавку. И купи непременно того же сорта, что ты берешь для своего излюбленного майонеза. Фу, какая гадость! Попробовала бы ты предложить его отцу! Ну и попало бы тебе!

А для меня все сойдет. Даже те ужасные потроха, что были сегодня к обеду...

— Вы хотите сказать печенка, милостивая государыня?

— Я сказала то, что хотела: потроха. Может быть, печенка — не потроха?

— А мне казалось, что ты очень любишь голубиную и гусиную печенку...

— Это совсем, совсем другое. И пожалуйста, не противоречь мне вечно. Ты сама прекрасно знаешь, что я умнее тебя. Да, у меня есть голова на плечах, и она не плохо работает. Я думаю, прежде чем говорю. А ты? Бедное дитя... Когда ты умрешь, я останусь одна, совсем одна на божьем свете.

— Да, но у меня нет ни времени, ни охоты умирать первой.

— А кто спросит, есть ли у тебя охота? До старости ты не доживешь, это сразу видно. Какой у тебя цвет лица! Милая Тролль, дорогая, милая Тролль, ты не должна меня оставлять.

— Не оставляю, даю тебе слово. Теперь ты спокойна?

— Ничуть! Но я знаю, что мне делать, когда ты умрешь. Я приму тот порошок, который глотают люди, когда хотят покончить с жизнью. Уж как-нибудь я его достану. Я куплю гроб, который вместил бы нас обеих. Мы в нем уляжемся обе, и нам будет так хорошо, как Эспену Меллеру и его жене... А как ты думаешь, Ганс будет рад, когда он приедет в

Данию с Тао и его сыном и я им покажу нашу ореховую аллею? Ведь это же моя аллея, только моя, не правда ли? Ах, если бы и Гарриэт была здесь! Она так любила орехи. Ты помнишь, как она и Магнина отправлялись в Стевринг за орехами и возвращались домой, усталые и голодные. Гарриэт могла их съесть целую пропасть! И все же была такая худенькая. А теперь Магнина там, в Париже, учительница французского языка. Не понимаю, что ее там держит. В монастыре! Тьфу! Не выношу католиков. Они — язычники! Тогда, после смерти Гарриэт, Магнина написала нам такое странное, бредовое письмо. Мы с отцом сразу сказали: «С ней что-то случилось — она не в своем уме». А потом, вспомни... ведь ее брат... он... помилуй его господь! Доставить своим родителям такое горе! Мать умерла из-за этого. Очень мило было со стороны пастора, что он похоронил его на священной земле... Не как в старое время. Тогда таких хоронили без священника и колокольного звона. Магнине трудно было пережить эту историю с братом... Ну, а теперь нам пора домой. Надо посмотреть, принесла ли Люкке рыбу. А то мы можем остаться сегодня без обеда, и ты опять будешь ругаться.

— Разве я ругалась?

— Конечно! У тебя такой кислый, недовольный вид, когда что-нибудь не по-твоему. Впрочем, грешно сказать, что тебе трудно угодить. Тебя каждый может обвести вокруг

пальца, потому что у тебя нет характера. Послушай, Тролль, когда меня уже не будет на свете, а ты обожжешься, то вспомнишь и поблаговаришь свою покойную мать за то, что она открыла тебе благодатную целебную силу, таящуюся в белых лилиях, этих творениях божьих. И не забудь сказать доктору, как приготавливается эта мазь...

ГРАММОФОН

— Ох, ты опять устраиваешь концерт?

— Но, мама, я ведь целый месяц не при-
трагивалась к граммофону. Неужели ты не
позволишь мне послушать несколько пла-
стинок?

— Кошачья музыка! Тьфу! Просто уши
дерет. И на что только ты тратишь деньги...

— Поверь, отец был бы очарован пением
Карузо!

— Карузо! Надрывается больше всех!
Можно подумать, что он получает деньги за
то, что визжит, как недорезанный поросенок!
Но ты так не музыкальна! Просто ужас! Мы
с отцом потратили немало денег, чтобы вы-

учить тебя играть на пианино. Ты брала уроки у самого дорогого учителя. И все зря. Ты когда-нибудь притрагиваешься к роялю? И для чего только мы его купили?

— Господи, мать! Ведь это же было почти тридцать лет тому назад. И тогда мне действительно очень нравилось играть на нем.

— Нравилось! Глупости! Сначала ты его одолжила настройщику из Копенгагена, словно это не рояль, а какая-то газетка, которую дают соседу! Он продержал рояль целых пять лет. Едва он его возвратил, как ты снова его одолжила! А теперь, когда тебе его наконец вернули, он стоит и ржавеет. Прежде, когда ты ходила играть к этому маленькому человечку, — помнишь, у него жена была такая высокая? — ты еще упражнялась, а теперь...

— На велосипеде я тоже больше не езжу...

— Ну, для этого ты слишком стара. И слава богу! Хоть шею себе не ломаешь. Разве я катаюсь на велосипеде?

— Если я слишком стара, чтобы кататься на велосипеде, может быть, я слишком стара, чтобы играть на рояле. Кроме того, ты не переносишь игры на рояле.

— Не болтай глупостей! Раз уж ты истратила столько денег на эту громадину, что стоит там, в углу, и занимает так много места, то хоть играй на ней. Я хорошо помню, как мы купили этот рояль в

рассрочку. Выплачивали по тридцать или даже по сорок крон в месяц бог знает сколько лет! Неслыханная вещь! Но ты все твердила: какой звук! Лучший рояль во всем Копенгагене! И невесть что еще. А теперь ты и не смотришь на него. Но я знаю, что мне делать. Когда ты уедешь, я дам объявление в газете. Я могу за него получить по меньшей мере четыреста крон.

— Четыреста! За концертный рояль!

— Ну да! И даже если дадут только двести, это тоже деньги! И никаких расходов на настройщика. Но как мне его упаковать, чтобы его не поцарапали по дороге?

— По дороге куда?

— В Копенгаген, само собой разумеется. Там я его и продам.

— Но, мама, ты же не можешь продать мой рояль! Ведь это моя личная собственность!

— Твоя личная собственность! Не говори глупостей. Разве ты не моя дочь?

— Бесспорно, твоя. Что же из этого?

— Раз ты моя дочь, то все, что принадлежит тебе, принадлежит и мне. И нечего больше об этом говорить. Все будет так, как я захочу. У тебя нет своего мнения.

— Да, но на этот раз будет по-моему. Право же, ты не продашь его.

— Ну конечно! Ты всегда была так упряма, милая Тролль. Кончится тем, что ты по-

даришь его первому встречному, тому, кто тебе скажет, что у него нет средств купить рояль.

Старая женщина откладывает в сторону вышивание и с важным видом направляется на кухню, где она тут же начинает жаловаться служанке Люкке:

— До чего же моя дочь неразумна! Я предлагаю ей избавиться от рояля, который ей только мешает. Разве я не права? Скажите, вы тоже говорите «нет», когда ваша мать просит вас о чем-нибудь?

Люкке улыбается и дипломатично молчит.

— Но я вам скажу, что я сделаю, когда моя дочь уедет. Бедное дитя, ей приходится все время разъезжать, чтобы заработать хоть немного денег. В ее возрасте это очень утомительно. Мы дадим объявление в газете, что продается рояль, и вырученные деньги положим в банк на ее текущий счет. На что только она будет жить, когда я умру? Будьте же хорошей девушкой и помогите мне экономить. Когда моя дочь попросит вас купить масло, вы покупайте только маргарин. Она все равно не разберет, а оставшиеся деньги вы положите в копилку. За год может накопиться большая сумма. Только... тсс. Ни слова моей дочери. Ведь она хочет, чтобы у меня было все самое лучшее, вот в чем дело. Сама она могла бы удовольствоваться даже салом, уж я-то ее хорошо знаю.

Тем временем дочь ставит новую пластинку

и раздается пение: «Nearer my god to thee»¹.
Дверь распахивается.

— Да, вот это совсем другое дело. Это чудесно... Это всегда можешь ставить...

Она садится, складывает на коленях руки и подпевает каждый раз, когда повторяются слова: «Nearer my god to thee».

— Ах, господи, бедные люди! Подумай только, если бы кто-нибудь из моих детей был среди них...

Голос ее обрывается.

— Они пели этот псалом, когда пароход тонул... Ты должна ходить в церковь, хотя бы по воскресеньям.

— Но ведь ты сама тоже не ходишь, мать!

— Я старуха, которая ничего не понимает, не чувствует. Что мне делать в церкви? Я и с пастором-то не знакома. Перелистываю иной раз сборник проповедей, — читать их лучше, чем слушать всех этих пасторов. Почитала бы и ты!

Дочь ставит новую пластинку. Теперь поет Карузо.

— Сними ее. Горланит во всю глотку! Я ведь не глухая. У меня лопнут от него барабанные перепонки. Откуда ты взяла эту пластинку? Ты что, опять купила новую?..

Мать совершенно лишена музыкального слуха, но каким-то чутьем угадывает, когда

¹ Боже, приблизь меня к себе (англ.)

дочь ставит новую пластинку. Отрицать это бесполезно, и дочь прибегает ко лжи.

— Это подержанная. Я купила ее за полцены.

— Тролль, Тролль, не обманывай свою старую мать! Постыдись! Ты думаешь, я не слышу, что она новехонькая? А ты еще врешь мне прямо в глаза! Кончится тем, что в один прекрасный день тебе не на что будет купить даже кусок черствого хлеба...

Дочь снимает пластинку с Карузо и ставит вместо нее какой-то допотопный вальс. Мать не говорит ни слова. Посмотрев на часы, она снова берется за шитье. Ее время строго рассчитано: по полчаса на каждую работу. Она кладет шитье на колени и, раскачиваясь назад и вперед на стуле, вспоминает:

— Ах, совсем, как в старое время на балу в клубе, когда отец танцевал с тобой. Ты ведь всегда сидела одна, моя бедняжка! И я так огорчалась, когда молодые люди тебя обходили, а перед другими расшаркивались. «Она скачет, а не танцует»,—говорил, бывало, отец. А между тем ты танцевала вполне прилично, милая Тролль. А как отец умел водить! Ты прямо сияла, когда кто-нибудь склонялся перед тобой... А вот Альма все время кружилась по залу. Она была как маленький солнечный луч... Тролль, поставь-ка эту пластинку еще раз, она очень красивая!..

Напевая мелодию, мать поднимается со стула и делает несколько па.

Дочь хочет обнять ее за талию.

— Нет, нет, ты не умеешь водить. Я говорила отцу: у тебя столько знакомых мужчин, ты не мог бы попросить кого-нибудь потанцевать с Тролль? А ты и в самом деле выглядела так мило в светло-розовом платье в крапинку...

Покачивая головой, мать идет в спальню, становится на колени перед сундучком, набитым до отказа маленькими бумажными паке-тиками, перевязанными шерстяными нитками разных цветов. Она достает один паке-тик и показывает дочери лоскуток светло-розового ситца с белыми крапинками.

— Помнишь? Йомфру Йосефсен сидела у себя наверху до полуночи, чтобы закончить платье, а ведь она была помолвлена и жених ждал ее, чтобы погулять с ней. Она была мила, эта йомфру Йосефсен, ей-богу она была очень мила. Внизу три волана в мелкую сборку; черный бархатный пояс. Как трудно было гладить это платье! Далеко за полночь я, бывало, гладила ваши воскресные наряды, мои дорогие маленькие детки. Мне очень нравится этот материал. Если бы я не была так стара, я бы, право, сама сшила себе блузку из этого куска... На тебе было это платье, когда ты отправилась в поход с той отвратительной особой, — помнишь, ты ее встретила, когда еще была учительницей у этих людей, что потом покинули свою усадьбу. И ты обманула отца и сказала ему, что идешь в Силь-

кеборг, к подруге. Стыдись! А как выглядело твое платье, когда ты вернулась домой! Можно было подумать, что ты валялась где-нибудь в грязи! Ведь вы могли умереть с голоду по дороге... Гамбург! Такой огромный, дикий город! Слава богу, отец твой никогда не узнал об этом...

— Нет, он как раз все узнал. Я подарила ему мой дневник в то рождество, когда вышла замуж.

— Неправда! Ты не давала отцу никакого дневника. Я никогда не видела его. Где он? Найди его. Я хочу видеть этот дневник.

— Отец, вероятно, давно сжег его.

— И вполне понятно. Ему было стыдно за твое путешествие. Таскаться по большим дорогам, словно распутные женщины. Фу! А что сказал отец?

— Удивительней всего, что отец никогда ни словом не обмолвился об этом.

— Да, потому что твой отец — благородный человек. Часто ночью я лежу в постели и думаю, что могло бы случиться... Причинить своему отцу такое горе...

— А что в этом было плохого?

— Ничего плохого... Девушке в семнадцать лет отправиться пешком в Гамбург? Ты совсем не понимаешь, что говоришь. Ты могла попасть в руки белых работорговцев, которые живут тем, что продают молодых девушек в эти... в такие дома в Южной Америке.

И что тогда? Мы тебя никогда не нашли бы. Отец умер бы, случись такое.

— Да, но ведь этого не случилось. И с той поры прошло уже больше сорока лет...

Тролль поставила пластинку с баварскими народными танцами.

Старая женщина пришла в восторг.

— Боже мой! Ведь это же знаменитый секстур. Мы однажды танцевали его вместе с твоим отцом в Флесе. Во дворе, прямо под открытым небом, представляешь себе! Вокруг одни только крестьяне. Сначала я отнекивалась—ведь это неприлично! Но отец так меня упрашивал, что в конце концов я согласилась. И знаешь, что произошло потом? Все окружили нас и хотели танцевать со мной! Но можешь быть уверена, из этого ничего не вышло: отец не позволил.

— Наверное, он был тогда очень ревнивый.

— Ревнивый! Твой отец был совсем не ревнивый. Не позорь его в могиле. Твой отец был таким, каким мужчина и должен быть... Приблизительно таким...

— Приблизительно? Значит, не совсем таким?

Старая женщина вздыхает и... молчит. Проходит немало времени, прежде чем она говорит:

— Мы все ошибаемся. Но тебя это не касается. То, что произошло между отцом и мной, давно ушло вместе с ним в могилу.

Глаза матери полны такой печали, что

дочь невольно остановила пластинку с веселым танцем.

— Подойди ко мне, Тролль! Совсем близко... Я хочу тебе рассказать... Мне пришлось немало пережить. Это суждено нам всем... Как я страдала и плакала... Но никогда, слышишь, никогда никто не услышал от меня хоть слово жалобы. Я скорее откусила бы себе язык.

Снова наступает долгое молчание.

— Однажды... это было очень давно... я написала... письмо лежало много лет... Твой отец должен был прочитать его только после моей смерти... А потом... потом я сожгла его... И правильно сделала.

— Но, мама...

Дочь хорошо знает, что вопрос, который она собирается задать, неуместен, но она не может совладать с безудержным желанием узнать истину.

— Мать... Отец обманывал тебя?

Старуха вскакивает, точно фурия, и кричит:

— Обманывал?.. Как ты говоришь такие вещи! Твой отец... твой отец, который поконит в могиле!.. Дитя мое, дитя, откуда у тебя такие мысли? Обманывал меня! Нет, Тролль, нет... Слушай, если бы твой отец обманул меня, я бы в ту же минуту ушла со своими детьми из дома и никогда больше не пожелала бы его видеть. Я скорее готова была бы мыть людям лестницы, чем принять хотя бы одно

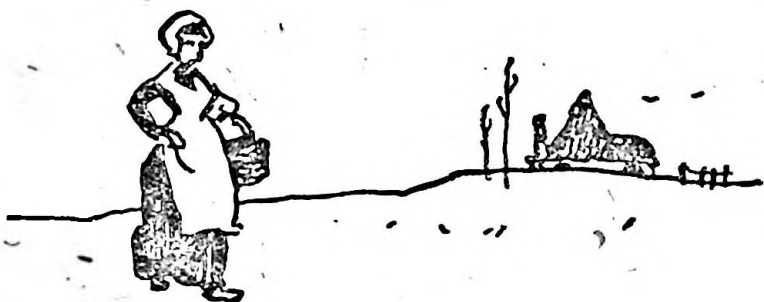
эре от человека, который обманул меня... Нет, нет...

— Да, но в таком случае я не понимаю, что плохого сделал отец...

— Конечно, ты ничего не понимаешь... ровно ничего. Твой отец... Боже мой, милый Як, и я должна это слышать от моего же собственного ребенка.

Она берет с подоконника портрет, прижимает его к сердцу и протягивает дочери:

— Посмотри на своего отца! Посмотри на его лицо! Неужели ты думаешь, что он мог пасть так низко... так... низко...

ОДНА ДОМА

Люкке уже давно болтает о том, что она хотела бы поступить в магазин, где торгуют готовым платьем, тонким бельем да еще, пожалуй, гардинами и портьерами. Но, конечно, Люкке предпочла бы то, что можно нацепить на себя.

Штопая шелковые чулки дочери, старая женщина качает головой:

— Ну и дрянь! И она еще требует, чтобы нитки точно подходили по цвету к чулкам. Но тут мы с тобой не сговоримся, милая Тролль. Я беру те нитки, которые у меня под рукой. Тебе не придется стягивать ботинок с ноги и всем показывать, что один чулок зашто-

пан зеленым. Нет у меня больше коричневой штопки! Ведь она же сама не хотела, чтобы я штопала тонким шелком. Она думала, что он непрочный. А он еще двадцать раз ее переживет. Ведь этому шелку больше семидесяти лет, ей-богу. Ну да, его привез капитан Сваррер из Китая... Погоди немного... Это было не в тот год, когда налетели майские жуки, а еще раньше... Помню, это было еще до моей конфирмации, а теперь мне уже больше девяти лет! Такая старая жаба!.. Как изумительно пахнет эта бумага. Она пахнет Китаем! Да, это совсем не то, что та дрянная папиросная бумага, которая продается теперь. Она рвется, чуть притронешься.

Что же мне посоветовать Люкке? Милая девочка! Некрасивая, но милая, да к тому же услужливая и расторопная. Как она ловко влезает на самую верхушку дерева, не поломав ни одной ветки. А как она растирает этот майонез, который Тролль так любит. Впрочем, я думаю, с тем же успехом можно мазать на хлеб машинное масло — майонез ничуть не лучше. Когда Тролль сама его растирает, у нее уходит на это часа два, и он все равно остается жидким. А Люкке растирает его с быстротой молнии, и он становится густым, как зеленое мыло...

Много всякого народа заходит в такой магазин, о котором Люкке мечтает. И конечно, там покупателей обслуживают и мужчины. А если она кем-нибудь увлечется... Вот ее

двоюродный брат с радостью взял бы ее в жены. А она еще ломается. «Карапуз», — говорит... Подумаешь. Наполеон тоже не был великаном... Да, если бы он не пустился посреди суровой зимы в этот поход в Россию, он бы еще и сейчас был императором... И все эти зеркала, что висят в таких магазинах... Она и так достаточно кокетлива. Я очень умно поступила, что повесила в ее комнате зеркало, в котором она выглядит косо, кривой и рябой. Благодарение богу, что мне пришло это на ум. Ее сестра рассказывает, что на вечеринках Люкке танцует не присаживаясь. Конечно, это преувеличение, ведь надо же ей дух перевести. Но, когда приезжает этот механик с американского парохода, никто другой не имеет права танцевать с ней. Боже, какой был скандал, когда он ударил кулаком по лицу этого красавца повара с «Нептуна» только за то, что тот поклонился Люкке, приглашая ее на танец. Сколько потом было разговоров! Должно быть, он выпил в тот вечер лишнее. Но Люкке не хочет идти ни за того, ни за другого. Она, наверно, думает, что на каждом углу ее ждет капитан. Конечно, капитаны получают большое жалование, но что толку, раз они так часто гибнут со своими кораблями... Я помню эту вдову с целым выводком детей. Она не хотела верить, что ее муж утонул. Она ждала его днем и ночью, родился малыш, но муж так и не вернулся. О! Я хорошо помню эту бурю! Как

выл ветер! Как бились ветви! Именно тогда вырвало с корнем серебристый тополь, и он беспомощно валялся на земле. Это было счастье для нас: нам хватило топлива на целых полгода... Да, господь бог хороший человек!.. Но яблони... Они очень пострадали... Если бы дядя Люкке не поставил на следующий день подпорок к каждому дереву, они никогда бы не выпрямились. Этот дядюшка — просто лодырь, он готов часами болтаться без дела, но стоит ему только взяться за работу, как у него все спорится. И на него можно положиться. А это очень важно для садовника. Я вспоминаю, как нас обобрал один садовник. Но, тсс... Слава богу, милый Як послушался меня и никому не сообщил об этом. Это был бы большой грех по отношению к его жене и бедным деткам... Дядюшка нашей Люкке не такой... Кстати, он с Люкке в родстве, но дядя ей он только наполовину: ее бабушка была два раза замужем, и он родился от второго брака... А что скажет другая бабушка Люкке, та, что живет в лесу, когда узнает, что Люкке торгует в лавке? У-у-у, как она строга! Она терпеть не может Люкке. Она зовет ее не иначе как противной девчонкой. Прямо душа болит за нее. Я не могу упрекать Люкке, что она ее избегает. Ведь старуха ее ругает всякий раз, как только увидит... Господи боже мой! Что только Тролль будет делать с девяносто шестью салфетками? Зачем ей понадобились

эти девяносто шесть салфеток, которые она собирается класть под свои старинные тарелки? А я должна корпеть над ними с утра до вечера только потому, что ей вздумалось приобрести эту дрянь. Да, дрянь, а не тарелки, и, вдобавок, они быются от одного прикосновения. Это как будто называется веджвудский фарфор или еще как-то в этом роде. Хенрик Понтоппидан¹ сначала не верил Тролля, он считал, что во всей Дании только у него есть настоящий веджвуд. Но в конце концов ему пришлось разубедиться в этом. Возможно, он и большой поэт. Ничего не могу сказать по этому поводу. Правда, «По ту сторону хижин» — замечательная его книга, то же можно сказать и о «Счастливишке Перре». Вот его отец — это был человек! Строгий к себе и к другим. Справедливый человек!.. Ну, а что, собственно, сможет Люкке заработать на первых порах? Ей, наверно, не хватит даже на еду и одежду. Нет, самое лучшее для нее — остаться там, где она сейчас. Но они все предпочитают стоять за прилавком, прыгать и вертеться вокруг первого встречного, чем зарабатывать свой хлеб честным трудом в приличной семье... Если бы это был хотя бы магазин вышивок, как у йомфру Рар... Она меня очень любила. «Другой такой девушки, как Сина Бек,

¹ Видный датский писатель, представитель критического реализма.

нет!» — говорила она. Да, я честно исполняла свои обязанности... Я не удрала от нее, когда она лежала и умирала от рака, а ее служанка испугалась заразы. Я вышивала с таким усердием, что у меня глаза слепли. Случалось, я работала дни и ночи напролет, спала не больше двух-трех часов, потому что все требовали, чтобы заказ был немедленно выполнен. И на какие только обманы не пускались женщины. Чего только они не придумывали! «Милая йомфру Бек, нельзя ли вышить бисером и шелком бумажник для моего жениха? — просила одна.— Но только ни слова об этом ни одной живой душе. Не выдавайте меня. Пусть он думает, что это я вышила». И я так красиво вышила этот бумажник: плачущую иву, скамью под ней, а на обратной стороне слова: «Верная до гроба», и тут же кроваво-красным тончайшим шелком крест и сердце.

Чего только я не вышила в свое время! Вот, например, для этой толстухи из Гамбурга — муж женился на ней только из-за денег — я сделала вышивку для курительного стола. Да, она заплатила за него четыре риксдалера — деньги не малые! Потом она опять пришла и заказала маленькую подушечку с таким же узором. Когда подушечка была еще не вполне готова, она попросила дать ей ее на несколько дней, чтобы ее муж вообразил, будто она украдкой от него занимается шитьем. Ух, терпеть не могу таких притворщиц... Но рот у меня закрыт на замок. То, что мне

доверено, уйдет со мной в могилу. А рассказать я могла бы немало!..

Нет, Люкке слишком нетерпелива для работы в магазине вышивок. Тролль скорее подошла бы для этого дела. Правда, она витает в облаках, но руки у нее золотые. И она так терпелива. Не знаю, в кого это она пошла, ведь Як был не таким... Он раздражался, когда обед запаздывал хотя бы на пять минут. И все это я сносила... Ох, как я была терпелива. Терпелива... и снисходительна... Но, конечно, только до известного предела. А Тролль может все стерпеть. Это говорил и тот грубиян, который бросил на землю велосипеда только потому, что их прислонили к его забору. Невоспитанный парень! Я проучу его, если он еще раз вздумает сделать что-нибудь подобное... Да, Тролль была наиболее покладистой из всех детей. Она могла иной раз и повертеть носом, но потом делала то, о чем ее просили. Гарриэт всегда корпела над книгами. Альма всегда убегала гулять вместе с Аннетой! Милая Аннеточка! Ее я любила, как родную. Она уже овдовела. Но, слава богу, она хоть хорошо обеспечена... Отец был очень рад, когда Аннета приходила за Альмой. «Она похожа на свежий бутон розы», — говорил он. Оно и понятно — у нее не было никаких забот. Она не знала, почему ее мать заболела душевной болезнью... Но... не будем тревожить мертвых... Красивая женщина была мать Аннеты... Она платила налог

с трехсот тысяч!.. А что толку? Впрочем, и это не деньги по сравнению с состоянием герра А. ...Кто бы мог подумать, что он станет самым богатым человеком в городе и, может быть, даже во всей Ютландии? Но все равно... Лучше делить кусок черствого хлеба с моим милым Яком, чем утопать в роскоши, живя с другим... Я ни о чем не жалею... Он всегда был безобразным, а каким страшным он стал в последнее время!.. Все это, наверно, от ртути. А тех, кто говорит, что у него дурная болезнь, тех следует отхлестать и посадить на воду и хлеб. Он самый порядочный человек, какого я знала... И как прекрасно он употребил свое богатство! Если бы милый Як был купцом, я бы могла теперь получить в приюте, который герр А. построил для престарелых вдов, три хороших, уютных комнаты с бесплатным освещением и отоплением и с общей для всех гостиной наверху, да и деньги в придачу... Слава богу, хоть фру П. дожила до этой радости. За нее просила родная сестра герра А. Иначе она бы никогда не добилась этого. Теперь ее дочери могут приходить к ней в любое время, и она всегда найдет, чем накормить их... Но брат его был скверный парень. Если бы это от меня зависело, он бы никогда не увильнул от выплаты денег на тринадцатого ребенка! Фу! Если он может платить за двенадцать, значит, может содержать и тринадцатого... Стыдно делать скидку на незаконных детей!

Никогда не слыхала ничего подобного! Мог бы и не бегать к другим женщинам, когда его собственная жена с двенадцатью живыми детьми живет тут же рядом. Постыдился бы! И, вдобавок, у него еще сахарная болезнь. Лучше подумал бы о смерти. Но он рассуждал так: у меня богатый брат, он за все и заплатит. Никакого понятия о чести!..

Мне кажется, Люкке следует взять в мужья своего двоюродного брата. Он человек положительный, не пьет, не играет в карты и... не очень противный... Боже мой! Уже три часа, а я все еще вожусь с этими салфетками. Лучше бы я вязала один ряд налицо, другой — наизнанку вместо того, чтобы следовать этому дурацкому образцу... И я тоже хороша! А Тролль еще приволокла сюда этот огромный ковер из канвы... «Посмотри, мать, как это восхитительно! Не могла бы ты вышить этот узор?» Конечно, на это пришлось ответить: да, да, с божьей помощью, если глаза выдержат... И вот я обещала ей расшить весь ковер. Проживу ли я так долго? А вдруг я ослепну и не сумею увидеть даже мухи на столе? Тьфу! Отвратительные ядовитые мухи!.. Я уничтожу их. Как только Тролль уедет, я сейчас же повешу мухомор. Непременно. Из-за этих противных мух даже вздремнуть не удастся. «Нельзя вешать мухомор, нельзя мучить животных» — какие глупости! У нас с отцом в каждой комнате было по два мухомора!

Этот ковер и в самом деле очень краси-

вых тонов. А вот одеваться Тролль не умеет. Господи, как нелепо она бывает одета! В своей желтой меховой шубе она выглядит, как кубышка, а один только бог знает, сколько сотен крон она заплатила за нее. Но в красках она хорошо разбирается, тут надо ей отдать справедливость!.. Когда она бывает за границей, она всегда находит там нитки самых разных оттенков. Альма говорит, что Тролль хорошо могла бы зарабатывать рукоделием — так быстро она вышивает. Если бы она только захотела! Вот когда она еще ходила в школу, батист, на котором она вышивала ришелье, был похож на пыльную тряпку... А стежки у нее ложились один на другой...

Хорошо, если бы какая-нибудь голубка прилетела в наш сад и свила бы себе гнездышко. Вместо этого соловья, который дерст глотку всю ночь напролет так, что нельзя сомкнуть глаз... Нет, голубка — совсем другое дело... Но где ее достать? Или колибри, которые так похожи на бабочек. Такие крошки, а сверкают так, будто внутри у них горят фонарики... Я очень хотела бы получить также несколько рыбок оттуда, из Гонулулу... Сидишь себе спокойно и правишь лодкой. Вода прозрачна, как стекло, — видишь дно, а в воде плавают рыбки всех расцветок, какие только можно себе вообразить, даже серебряные, золотые и сверкающие, как драгоценные камни. Консул говорит, что они лопаются, как только их вытащат из воды. Но я не верю этому,

небось одна болтовня. Отчего им лопаться?.. Теперь мне, наверно, уже не придется больше путешествовать... Разве что к моему милему Яку... Но если господь бог был бы милостив ко мне и послал бы мне хотя бы четвертую часть большого выигрыша, я, должно быть, все же съездила бы ненадолго в Африку, чтобы увидеть Ганса и Аллана... Я, не говоря никому ни слова, направилась бы в больницу и попросила бы директора: «Будьте так добры, отдайте мне Георга. Это мой внук. Я буду ухаживать за ним... А! мой маленький Георг... Бедный, маленький Георг... Я гладила бы его щечки, целовала бы его глазки... Я уверена, он выздоровел бы, если бы слышал мой голос. И он снова узнал бы своего отца и своего брата Тао... Милый, любимый Георг... Тролль говорит, что не к чему больше думать о нем... Не к чему... Как можно не думать о нем?.. Лучше все это случилось бы со мной... Очень тяжело было потерять Гарриэт, хоть знаешь, что она погибла такой прекрасной, чудесной смертью... Но то, что случилось с Георгом, трудно пережить... Я все пишу, пишу, спрашиваю: как поживает маленький Георг? Никакого ответа. И даже Ганс молчит. Он, наверно, не в силах писать об этом. Какое горе! Прямо сердце разрывается! Его смерть была бы благословением, да... А он был такой шалун. Всегда придумывал всякие забавы и не умолкал ни на минуту! «Послушай, дедушка!» И начинал ворковать... Он не понимал

еще, что значит лишиться матери. А отец жил так далеко в Африке! Лучше бы Ганс никогда не увозил его туда, в эту большую чужую страну, где зима бывает летом, а лето зимой... Он так радовался этой поездке. И какие письма он писал оттуда! Редактор газеты в Ранперсе говорил отцу, что эти письма можно напечатать. А мальчику было тогда всего тринадцать лет. Ясно, он тосковал... А тоска — это хуже всего... И почему его отдали в школу в Кейптауне, когда отец жил в Йоганнесбурге? Это было глупо... да, очень глупо. Конечно, он мог учить один язык, но изучать сразу три языка — это слишком много. Английский не труден, он похож на датский. Георг, конечно, одолел бы и тот исковерканный голландский язык, на котором там болтают. Но для чего, спрашивается, ему нужен был кафрский язык? Детский мозг был не в силах с ним справиться... Меня очень удивило, когда Ганс в первый раз написал мне, что Георг ленив и неспособен, что он едва отвечает, когда с ним заговаривают. Я сейчас же поняла: что-то случилось. Георг не лентяй и не тупица. И он всегда был так вежлив и внимателен к отцу и ко мне... Это какая-то болезнь. Она сидит в нем и точит его мозг. Ах, если бы Ганс отослал его тотчас же домой, ко мне... Я ухаживала бы за ним днем и ночью, днем и ночью, не смыкая ни на минуту глаз... Быть запертым в этой больнице, вдали от отца и брата, вдали от Да-

нии!.. Почему знать, как они там с ним обра-
щаются? А Ганс разве это знает?.. Я увере-
на, что наш врач помог бы ему... Наш врач
хороший человек. Если бы он только видел,
как я, старая женщина, все плачу и плачу...
Неизлечимый! Какое это страшное слово...
«неизлечимый»... Господи Иисусе!.. Это
письмо... Я и не думала, что оправдусь
от этого удара. Милый, любимый Георг...
Он даже не может получать моих пи-
сем... Они говорят, что он совсем ничего не
понимает. Никого не узнает... никого... Скажи
богу, что его мать не дождала до этого часа...
Лучше бы она взяла его с собой в могилу...
А потом они забрали его домой, чтобы посмо-
треть, как он будет вести себя в домашней об-
становке. Вот он и слонялся по ферме... А ма-
ленький Тао писал так трогательно: «Георг не
очень сильно болен. Он только тихий-тихий,
не говорит ни слова». Жизнь в нем замерла...
навсегда. Как в старых борехольмских часах,
когда я их забываю завести в субботу...

Куда я дела иголку для вышивания? Нет,
нечего больше сидеть и плакать! Вить я толь-
ко что держала иголку... Скорей бы лечь
в могилу... Старая дура, даже иголки не
могу удержать в руках... И всегда так одино-
ка!.. Если бы я здесь умерла, Троль, навер-
но, забыла бы положить меня в гроб... Ну вот,
слава богу, игла нашлась! Пойду умоемся. Да
и к пальцам прилипли волоски от этой ков-
ровой шерсти...

Кажется, кто-то пришел... Какие-то чужие люди. Небось хотят выклянчить деньги у Тролля. А я им скажу, моя дочь уехала и вернется только к рождеству. А если это кто-нибудь из ее знакомых? Тогда мне придется сидеть с ними и слушать их болтовню. Нет, не хочу... Все равно ничего не пойму... Запру дверь... Куда девала Люкке мой чистый чепец? Она никогда ничего не кладет на место... И волосы у меня совсем растрепались! Кто мог взять щетку?.. Надо и руки помыть... Ну вот, стучат... Могут подождать.

Старая женщина старательно разглядывает себя в маленькое ручное зеркальце. Она поправляет чепец, приглаживает влажным мизинцем брови, вытирает чистым полотенцем рот и надевает шелковый передник. Неслышными шагами пересекает она комнату и выходит на застекленную веранду.

— Да, да... Иду, иду... О, боже мой, это вы? Очень мило с вашей стороны. Я совершенно одна дома. Люкке и Тролля уехали в Свендборг, чтобы поговорить с хозяином большой лавки. Знаете, той, где в витрине стоят клетки с птицами... Тролля очень рассердилась. И в самом деле, что это еще за фокусы — ведь лавка не торгует ни птицами, ни клетками. До чего только люди не додумываются!

Заходите и раздевайтесь. Помогите мне налить спирт в этот ужасный примус. Спирт! Какая нелепость! Я всегда говорила Тролля:

купи обыкновенную керосинку. Хоть знаешь, с чем имеешь дело: она не взорвется, и дом не взлетит на воздух... А как поживает маленькая Бента? Это просто счастье, что бог вам ее послал... Да и у нас есть такой запоздалый ребенок... Аллан ведь на десять лет моложе Тролля, а она вторая... А от своего старшего из Канады вы давно имели известия? Он так внимателен к родителям. А как дела у вашего милого К., сейчас он готовится к экзаменам?.. Только бы не переутомился. Вы увидите, он получит отличные отметки. Да, мой Аллан тоже инженер, но это как-то не совсем понятно. Он горный инженер, но получил диплом только потому, что писал письма в Голландию. Вы можете себе представить человека, который стал бы врачом благодаря переписке? Слава богу, Аллан еще и аптекарь. Инженером он стал только для того, чтобы держать под контролем золотые прииски. О, боже мой, эти прииски... Они сожрали все, что Ганс и Аллан заработали. Но зато у них было развлечение... А книго-торговец? Он мне очень нравился. У него такие добрые глаза. Да, вы действительно можете благодарить бога, что у вас такие хорошие, старательные дети. А теперь расскажите мне о вашей сестре, той, что вышла замуж там, ну, где кофейные плантации... в Сантосе. Уже точно решено, что в будущем году она придет к вам в гости? Что, она все такая же худая? Я слы-

хала, что тропики изнуряют — все раскалено. Надеюсь, там хоть нет змей? О, я не выношу этих гадов!.. А как поживает дочка вашей сестры? У нее все такие же прелестные локоны? Сколько ей теперь лет? Четыре или уже пять? Скоро она пойдет в школу... Нет, наверно, они возьмут учительницу отсюда. Вот это было бы подходящее дело для Тролля. Она всегда любила путешествовать. И она немало побродила по свету. Но вот в Китае и в Японии она никогда не была. Хотя однажды ей представился случай совершить такую поездку. Это было до мировой войны, когда в мире еще царил порядок и можно было положить на географическую карту. Так вот, один человек в Вене — он возглавлял одно пароходство в Австрии, а значит, и Триесте и имел какое-то отношение к Ллойд — предлагал ей бесплатный проезд туда и обратно в любом направлении. Но глупая девчонка отказалась. Не соблазнила ее Япония. А вот я бы очень хотела поехать в Японию. Там, вероятно, так красиво!.. И она могла бы, кстати, посетить сына Вильгельмины, он ведь служит в Китае, на телеграфе. Он и женился на китайке. Это какая-то необыкновенная женщина! Вильгельмине она пишет: «Мой розовый лепесток, зеница моего ока». А сколько роскошных шелковых вещей он посылает домой! Они были здесь два года назад, и Вильгельмина показала мне фотографии, где они сняты все вместе, Какие прелестные детки!

Не очень похожи на китайских... А как они подружились с Троллы! И, когда они пригласили ее поехать с ними в Нью-Йорк и обратно, она приняла их приглашение. О! как все было элегантно на пароходе! Она занимала целых две комнаты — гостиную и спальню с кроватью из настоящей желтой меди, и отдельную ванную. А как там кормили! Подавали самые изысканные блюда, какие только можно себе вообразить. И каждый божий день на столе в ее гостиной — букет из живых цветов. Пойдемте, я вам покажу бювар, который лежал у нее в каюте. Она получила его в подарок от Ллойда. Смотрите, он из настоящей русской кожи! И как пахнет!.. У нас с отцом, когда мы путешествовали, была только одна каюта на двоих, но для нас этого было достаточно... Если бы ваш сын уже жил тогда в Канаде, я уверена, что мы завернули бы к нему, чтобы передать личный привет... Ведь Канада не так уж далеко... Вы знаете, дочь этого скульптора, — у нее такие красивые волосы, — она тоже была в Канаде. А потом она вернулась домой и вышла замуж... Против этого ничего нельзя сказать. Ее брат, наверное, и сейчас еще там. Он был такой красивый... Альма и Тролль говорили, что на улицах Нью-Йорка все люди на него оборачивались... Я его никогда не видела. Он был слишком красив, бедняга!.. Его старая мать все ждала от него писем, а писем не было. А когда господь

бог прибрал ее к себе, он, наконец, приехал. Но слишком поздно... слишком поздно... Я рада, что мои дети некрасивые. Это избавляет их от многих соблазнов... Как чувствует себя ваш муж? Ведь у него больное сердце? Не собирается ли он снова поехать на теплые воды? Тролль там тоже была. Знаете что? Поезжайте туда оба. Деньги у вас есть, а Бента уже большая девочка. С ней ничего не случится, если она поживет немножко без вас... А с сердцем шутки плохи. Вот возьмите хотя бы нашу Гарриэт. Разве кто-нибудь подозревал, что у нее больное сердце? И вот сидит она как-то на стуле, Альма думает, что она читает книгу, и вдруг она умирает... Боже мой! Как я рада, что вы пришли. Я всегда одна. Не с кем словом обмолвиться. Люкке еще дитя, а Тролль день-деньской работает у себя наверху. Поверьте мне, Тролль хорошая дочь, но она так неблагоразумна. Господи, до чего же она неблагоразумна! Будьте добры, помогите мне открыть эту коробку с ванильным печеньем. Тролль всегда покупает такие коробки, что их трудно открыть. Она боится, что я забуду их закрыть, и печенье отсыреет. А я никогда ничего не забываю... Вы давно видели фру Х.? Как неприятно иметь больные нервы! Я никогда не знала, что такое нервы. Я всегда была занята, мне некогда было думать о своих нервах. А вот дочь фру Х. не похожа на свою мать. И какая у нее спина! Прямая, как линейка! И какие умелые ру-

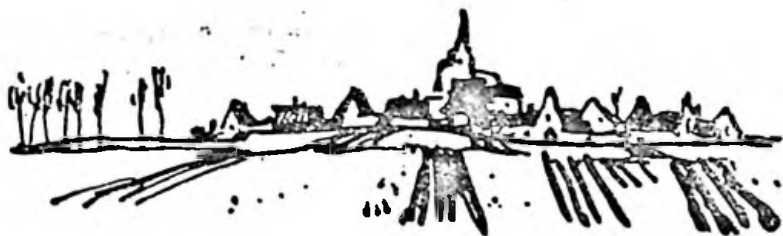
ки! Она может нарисовать все, что увидит. Не то что Тролль, бедное дитя! Господи Иисусе! Недавно я попросила ее нарисовать мне несколько сов, орлов и бабочек на скатерти, которую я хочу вышить,— у меня остался гарус. И знаете, что она сделала! Она притащила сюда этот огромный словарь, который выписала из Англии, что-то вроде «клопедии». Он обошелся ей больше пятисот крон. Что сказал бы ее отец! И хоть бы одной живой душе это принесло пользу или радость. Если бы он был еще по-датски, тогда бы я его читала, когда Тролль разъезжает по заграницам. Но кто понимает по-английски?.. А потом она просит у меня... восковку. Вы подумайте, восковку! Чтобы нарисовать этих несчастных птичек! Но я сказала: «Убирайся со своим словарем. Я могу сама нарисовать. Я знаю, как выглядит сова». И я, как умела, нарисовала орлов и соколов и этих птиц с длинными шеями. Послушайте, раз уж вы пришли, не могли бы вы оказать мне услугу и попытаться достать две-три деревянные ложки — такие, которыми можно растирать орехи. Тролль, конечно, очень старалась достать мне такие ложки, но она не видит разницы между ложкой, пригодной для растирания орехов, и самой обыкновенной деревянной ложкой. Я вам нарисую, какую мне надо. Когда вы будете писать вашей сестре, вложите в конверт рисунок... Может быть, она найдет такую ложку в Сантосе. Никогда нельзя

знать... Вы, наверно, слышали, что муж фру Юлии болен? Что-то с поясницей. На что она будет жить, когда он скончается? Слава богу, что у нее есть мальчик. Это такая радость! И этим она обязана исключительно главному врачу, который буквально спас ребенка.

Да, ведь вы еще не видели мой последний портрет. Его рисовал этот русский, вы его знаете. Он был у нас уже три раза. Сначала я не хотела. У меня много всяких дел, мне некогда позировать какому-то художнику. Но Тролль все кажется, что с меня слишком редко пишут портреты. Это у нее прямо какая-то болезнь. Она уверяла меня, что уплатила за портрет вперед, и я вынуждена была согласиться... А художник сказал: «Вы самая лучшая модель, какую я когда-либо имел». Я думаю! Ведь я-то знаю, как надо выглядеть на портрете. Конечно, я одела на себя все лучшее, что только нашла. А эта картина, что висит у Тролля над кроватью, какая гадость! Фу! Как ей не стыдно... Эта фрекен, что живет у нас наверху и делает рисунки для ее книг, она меня тоже рисовала. Это, правда, хороший портрет, но она могла бы подождать, пока я кончу штопать чулки. Ведь не штопают же чулки у всех на виду... Но мой лучший портрет сделала художница из Тосинге. На нем я в шелковом платье и кружевном чепце. Она тоже училась в Париже. Ее сестра была замужем за кем-то в Америке, — кажется, он был певцом. Бог его знает,

что он из себя представлял. Они живут, по словам Тролля, на широкую ногу. А ее собственный муж умер во время войны. — Он ведь был немцем. Этот портрет я послала мальчишкам в Африку. Ганс, должно быть, узнал это шелковое платье: ведь он сам подарил его мне к серебряной свадьбе, за месяц до своего отъезда. Бедный мальчик! С тех пор прошло больше тридцати пяти лет. И за это время он всего лишь один раз был дома. Но я не хочу, чтобы меня писал этот... Вы знаете, о ком я говорю... Нет, не хочу. А уж если я не хочу, этому не бывать. Тролля меня хорошо знает... Он... но, тсс... не будем говорить об этом. Он сам страдает больше всех. И какую дрянь он хотел навязать моей дочери! Вы когда-нибудь видели, чтобы дерево позрело в воздухе? А еще говорят, что в Копенгагене он получает по пяти тысяч крон за картину. Люди прямо с ума сошли. Я не дала бы и пяти эре за подобную мазню. Когда Тролля уедет, я возьму этот портрет и подарю его кому-нибудь. Или продам. Может быть, даже удастся уговорить нашего главного врача купить его. Он безусловно даст за него пятьдесят крон. А сколько за него заплатила сама Тролля? Может быть, тысячу? Это на нее похоже. Она так неразумна!..

А теперь, пожалуйста, выпейте со мной кофе. Это все, чем я могу вас угостить. Ведь я старое, жалкое существо. Скоро не смогу уже ни видеть, ни слышать, а тем более говорить.

ЛЮККЕ ЕДЕТ В НЮБОРГ

Люкке девушка не глупая. Она никогда не скажет: «Мне завтра очень хотелось бы поехать в Ньюборг, хотя мне и полагается работать в это воскресенье!» Она скажет осторожно: «Я знаю, что вы вряд ли разрешите мне поехать завтра вместе с отцом и матерью в Ньюборг к двоюродной сестре матери... Вместе с нами поедут дядя, дедушка и бабушка, что живут в лесу, мои братья и сестры... Но если вы не можете обойтись без меня, я останусь дома».

После такого вступления старая женщина, конечно, отвечает:

— Нет, почему же, пожалуйста, поезжайте... если только бог захочет и погода позволит.

И в ту же минуту в голове старой женщины начинается выход из привычных рамок новых мыслей. Могут возникнуть различные вопросы, каждый из которых требует индивидуального конкретного ответа.

— За кем замужем была замужеством стра? Не за тем ли парнем, что танцевал на спиртном заводе и в прошлые годы повесил себе колесо? Нет, конечно нет! А, вспомню, за тем полицейским, который держался так бак... Все ли дети пристроены? Или кто-нибудь еще остался дома? А откуда ли выдержать такое путешествие старика, что живут в лесу? Ведь по Ньюборгу так далеко! Мы с отцом ездили в Америку, но это совсем другое. По-моему, в десять раз удобнее. Сидишься на пароход в Копенгагене и складишь в Нью-Йорке... Конечно, они возьмут с собой корзину с провизией. Нельзя же накормить такую ораву!..

— Нет, можно, ведь их же всех пригласили в гости!

На все вопросы Люкке дает тщательно взвешенные и подробные ответы.

И с этого момента весь дом пребывает в торжественном ожидании. Старая женщина заранее тайне радуется всем тем новостям, которые Люкке узнает в Ньюборге, где когда-то на телеграфе служил друг юности милый Яка.

А теперь надо вспомнить все, что Люкке предстоит сделать до отъезда: почистить

картошку и залить ее водой, пропустить мясо пять раз через мясорубку, прокипятить головки брюссельской капусты и, наконец, вымыть пол на веранде. Ведь могут прийти гости! Люкке должна проверить, хватит ли всяких приправ, есть ли спирт, достаточно ли керосина в баке. По воскресеньям все закрыто — кто же пойдет к лавочнику с черного хода? Ведь Тролль сидит наверху и пишет...

— Боже мой! Совсем забыла про луковицы. Они ведь все лето пролежали в горшке под кустом сирени без воды и, наверно, совсем высохли. Нужно их посадить... Самое время!

Мать посылает Люкке в лес с плетеной корзинкой за перегноем, и тут же начинается работа. Перегной смешивается с песком, затем она вынимает луковицы из горшка, стряхивает присохшую к ним землю, срезает ненужные корни и сажает луковицы в горшки. Сверху она осторожно насыпает землю, утрамбовывает ее и обильно поливает. Потом они ставят горшки на цементный пол, под навес. Нужно следить, чтобы на них не попало солнце — первое время луковицы его не переносят.

Мысли ее снова возвращаются к Ньюборгу. Чем там намерены накормить гостей? Самое разумное было бы приготовить что-нибудь вроде черепашьего супа, но они вряд ли догадаются. Сварят, наверно, самый

обыкновенный суп с фрикадельками и поджарят кровавый ростбиф, если хватит мяса. Фу! Кровавый ростбиф! Словно они людоеды! Хорошо было бы приготовить рубленый бифштекс, конечно, если хозяйка сумеет достать подходящий кусок мяса. Но... кто знает, хорошие ли в Ньюборге мясники? Скорей всего не очень. Нужно считать по два куса на каждого, а есть и такие, которые съедят по три... Надо полагать, они не станут зря швыряться деньгами — обойдутся и без красного вина!.. Полицейский! Сколько он может получать в год? Вряд ли много. А что полезнее простой воды?.. Или, на худой конец, дать по стаканчику светлого пива. Мой милый Як любил выпить стакан пива, когда возвращался домой с охоты. Он так уставал, что не мог сам снять сапоги. Часами он бродил по лесу — это в его-то годы! — и все же не раз возвращался домой с почти пустой сумкой. Прямо сердце разрывалось, такой у него был удрученный вид... Господи, если бы только можно было купить пару куропаток и сунуть ему в сумку так, чтобы он не заметил! Но он, конечно, сразу бы это заметил... Но иногда он приходил домой, волоча за собой трех тяжелых зайцев да еще штук пять бекасов... Об этом можно было догадаться уже по одному тому, как он открывал дверь и с порога кричал: «Сина, поди сюда, посмотри!» И как он улыбался при этом... Он так же улыбался в свой последний час... в

картошку и залить ее водой, пропустить мясо пять раз через мясорубку, прокипятить головки брюссельской капусты и, наконец, вымыть пол на веранде. Ведь могут прийти гости! Люкке должна проверить, хватит ли всяких приправ, есть ли спирт, достаточно ли керосина в баке. По воскресеньям все закрыто — кто же пойдет к лавочнику с черного хода? Ведь Тролль сидит наверху и пишет...

— Боже мой! Совсем забыла про луковичи. Они ведь все лето пролежали в горшке под кустом сирени без воды и, наверно, совсем высохли. Нужно их посадить... Самое время!

Мать посылает Люкке в лес с плетеной корзинкой за перегноем, и тут же начинается работа. Перегной смешивается с песком, затем она вынимает луковичи из горшка, стряхивает присохшую к ним землю, срезает ненужные корни и сажает луковичи в горшки. Сверху она осторожно насыпает землю, утрамбовывает ее и обильно поливает. Потом они ставят горшки на цементный пол, под навес. Нужно следить, чтобы на них не попало солнце — первое время луковичи его не переносят.

Мысли ее снова возвращаются к Ньюборгу. Чем там намерены накормить гостей? Самое разумное было бы приготовить что-нибудь вроде черепашьего супа, но они вряд ли догадаются. Сварят, наверно, самый

обыкновенный суп с фрикадельками и поджарят кровавый ростбиф, если хватит мяса. Фу! Кровавый ростбиф! Словно они людоеды! Хорошо было бы приготовить рубленый бифштекс, конечно, если хозяйка сумеет достать подходящий кусок мяса. Но... кто знает, хорошие ли в Ньюборге мясники? Скорей всего не очень. Нужно считать по два куска на каждого, а есть и такие, которые съедят по три... Надо полагать, они не станут зря швыряться деньгами — обойдутся и без красного вина!.. Полицейский! Сколько он может получать в год? Вряд ли много. А что полезнее простой воды?.. Или, на худой конец, дать по стаканчику светлого пива. Мой милый Як любил выпить стакан пива, когда возвращался домой с охоты. Он так уставал, что не мог сам снять сапоги. Часами он бродил по лесу — это в его-то годы! — и все же не раз возвращался домой с почти пустой сумкой. Прямо сердце разрывалось, такой у него был удрученный вид... Господи, если бы только можно было купить пару куропаток и сунуть ему в сумку так, чтобы он не заметил! Но он, конечно, сразу бы это заметил... Но иногда он приходил домой, волоча за собой трех тяжелых зайцев да еще штук пять бекасов... Об этом можно было догадаться уже по одному тому, как он открывал дверь и с порога кричал: «Сина, поди сюда, посмотри!» И как он улыбался при этом... Он так же улыбался в свой последний час... в

последний час... Один его глаз уже был закрыт, а в другом еще светилося что-то вроде улыбки. Как будто он хотел сказать: «Мы с тобой еще встретимся». А потом закрылся и второй глаз. Он лежал тихо-тихо и был белый как полотно...

А какие были похороны! Неважно, что псаломщик забыл приготовить текст псалмов — люди знали их наизусть... А какой был почетный караул! Белые перчатки, черный креп. Совсем как на королевских похоронах. И сабля на гробу среди ярко-красных гвоздик, которые он всю свою жизнь так любил нюхать... Как это она могла начисто забыть, что отец в свое время, когда служил на корабле «Три короны», был в чине офицера... Но другие этого не забыли. Да, и к тому же он занимал высокое положение у масонов... Да, высокое, хотя, правда, не самое высокое — для этого у него не хватало средств. Ну, а речь пастора... Но что, собственно, мог знать пастор об отце! Да, пастор... Ах, все они болтают что попало. За это и деньги получают...

Господи, милый Як! Да, уже в тот день, когда он, лежа в постели, не говорил ни слова и только мотал головой, отказываясь от овсяной каши, — можно было догадаться, что дело идет к концу... Слава богу, я телеграфировала Тролля, моей маленькой овечке. Отец был так рад, когда увидел ее у своей постели. Но что за выдумка явиться к

смертельно больному человеку с картинами! Оказывается, она там, в Вене, начала заниматься рисованием. Но нет, каждый сверчок знай свой шесток! Либо пиши книги, либо занимайся картинами!..

Да, это была страшная ночь... Он лежал в гробу... Один — совсем один... Тролль заходила к нему иногда... Может быть, и я должна была... Нет, нет... не видеть его больше, не видеть... никогда... Как холодно было мне лежать в постели ночью, хотя и стояла теплая летняя погода. Как раз такая, чтобы сидеть в саду под старой яблоней и болтать о детях... Одни в Африке, другие в Америке. Право, тяжело, что они так далеко на чужбине. Сердце просто разрывается, когда они уезжают... И всегда, всегда беспокоишься, не случилось ли чего-нибудь с ними... Кто знает, как им там живется. Они ведь обманывают нас... О, я хорошо знаю, что обманывают, когда что-нибудь не ладится... Они хотят пощадить мать, но она не хочет, чтобы ее щадили. Она хочет знать. Знать...

Мысли скачут, точно камешки по воде. Теперь нужно всерьез заняться махровыми розами. Надо их разделить. Один куст посадим на могилу. Да, так оно и будет, что бы там Тролль ни говорила. Эти розы цвели в саду еще тогда, когда мать вернулась из монастырского пансиона и вышла замуж. Когда куст становился старым, мать срезала с него отросток и сажала в землю. Отросток

всегда принимался. Эти махровые розы мать получила от старой игуменьи. Никто не знает, сколько лет эти розы цвели в монастырском саду. Отросток, который Альма повезла с собой в Америку, слава богу, тоже принялся. А вот до Африки оказалось слишком далеко. Аллан еще до последнего времени выпрашивал отростки бабушкиных роз. А ведь она умерла, когда ему не было еще пяти лет. Но он помнит ее. Да, он помнит и ее тетю Софи. А что толку посылать бесконечные отростки, когда они все равно вянут в пути? Нет, надо было бы самой поехать туда и захватить с собой горшочек с махровыми розами. Это было бы совсем другое дело...

Не забыла ли Люкке прополоть морковь? И помидоры надо бы подвязать! Тролль тоже всегда забывала срезать лишние побеги. Как быстро трава все глушит!

Следовало бы также, с божьей помощью, вытащить на солнце постель, ее необходимо проветрить после всех этих гостей, которых Тролль притаскивает в дом... Только и делают что болтают.

Интересно, как поживает эта Агнеса, которая гостила здесь в позапрошлом году?.. Она ведь тоже из Америки, хотя в Берлине и поспешила выйти замуж за индуса. Просто чепуха какая-то! В Агнесе сразу видно что-то чужое. Но ведь Тролль слепа, как курица. Она все твердила, что Агнеса такая же, как мы все. А потом оказалось, что она

ведет свой род от каких-то индусских красавиц! Ну, разве я этого не говорила? Никто не уверит меня в том, что я ошибаюсь. Я никогда не ошибаюсь. Я хорошо разбираюсь в людях...

А этот индус был очень симпатичный... Стыд и срам, что такие люди еще поклоняются идолам! Он тоже болтал по-английски, но совсем не так, как Агнеса.

Это было заметно с первого слова. Понимали ли они друг друга? Правда, он очень хотел научиться говорить по-датски, но это было слишком трудно для него. Как они были влюблены друг в друга! Это бросалось в глаза, что бы там Тролль ни говорила. Ради него Агнеса развелась со своим прежним мужем из Берлина. Впрочем, меня это не касается. Правда, меня хотели провести. Чего ради он примчался сюда из Оксфорда, если не ради нее? Каждый может думать что хочет... Почему она по ночам вылезала в окно? Да, да, я еще не оглохла. А куда она ходила? Она небось думала: старуха сидит где-то там, в сторонке, и ничего не замечает!.. Но когда кто-нибудь вылезает в окно и возвращается через три часа, это слышно. Тролль говорит, что его мать — величайшая поэтесса Индии. Возможно, что это действительно так... У этой Агнесы удивительные глаза. Теперь ее книги выходят на всех языках, какие только существуют. Хотела бы я знать, хорошие ли это книги... Полдня сидела она

обычно у Тролля и стучала на машинке — наверно, получилось что-нибудь стоящее...

Но, боже, до чего же безобразен этот Ганди. Кожа да кости! Прямо страшно! А у Агнесы большие, удивительные глаза... Будто она всегда видит то, что другие не могут увидеть... В этом сказывается индусская кровь. И оба они не ходили, а крались, как кошки. О, я терпеть не могу кошек! Они оба валялись у озера, держа друг друга за руки. Но он способный. Он окончил целых два университета. Сначала в Берлине, потом в Оксфорде; а в третий раз он собирался кончать его во Франции, в том городе, где учился и муж Тролля. Как он называется? Ах да, Монпелье... Я помню, где он находится. Я хорошо знаю географию. Я могу, к счастью, на память начертить любую карту мира.

О, как охотно послал бы милый Як нашего Ганса в Оксфорд! Там он попал бы в хорошее общество и научился хорошим манерам! Но об этом не могло быть и речи. Мы должны еще сказать спасибо, что он мог бесплатно учиться в классической гимназии. Один только бог знает, как он был бережлив! И в гимназии и потом, когда он учился на фармацевта в Копенгагене и жил на чердаке в маленьком домике, напротив детской больницы королевы Луизы... Она тоже умерла. Умная была женщина! Об этом можно судить уже по одному тому, как она устроила своих дочек. Правда, Александре не очень

повезло. Ее муж был развратник. Уверена, что старая Виктория пролила из-за него не мало слез... А другая, та, что в России... Бедняжка! Ей пришлось попрошайничать на склоне своих дней. А думала, что будет жить в роскоши! Еще бы! Императрица России! Да избавит нас бог! Но здесь ее семья отнеслась к ней с большим вниманием... Я это хорошо знаю...

Ганс получал каких-нибудь сорок крон в месяц, ведь больше мы ему посылать никак не могли. Десять крон стоила комната. Отапливать ее было нечем. Но, когда к нему приходила в гости Тролль, он угощал сестру какао, сваренным на воде. И клал туда немного сахара. Ах, как я плакала, когда читала письмо Тролль: «Кухней Гансу служит железная коробка из-под собачьих галет. В ней стоит горшок с жиром. Там же он хранит черный хлеб, немного сахара и какао. Этим он и питается. Иногда он все же заходит в ресторанчик «Круглая башня». Обед там стоит тридцать восемь эре, и он вполне соответствует своей цене». Ганс лучший из наших детей, а горя хлебнул больше всех... Милый Ганс...

* * *

Старая женщина вдруг почувствовала усталость, невыносимую усталость. Она медленно идет по лужайке к палатке, похожей

на рыночный ларек, в котором торгуют пирожными. Но она любит эту палатку.

Ей подарила эту палатку фру А., которая так богата, что не знает, куда девать деньги. Свой жизненный путь она начала простой буфетчицей. Она шведка, очень, очень дельная женщина и такая практичная. Не то что Тролль... Сначала она содержала кафе, неподалеку от Тиволи, а когда дело пошло хорошо, купила большой отель на набережной. Она сама говорит, что загребала огромные деньги. Но она ими не швырялась, знала цену. Она гостеприимна, тут ничего не скажешь. Ведь не всякий пошлет машину за такой старухой, как я. Нас угощали черным и белым виноградом, шоколадом в серебряной обертке, а потом подали эти волосатые фрукты, что растут в оранжерее. Я их терпеть не могу. Но и виду не подавала — у нее ведь были лучшие намерения. И подумать только, среди бела дня шампанское!.. Ради меня!!! Точь-в-точь, как на пароходе, когда капитан окружил нас с отцом таким вниманием... Да, да!.. А палатка ей и самой пригодилась бы, но она и слышать об этом не хотела. Подарила ее мне... Там, в Германии, она стояла много денег. Здесь можно насладиться покоем и тишиной. И какая тень, не то, что под этим дурацким навесом, который Тролль умудрилась купить в Любеске. К чему такая дрянь? А стоил он больше ста крон. Без помощи двух мужчин его нельзя стронуть с места,

Конечно, Тролль была движима лучшими чувствами... Бедная моя овечка...

Старая женщина нагибается и подкладывает под ноги несколько кирпичей — вместо скамеечки. В палатке куча кирпичей; она их постепенно сюда натаскала — хоть не придется бегать за ними, когда здесь соберется много народу.

Уронив руки на колени, она сидит на садовой скамейке, стоящей у стены палатки. На скамейке разложены подушки, но они не очень мягкие. Она прислонила голову к одному из столбов, поддерживающих палатку. Ей так хорошо, так хорошо. Она отдыхает. Глаза сами закрываются. Она спит. И ей снится, что все ее пятеро детей опять с нею...

* * *

Внезапно она просыпается.

— Неужели я опять проспала столько времени! Конечно, Люкке могла бы посмотреть, где я, и разбудить меня. Ведь она знает, сколько дел нам еще предстоит! Куда она девалась, эта Люкке?

Она поднимается и, тяжело опираясь на палку, идет по траве. Она злится. Злится на себя. Она хватает медный колокол, слишком тяжелый для ее слабых старческих рук, и изо всех сил размахивает им. Звон разносится по всему саду; он слышен даже на озере. Наконец прибегает Люкке. Она умеет быстро бегать, когда захочет.

Люкке вихрем мчится навстречу старой женщине и протягивает руку, чтобы поддержать ее.

— Я была наверху, смотрела, нет ли крыс. Там снова полно крысиного помета... Но теперь я всюду подмела, и в сарае и в доме. Пол я вымыла, лошадь почистила... Вообще сделала все, что надо...

Люкке знает, как расположить к себе старуху.

— А где деревянные башмаки фру Б.? Она писала дочери, чтобы мы их не выбрасывали и никому не давали. Где они?

Люкке улыбается.

— Я знаю. Они стоят на чердаке, у дымовой трубы, завернутые в газету и обвязанные шнуром. Я сама их запаковала и написала карандашом имя фру Б.

— Ну, слава богу! Теперь нечего больше думать об этих башмаках, выброшу их из головы... Ты хорошая, милая девушка... А вот идет эта фрекен «сверху». Что ей надо?

Фрекен «сверху» тоже услышала звон колокола и прибежала. Может быть, требуется ее помощь?

— Нет, нет, идите к себе — вам надо укладываться. Ведь вы уезжаете в понедельник? Конечно, вы можете остаться у нас еще на некоторое время, но мне казалось, будто вы говорили, что торопитесь домой, повидаться с матерью...

Фрекен «сверху» успокаивает старую женщину: да, она уезжает в понедельник.

Она уходит, и мать вздыхает с облегчением.

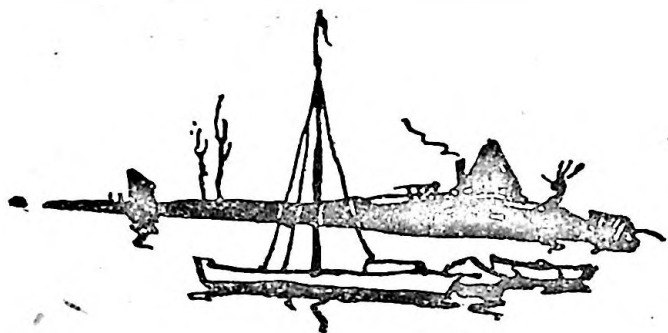
— Конечно, она очень мила, ничего не скажешь. И какая фигура! Какие ноги! Сложена прекрасно. Она так любезна, что играет со мной в вист, когда Тролль занята... Но все же хорошо, что мы снова будем одни... Она прекрасно фотографирует. Все в ее семье занимаются фотографией: ведь ее отец был фотографом в Лjungби. Вы, должно быть, знаете?.. А как она умеет одеваться! Не то, что...

Потом мысли старухи вновь обращаются к Люкке:

— Надеюсь, вы не наденете в поездку выходное платье? Ведь может пойти дождь!

Нет, Люкке и не думает надевать выходное платье. Она удовольствуется своим прошлогодним уличным костюмом.

— Вот это разумно. А спать пойдете ровно в восемь. Не спорьте, пожалуйста. Я сказала: ровно в восемь. Иначе можете опоздать. Мы с вами заведем оба будильника, и, кроме того, у меня есть мои борнхольмские часы. Но только не забудьте, Люкке, поставить после ужина кипятить воду. Два полных чайника. Иначе будет, как в прошлый раз, когда я, бедная старуха, не могла даже помыться потому, что вы все ушли в ресторан футбольного клуба.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК ОМОВЕНИЯ

Каждую субботу вечером происходило великое омовение. Ничто в мире не могло помешать этой церемонии. Старая женщина могла быть до того усталой, что едва передвигала ноги, могла быть больной, — это не имело никакого значения. (Она, конечно, утверждает, что вообще никогда не болеет. Правда, если что-нибудь делается не так, как ей хочется, она тут же начинает вздыхать: «Я так больна! Так больна!» Но стоит выполнить её желание, болезнь испаряется, словно роса на солнце.)

Наступает субботний вечер, а с ним и

праздник омовения. Усердно плескаясь в лотанке, она думает о тех стариках и старухах, которые не могут сами о себе позаботиться. И нет у них никого, кто бы мог им помочь. Вот это действительно должно быть очень тяжело! Думает она и о тех монашках, которые не моются потому, что стыдятся увидеть свое обнаженное тело. Что за вздор! Они же должны знать, что господь бог не любит грязи. Еще в писании сказано, что надо быть чистым телом и душой. Уж эти мне католики, вечно они что-то придумывают. Нет, надо всегда быть чистой и опрятной, тогда в любую минуту не стыдно будет умереть и лечь в землю.

После мытья она закутывается в старый халат,— не в тот, хороший, который Тролль купила у китайцев в Нью-Йорке: в том становишься похожей на даму полусвета — вдоль и поперек он расшит шелковыми цветами, лиловыми внутри и светло-голубыми снаружи. Нет, он совсем не подходит для порядочной женщины! А черный, стеганный, что подарила Альма,— у него весьма благородный вид,— хранится на случай, если она, не дай боже, снова ляжет в больницу. Нет, пока что она обойдется старым халатом отца. Он мягкий и удобный, со шнуром вокруг талии и большими карманами и так вкусно пахнет табаком. Слава богу, у старика была до конца его дней эта радость!

Она сидит и отдыхает. Но вдруг она

начинает стучать палкой в потолок, трезвонить в медный колокольчик изо всех сил и нажимать кнопку электрического звонка у кровати: пусть Тролль поскорей придет и займется ее ногами. Бедные старые ноги! Они не мало исходили на своем веку. О, если бы она могла нагибаться, как прежде, она никого не просила бы помочь ей! Для этого она слишком горда. Но она, бедняжка, так стара! Жалкое беспомощное существо!

Входит Тролль с папироской во рту.

— Фу, какой срам! Ходить с папироской во рту! Ты думаешь, Иоанна Луиза Хейбер¹ позволяла себе курить в комнате? Подойди-ка сюда! Вот теплая вода, а остальное ты найдешь в аптечном шкафчике. Нижний ящик справа... Я сказала, справа... Господи боже мой, этот ребенок не знает, где правая, а где левая сторона... О! бедные мои ножки!..

Когда мой милый Як был болен, правда еще не очень сильно, но уже не мог ни ходить, ни стоять, мы его усадили в большое кресло и возили по дому. И стоило его вкатить в одну комнату, как он сейчас же просил, чтобы его отвезли в другую. Вечно он забывал что-нибудь...

А у меня были уже такие больные ноги... Мне казалось, что я хожу по битому стеклу. Ноги были как колоды. Но я не жалова-

¹ Знаменитая датская актриса.

лась, сама понимаешь. Это было бы величайшим грехом по отношению к отцу...

Поосторожней! Ты такая неуклюжая, милая Тролль! Настоящий медведь!

Дочь опускается на колени перед скамеечкой, на которой стоит тазик с водой. Мать ласково гладит ее волосы.

— Ты не забываешь мыть уши? Дай я посмотрю. Наверно, там у тебя грязь.

Дочь отстраняет руку матери:

— Посиди же, мать, спокойно, иначе я ничего не смогу сделать.

— Ты не знаешь, почему у меня так быстро растут ногти? У отца этого не было. Наверно, у меня какая-то болезнь. Посмотри, какие страшные мозоли! Отец всегда говорил, что оттого, что я надевала ботинки не на ту ногу. Вздор! Ботинки здесь ни при чем, все дело в ногах. Когда ты будешь в городе, посмотри, может быть, найдешь пару мягких туфель, но только дешевых. Самых, самых дешевых. Ни в коем случае не дороже пяти крон. Из самого дешевого лака. Номер тридцать пятый. Не больше. Иначе они будут болтаться на ногах. А ботинки должны быть по ноге! Но не вздумай брать эту дрянь на высоких каблуках. Пусть сапожник подберет одну тоненькую набойку, и все!

— Послушай, мамочка, не позвать ли нам раз в жизни хорошего сапожника? Он снимет мерку, и ботинки будут сидеть, как литые?

— Снять мерку!!! Ни за что на свете!

Я еще не потеряла рассудка. Ты думаешь, я не знаю, сколько денег ты тратишь на ботинки? Нет, на это я ни в коем случае не соглашусь. А вдруг я умру, что тогда? Мои ботинки тебе не подойдут. У тебя маленькая, широкая нога. Вся моя обувь достанется Армии спасения. Вот у Гарриэт были красивые ножки! Узкие-узкие, а пальчики на них тонкие и нежные... Такими уж они были от рождения. Как бы я хотела увидеть Гарриэт в гробу! От Альмы ничего не добьешься... Ты не считаешь, что она ведет себя как-то странно? Сначала целых полгода она совсем ничего не писала и почему-то заставляла мужа писать за себя. А потом, когда приехала сюда, болтала со мной о чем угодно, но всякий раз, как я ее спрашивала о Гарриэт, переводила разговор на что-нибудь другое. А ведь за это время она была три раза дома. Похоже, что она что-то скрывает от меня...

Дочь склоняет голову к ногам матери, чтобы та не могла видеть выражения ее лица.

— Да, собственно говоря, тут и рассказывать нечего...

— Ты сама говорила, что в газетах так хорошо писали о ней... Неужели Альма не могла прислать нам эти газеты. Представляешь себе, как отец был бы рад прочитать это.

— Положить пластырь?

— Не надо. Мне уже не больно... Милая, дорогая, хорошая моя Тролль! Как ты ухаживаешь за своей матерью! Я молю бога только о том, чтобы и он не оставил тебя, когда ты состаришься. Кто будет возиться с твоими ногами, когда тебе перевалит за девяносто?.. Впрочем, ты ведь не доживешь до старости. Ты умрешь до наступления зимы, я уверена. И мне больше не придется видеть, как ты уезжаешь от меня... Не могла бы ты бросить курить? Ведь я прошу тебя об этом... А ты не забыла написать завещание? Я думаю, тебе следовало бы одну из твоих серебряных безделушек завещать этой фрекен, что живет рядом с нами. Она очень трудолюбива и так хорошо плетет кружева... А нашему врачу надо, по-моему, оставить золотой портсигар. Можно будет соскоблить твоё имя и вместо него выгравировать имя врача... Не забудь также детей моей сестры... Девочка так хорошо танцует... Если бы только ее приняли в королевский балет. Знаешь что? Завещай ей свою меховую шубку. Ей она пригодится, чтобы бегать в театр и обратно домой... А что будет со всеми твоими картинами? Такой хлам! Продать их с аукциона, что ли? Нет, лучше я дам объявление в газетах и буду сама их продавать. Так я выручу гораздо больше. Как тогда, когда умер отец. Я продала мебель вдвое дороже, чем мы в свое время за нее заплатили. Я знаю толк в этих делах. Когда мы поженились,

книжный шкаф отца стоил шестьдесят пять крон. Правда, я не раз говорила отцу: «Милый Як, к чему нам этот шкаф? Собрание проповедей Бределя и врачебный справочник Торнанса — только эти две книги нам и нужны». Но отец любил новые книги, и я уступала. А за книжный шкаф я получила потом полтора крона. Я продала его коммерсанту Бейе, но, правда, дала в придачу ружье с патронами и охотничью сумку отца. На что мне все это? Я же на охоту не пойду... Сколько несчастных случаев бывает во время охоты! Помнишь этого рыжего парня, который прострелил глаз своему лучшему другу? Тот умер на месте. В то время люди не были так умны, как теперь. Случись такое несчастье в наши дни, охотника признали бы невиновным. А в те времена за это с позором отправляли на каторгу, особенно не разбираясь, свершилось ли убийство случайно, или нет. Я сказала этому Бейе, чтобы он был осторожен, не то я приду к нему и заберу ружье.

Давай займемся завтра завещанием? Было бы очень печально, если бы после твоей смерти все эти хлопоты легли на меня. Нет, до тех пор пока мы не выполним все формальности, я не смогу спокойно спать... Маленький Георг тоже должен получить свою долю. Независимо от того, находится ли он в больнице, или нет... Дорогое дитя... Он должен получить больше всех... если вообще после тебя

останется хотя бы одно эре... Как ты думаешь, его порадовала бы та красивая булава-ка, ну, знаешь, что с зеленым камнем? Или серебряный ящик для сигар? Тебе он совсем не нужен, а Георг мог бы хранить в нем сладости. Ведь это единственное, что он любит... Ах, если бы я могла хоть изредка посылать ему коробку печенья. Но Ганс говорит, что не надо ему ничего посылать, так как это его очень возбуждает. А почему, собственно, это его волнует? Я бы в тысячу раз больше хотела, чтобы он сидел в тюрьме, чем в этой ужасной больнице. Я бы пошла тогда к королю и на коленях умоляла бы его помиловать несчастного ребенка. А когда король увидел бы, как я валяюсь у него в ногах и плачу, он не решился бы мне отказать. Дни и ночи напролет я стояла бы у дворца с протянутыми руками, ожидая выхода короля... Но эта больница... Ведь это живая могила, Тролль, живая... могила...

Чтобы отвлечь мать от тяжелых мыслей, дочь быстро вновь переводит разговор на завешание:

— А кому достанется большой ковер? Ведь он стоит несколько тысяч!

— Ковер! Барахло! Ведь он же весь изъеден молью. Его надо поскорей выбросить на свалку! Я продам его первому попавшемуся, если только удастся... И пусть тебя похоронят рядом со мной и отцом. Да, моя овечка. Тогда хоть кто-нибудь из моих детей будет

лежать вместе со мной... Мои дети, я родила их на свет!.. Не легко быть матерью! Благодаря богу, что у тебя нет детей. Тем более что ты не сумела бы воспитать их... Единственное место, где еще можно слушать по вечерам музыку,— это наше родное кладбище. Я просто истосковалась по нем... Я верю, что и после смерти человек что-то еще чувствует... Конечно, только хорошее, одно только хорошее... Какое счастье, что милый Як умер еще до того, как случилось это несчастье с Георгом... А что бы делал отец, если бы меня не было? Ведь чужие люди так нетерпеливы. Мне приходилось его одевать по два, три часа. Но что из этого? Я говорила себе: отец теперь снова маленький ребенок, а я, его мама, должна заботиться, чтобы его никто не обидел. Собственно говоря, это было чудесное время! Поверь, отец радовался моему присутствию. А я его укладывала поудобней, садилась возле него и брала его за руку. «Ах, как мне хорошо», — говорил он, бывало. Я и в самом деле очень ловко управлялась с его семью подушками. Я обкладывала его подушками со всех сторон и притом так ловко, что он мог отдыхать душой и телом.

* * *

— Ну вот, теперь ногам стало легче! Если бы дело было только в них, я могла бы хоть на бал идти! Это было бы бесподобное

зрелище! Помнишь ту женщину из усадьбы? Ту, о которой говорили, что она сначала вышла замуж за собачьего цирюльника где-то в Италии и потеряла поэтому дворянство, а потом снова вернула его, выйдя вторично замуж. Ах, как она держалась, когда появлялась на балу! Сначала все замирали от восхищения, а потом подымался восторженный гул. Она выступала, точно королева; на ней было платье с длинным шлейфом, но он не грязнился — так хорошо был натерт пол. А рядом с ней шел этот коротышка — амтман. Он прыгал вокруг нее, словно шавка, забегая то спереди, то сзади. А ее глаза так сияли, что их можно было принять за звезды, сверкающие на небе. И тут вдруг случилось, что у нее расстегнулась туфелька — а туфли на ней были атласные, но, по правде говоря, не очень маленькие. И мигом семь или восемь кавалеров бросились перед ней на пол, чтобы застегнуть туфлю. Ножка досталась некоему Кастенскьельду. Боже, как он был красив! Как красив!.. Что тебе сказать... Каждое утро, когда он проезжал верхом мимо нас по аллее, я бросала все свои дела, подходила к окну, стояла и смотрела, как он кланяется фру К., которая жила наверху. Он был тогда влюблен в нее... И вот он взял ее ножку, и знаешь, Троль, что он сделал? Он взял ее ножку... и вынул из туфли!!! И поцеловал ее, внизу у подъема.

Я была ошеломлена. Все кругом кричали, что это скандал, ну и тому подобное. Но я была совсем другого мнения. И поверь, она совсем не рассердилась. Конечно, если бы это был тот попрыгунчик, что вертелся вокруг нее,— это было бы только глупо и смешно. Я очень люблю красивых людей. Мне кажется, это дар божий, и мы все должны радоваться ему. Когда я была молода, все говорили, что я хороша собой. Может быть, но ведь я сама не могла это видеть. А отец... даже если бы я была горбатая и косоглазая,— ты не огорчайся, милая Тролль, ты ведь не виновата,— все равно отец считал бы меня красивой... Да, это было так... Ведь ты же сама была замужем два раза, значит, дело не в красоте. А вспомни ту красивую девушку, что жила напротив старого дома. Сколько лет она просидела в ожидании мужа у окна; а между тем люди говорили, что это самая красивая девушка в городе! И деньги у нее были! И родом она из хорошей семьи! И хорошо одеваться умела, как твоя фрекен «сверху». И что ж, она до сих пор сидит в старых девах, увядшая, поседевшая.

Большое тебе спасибо, моя овечка. Ты хорошая девочка, и бог вознаградит тебя за это. О, с каким удовольствием я поколотила бы этих мерзавцев из газет, которые так ополчились на тебя. Ты ведь стараешься изо всех сил, бедняжка! А вот о Енни они

хорошо пишут. Но ведь она замужем за па-стором. Это совсем другое дело. Все же ты не должна была писать в газете о кладбище. Они очень разозлились, хотя ты была, как всегда, права. Когда я увидела эти жалкие кучки щебня и подумала о том, что это и есть могилы для бедняков,— я в бессильной злобе сжала кулаки... Послушай, что я тебе скажу, Троль... Там на кладбище на некоторых могилках высятся прекрасные мраморные памятники, но если бы воздать этим людям по заслугам, многие из них не получили бы и горсти щебня... Да, не забудь поставить будильник около Люкке. Она спит как мертвая. Можно стрелять из пушек, она не проснется. Если кто-нибудь придет сюда, чтобы меня убить, это будет легко осуществить. Но тогда я скажу: «Пожалуйста, убивайте меня, но только сразу насмерть. Я вовсе не хочу лежать с топором в голове и мучаться... Нет, это меня не устраивает».

* * *

Теперь, когда ноги уже не болят, старая женщина чувствует себя легко и радостно.

— Не думаешь ли ты, что было бы приятно пойти погулять по саду? Вечер такой хороший, а фрекен «сверху» уехала в Христианеминде. Так приятно, что мы с тобой остались совсем одни.

— Да, мать, но ведь ты же не одета!

— Наплевать! Этот халат такой теплый, как три платья. А на ноги я надену деревянные башмаки... Послушай, что я тебе скажу, Тролль. Ты так много пишешь в газетах, напиши хоть разок статейку об этом сапожнике, что делает деревянные башмаки. Как его?..

— Ты имеешь в виду Плуге?

— Да, да... Плуге. Хорошая получилась бы статья... В ней можно рассказать, что твоя мать считает его большим мастером. Да, настоящий мастер по части деревянных башмаков. Они сидят на ноге не хуже, чем мои свадебные туфли... а они были прюнелевые, белые и тонкие, как бумага... Ты их потом выпросила у меня... И для чего только тебе нужны были эти старые туфли? Я думаю, они весят лота¹ два, не больше. В то время мои ножки можно было за деньги показывать: маленькие, беленькие, тоненькие. Я часто думала, что, будь я Золушкой, я бы обязательно вышла замуж за принца. Мне не пришлось бы ни пятки подрезывать, ни пальцы отрубить, чтобы надеть золотые туфельки. Впрочем, деревянные башмаки Плуге не хуже. Их даже на ногах не чувствуешь. Если бы только можно было ходить в них по комнате! Но люди говорят, что от них слишком много шума... Ты все же напиши о Плуге что-нибудь хорошее. Он должен получить за

¹ Лот — около 13 граммов.

свое усердие золотую жемчужину, как Алма, кто честно заслужил ее.

Старая женщина, восматривая на красавицу-дочери, надевает на голову серебряную диадему, как будто солнце падает этой ночью.

И вот они выходят на свою вечернюю прогулку.

Светит луна. Они идут по дорожке, вымощенной колесами. Они спускаются к реке и садятся на длинную скамью под косточкой тополя новника.

— О, сколько комаров! Какая дрянь! Неужели ты не могла подобрать более красивую скамью? Так делают в Париже. И там комаров никогда не бывает. Почему? Потому что ядовитые комары погибают все до одного. Их было много и у Алма, только не в парке, где она живет, а на лугу. Там же комары ходили собирать цветы. Они переносили в гости. Помнишь, вы гуляли все вместе и оставили эти китайские вазы. Они так и не воняло! Но комары не обращали на это никакого внимания. В тот день мы пришли домой также не вымытыми, как всегда, и все сразу заметили неприятный запах. Счастье еще, что у Алма были две вазы, одна из фарфора, другая из дерева. Они все были такие страшные! Мысли были полны, что у всех у вас была такая же вазы. Давно придет и мостик.

Этот мостик сделан из немытых бревен, покрытых досками. Он без перил и ступеней.

узок. Ходить по нему можно только поодиночке.

— Не упасть бы, а то я утону. И тебе не вытащить меня... Но это, наверно, хорошая смерть...

У мостика стоит скамья, сооруженная по указанию старой женщины. Обыкновенная доска, покрашенная в зеленый цвет, служит ей спинкой. Сиденье так и осталось некрашеным. Три ножки у скамьи покрашены в белый цвет, но краски, видно, не хватило, и четвертая ножка обведена ярко-красной полоской. Мать и дочь сидят, тесно прижавшись друг к другу: им едва хватает места. В неподвижной воде отражается луна. Вдали бесшумно скользят рыбацьи лодки. На том берегу темной стеной на фоне светлого неба встает лес.

— Боже мой! Помнишь, Тролль, как прежде, когда ты не была еще разведена, вы с Тао каждый день переправлялись на лодке на ту сторону озера и в лесу ужинали. И чай вы брали с собой в термосе. Да, хорошее это было время! А теперь ты уже два раза разведена, милая моя девочка... Когда мы с отцом ездили с вами, мы всегда садились на поваленное дерево. За ним рос густой папоротник, помнишь? И Тао рассказывал... О, как он умел рассказывать. Он знал буквально все. Но все же, когда дело доходило до географии, я выступала на сцену. Ведь я знала наизусть все острова в Тихом

океане и вокруг Австралии. Тут ему пришлось уступать мне пальму первенства. Я убеждена, что отец купил энциклопедию Аллерса только потому, что вы развелись. Он уже не мог больше обращаться за каждой справкой к Тао... Да, так вот, по вечерам, когда мы возвращались домой, весла сверкали в воде, как будто они были из чистого серебра. Тао говорил, что это от маленьких инфузорий, таких маленьких, что простым глазом их и не увидишь... Позаботься о том, чтобы выловить из воды все эти камни! Иначе их украдут у тебя. Ты ведь купила их, заплатила столько денег!

Камни, лежащие в воде,— это остатки какой-то крепостной стены, окружавшей когда-то сад на берегу озера. Каждый такой камень весит по крайней мере сто фунтов.

— Пусть себе лежат, мать! С ними далеко не убежишь.

— Никогда нельзя знать! А если их раздробить на мелкие куски и вымостить ими наш двор? Осенью там всегда такая грязь. Я даже думаю, что сама прекрасно могла бы разбить их обухом. Ты только вели их вытащить из воды... Тише! Тссс... Слышишь? Это камыш... Конечно, не настоящий. Здесь настоящего нет... Такого, как у нас на реке... В то время все детки были еще со мной... Хуже всего, Тролль, по ночам... Я брожу по комнате, гляжу в окно и все думаю: «Что-то теперь делают Ганс и Аллан?..

Ведь когда у нас ночь, у них день... И как поживает моя Альмочка? Она пишет только о каких-то чужих людях, в обществе которых она- вращается. А какое мне дело до них? Мать хочет знать совсем другое... Можешь поверить, мать все замечает. Я всегда знаю, когда ты чем-нибудь огорчена, хотя ты и ходишь как ни в чем не бывало, смеешься и шутишь... А когда ты уезжаешь, я всегда думаю, что больше никогда тебя не увижу... Ты — последний ребенок, оставшийся со мной, и вот ты тоже уезжаешь от меня... Ничто не причиняет столько боли, как тоска по кому-нибудь.

Милому Яку хорошо! Он лежит на кладбище. Никаких забот! Полный покой... А как он любил гулять по вечерам с нашими четырьмя детками!.. Аллана тогда еще не было на свете... Обычно мы подымались на Лесной холм. Там мы заказывали по чашке кофе и по пирожному. Это мы делали для приличия, иначе было бы неудобно сидеть в павильоне. Пирожные мы делили между вами — каждый из вас получал по половинке и по ложечке кофе... А какой там был оркестр! Такой музыки мы никогда больше не услышим... Обещай мне, Тролль, что тебя тоже похоронят на нашем кладбище, дома. Вспомни бабушку и тетю Софи... Что ты будешь делать среди всех этих чужих людей, которым до тебя в конечном счете никакого дела нет... Если бы у нас были средства, я бы ку-

пила настоящий большой фамильный склеп, в котором хватило бы места для всех нас. И для Тао с женой и для их детей, когда они умрут... Да... но, пожалуй, это обойдется очень дорого — перевезти их домой в Данию... Может быть... мне написать в какое-нибудь пароходство?.. Ты ведь знаешь так много капитанов... попроси их сделать скидку... Я была плохой матерью, я знаю... Но когда болел муж и было туго с деньгами... Но от этого я люблю вас не меньше, можешь мне поверить. А вы, детки, какие вы были милые, когда были маленькими. Помню, вы должны были пойти на ваш первый детский бал... Вы не были красивые... совсем нет... Да вам и не в кого было родиться красивыми... Вы сидели на обеденном столе, и я натягивала поверх ботиночек белые нитяные чулки. На дворе шел снег, а нанять экипаж нам было не по карману... Помню еще, как ты и Ганс в первый раз собирались на гимназический маскарад! Тебе было семь лет, а Гансу девять... Вы учились в танцевальной школе, у Эггерса... Это была, конечно, совсем не такая школа, какую я в свое время посещала. У моего учителя одна нога была деревянная, — бог знает, почему... И, конечно, танцевать с такой ногой он не мог. Он мог только считать: «Раз, два, три, маленький прыжок» — и рисовать мелом на полу место, куда мы должны прыгать, но все шло очень хорошо... Да, так я

говорила о маскараде... Вам очень хотелось пойти, а денег у меня не было. Отец был тогда очень болен, у него была астма. А ведь ты знаешь, он всегда все разрешал, совершенно не думая, откуда взять деньги. О! Эта астма! От нее просто задыхаешься... Так вот, зашла к нам фру Стаугорд узнать, не нужно ли мне чего. Она сказала мне: «Милая Сина, не ломайте себе голову! Пришлите ко мне ваших деток». Она жила на улице Каролины, рядом с литейным заводом. И как она умела все придумывать. Настоящий поэт! Как Ганс-Христиан Андерсен. Когда ее муж умер — он был старшим судьей, — она осталась с четырьмя детьми — младший еще не родился — и без единого шиллинга в кармане. Ты думаешь, она жаловалась? Никогда! А какое рождество она устроила своим малышам! Буквально из ничего. У нее было большое сердце, и оно освещало ее жизнь, как эта луна на небе, — как бы темно ни было вокруг. А знаешь, что она сделала для вас? Она разрешила свое парадное платье, — оно было из черного шелка — и сшила тебе прелестное платьице, с кружевами и блестками, — такое, о каком ты могла только мечтать. В тот вечер ты была прямо красавицей и сияла от счастья. А Ганс был заправским моряком: стройный, с голубым шарфом, в бархатных штанишках, в белой рубашке. А на затылке — соломенная шляпа. У него были такие же короткие ступни, как у тебя, и носки бо-

тинок были почти четырехугольные... Я не пошла с вами, чтобы сберечь деньги. Как вы веселились! Во время котильона ты получила целых три букетика. А своей бант ты отдала Гансу, ты боялась, что он не получит ни одного, а ему преподнесли целых два. Ганс был очень застенчив, наверно потому, что он заикался. Благодарение богу, с годами это прошло... А как вы рассказывали об этом вечере! Перебивали друг друга... Сестра Фольсакса была в костюме средневековой дамы. Ее платье было оторочено лебяжьим пухом. И ее высокие лакированные сапожки, конечно, тоже. А какое было карнавальное шествие! Я так ясно представляю себе все, о чем вы рассказывали... Словно сама была там...

Глаза старушки сияют. Она вся ушла в прошлое. Какой-то пароходик скользит по воде. Пар со свистом вырывается из труб.

— Что за шум! Ведь люди уже спят. Это надо было бы запретить.

Прожектора парохода освещают все вокруг.

— Ах, как красиво! Так, я думаю, выглядит полуночное солнце там, далеко на севере... Полуночное солнце!.. Наверное, я его никогда не увижу... Хотя, может быть, если я попаду в рай... Кто знает...

Послушай, Тролль, я боюсь, как бы мешок с чилийской селитрой, что стоит там, не отсырел. Не втащить ли нам его на ночь в дом?

Ты возьмешь его за один конец, я — за другой... А по дороге мы посмотрим, не найдется ли в саду хоть несколько созревших слив, из тех больших, красных с крапинками. Мне вдруг так захотелось чего-нибудь сладкого...

Мать и дочь идут по саду. Сгущаются сумерки. Дочь находит для матери две сливы, но тут же ее жалит оса, сидящая на одной из слив! Дочь вскрикивает.

— Идем, идем! Скорее! Я сейчас все сделаю... Это скоро пройдет... Бедная моя овечка... Тебе очень больно? Лучше бы это случилось со мной! Идем... Бедная маленькая Троллы! Зачем только я придумала эту глупость со сливами!

Старая женщина торопится. Она первая добирается до дома, бежит прямо на кухню и зажигает свет. Дрожащими руками она перебирает разные баночки и пузырьки, пока не находит свое универсальное средство от ожогов и укусов: мазь, сделанную из прекрасных белоснежных лилий, что растут в саду.

— Иди сюда! Сейчас мать смажет укус своей мазью, и все мигом пройдет.

И правда, спустя две минуты всякое воспоминание об укусе исчезает.

— Но смотри, не снимай повязку всю ночь. А завтра утром встань пораньше и приготовь кофе, чтобы Люкке перед отъездом могла выпить что-нибудь горячее...

Когда дочь наклоняется, чтобы завести будильник, старушка проводит рукой по ее волосам.

— Слава богу, у тебя нет перхоти. Перхоть — это такая гадость. А все же обязательно расчесывай волосы утром и вечером частым гребнем... Ну, а теперь ступай в кровать и спи. Не забудь только прочитать «Отче наш»...

ГРОЗА

День был душный. У горизонта небо было затянуто желтоватыми плотными облаками. Солнце садилось в густом тумане, и вечерняя заря напоминала огромный дымящийся пожар.

Старая женщина чувствовала какое-то беспокойство и возбуждение.

— Где разразится гроза? Только бы она прошла до наступления ночи. Печально, когда молния ударяет в дом бедняка, который не застрахован. Особенно страшно, если это случается в деревне, где нет ни пожарных насосов, ни шлангов...

У нее нет даже охоты сесть за свой обычный вечерний вист. И кофе имеет неприятный привкус.

— Разве ты не чувствуешь, что повсюду пахнет серой... Есть люди, которые думают, что скоро наступит конец света... Что ж, возможно... Ничто не вечно под луной... Но я, наверно, до этого не доживу. А если доживу, то тут ничего не поделаешь... Только бы все это произошло сразу, мгновенно. Землетрясение, по-моему, это гораздо хуже... Как подумаю об этих несчастных в Сан-Франциско... И брат этой фру Б., такой молодой еще!.. При землетрясении земля как бы раскрывается... Образуются трещины. В них проваливаешься, а там, внизу, где-то глубоко-глубоко, горит вечный огонь... Слава богу, мы живем на надежной стороне земного шара. Нам землетрясение не угрожает... хотя я не прочь пережить... какое-нибудь очень маленькое... И чумы у нас не было уже очень давно... Ты не забыла закрыть окна?.. Правда, близко от воды молния обычно не ударяет... Моя мать боялась любой грозы... Она пряталась за дверь, закрывала лицо фартуком. А я никогда не боялась... Может, только самую малость... И знаешь, в Стевринге, в монастыре, где мать служила экономкой... Конечно, ей было не очень приятно, когда с нею обращались, как с простой прислугой... Ведь все же она происходила из хорошей семьи... Но мать не жаловалась. Она была слишком гор-

да для этого... Да, так знаешь, что было, когда однажды гроза разразилась над монастырем? Все эти старые девы... трусили, так трусили, что не знали, куда деваться от страха... Ничего подобного я не видела. И поверишь, они залезли под кровати! Как будто это могло помочь! Так вот, они лежали под кроватями, стонали и сопели. А настоятельница страдала, бедняга, водянкой. И какой водянкой! И все же она не боялась грозы. А какая она была властная! Все ей повиновались. Все. Она была дочерью дворянина. Какая осанка! Совсем как у матери! Ведь мать хорошо знала, кто она такая, и если она служила, то ведь только для того, чтоб заработать на кусок хлеба. Мать ни перед кем не гнула спину... Непогода все усиливалась. Грохот, треск... В монастырском дворе вырвало с корнем несколько огромных старых деревьев, которые простояли, наверно, целых сто лет. А девицы лежали под кроватями и кричали. Может быть, они в это время тихонько молились богу. Хотя вряд ли они о нем вспомнили: уж очень они трусили. Ну, а настоятельница не могла вынести этот вой и визг. Ведь у них был даже громоотвод... Хотя... по-моему, он еще в то время не был изобретен... Кажется, его изобрел Эдисон? Ты, конечно, этого не знаешь. А вот Тао, он знал... Знала и Гарриэт. О, как она хотела быть секретарем Эдисона, помогать ему в его изобретениях... Ну, не будем об этом... Настоятельница по-

звонила. Звонок висел как раз над кроватью матери. Мать вскочила с постели и бросилась к настоятельнице. Это входило в ее обязанности. Она должна была бежать, когда бы ее ни звали, днем или ночью...

Послушай, Тролль... теперь я хочу тебе кое-что рассказать, но об этом ты не должна говорить ни одной живой душе. Это было бы грешно по отношению к покойнице. Пусть себе спокойно лежит в могиле!.. Так вот, одна из этих монашек была... ну, как тебе сказать... не совсем чиста на руку. Она не всегда хорошо понимала разницу между «моим» и «твоим»... Когда бедная мать крадет для своих детей, — тут ничего не скажешь. Господи, я сама сделала бы это с радостью. Ни на минуту бы не задумалась. Мои дети никогда не голодали бы, даже если бы мне пришлось сесть за это в тюрьму на двадцать лет... Но ведь там, в монастыре, у них всего было вдоволь. И прислуга была у них, и кареты, и еды сколько угодно! Три блюда в будний день и четыре по праздникам. А им палец о палец ударять не приходилось. К ним даже парикмахерша из Рандерса приезжала, чтобы мыть им головы и завивать их седые космы. Такое свинство! Как будто они сами не могли содержать себя в чистоте! Им жилось хорошо, слишком хорошо; от такой жизни с жиру бесятся!.. И все же девица, о которой я говорила, то украдет серебряную ложку, то припрятчет чей-то вышитый носовой платок, а то

прикарманит и риксдалер, если он плохо лежит.

Но хуже всего было то, что в краже обвиняли служанок. Они ничего не могли сказать в свое оправдание, и их тут же увольняли. Им не выдавали никаких рекомендаций, не писали ни слова о том, что они честно выполняли свои обязанности. После этого они, конечно, не могли найти себе новое место. Ведь каждый хочет иметь у себя в доме честного человека... И в конце концов служанки решили поймать ее на месте преступления. Имени этой девицы я не скажу тебе... Я унесу его с собой в могилу. Мать тоже никогда не выдала бы ее, но как-то она увидела в местной газете объявление о ее смерти и проговорила. Потом мать очень сожалела об этом. К счастью, сестры Лины не было при этом, ведь она не умела держать язык за зубами, даже когда это угрожало ей неприятностями...

Но... вернемся к нашим служанкам. Они устроили ей ловушку. Что это была за западня, я уже не помню, но она попалась!!! Что же делает настоятельница? Прежде всего она посылает за ней... Что произошло между ними, никто не знает, но, когда девица вышла из комнаты настоятельницы, одна щека у нее горела — на ней ясно отпечатались пятерня настоятельницы. Затем она приказала заложить лошадей, само собой разумеется, четверку — она никогда не выезжала иначе — и от-

правилась прямехонько в Рандерс. Там она сейчас же явилась к полицеймейстеру, чтобы узнать адреса несчастных служанок. И настоятельница решила их всех посетить. Одна из них жила где-то далеко в деревне, за несколько миль от города... но она поехала и туда. И знаешь, что она делала? Она становилась на колени перед каждой из трех служанок и просила у них прощения. Но не думай, что она выдала им виновницу. Она дала каждой из них по пяти риксдалеров. В то время это были большие деньги. Вот какая была настоятельница!..

А теперь послушай дальше о грозе... Мать поднялась наверх в комнату настоятельницы. Та лежала закутанная, как эти мумии в пирамидах. Она так боялась сквозняков, что в кровати куталась еще больше, чем когда была на ногах.

Молнии сверкали, было светло, как днем, и мать держала в руке один жалкий огарок сальной свечки. Девицы, те жгли восковые свечи, но для прислуги это, конечно, слишком накладно... «Послушай, милая Шмидт...» — так называла она мать. Собственно говоря, мать звали не так, но для нее это не имело значения. А вот сестра Лина на старости лет до того поглупела, что приказала напечатать «Николина фон Шмидтен» на своих визитных карточках. Какое тщеславие! Корчить из себя дурочку перед всем светом!

— Так вот, — говорит настоятельница, —

милая Шмидт, ступайте на кухню, приготовьте хороший крепкий кофе, испеките вафли на сбитых сливках и начините их рисом. Когда все будет готово, вытащите за шиворот всех девиц, как бы они ни противились. Потом зажгите свет в столовой. Мы там будем пить кофе!

Мать испекла вафли, приготовила кофе. Служанки спали, так что матери пришлось делать все самой... Гроза усиливалась. Раз даже молния ударила в дымовую трубу. К счастью, это была труба не от той печи, у которой стояла мать и пекла вафли. Она вся задрожала, но не выпустила чугунок с вафлями из рук. Но самое худшее было впереди. Девушки кричали, отбивались, чуть ли не кусались, — они ни за что не хотели выйти из своих убежищ, ни за что на свете! Мать буквально за ноги вытащила их из-под кроватей, не обращая внимания на их крик и визг.

В конце концов она все же собрала их всех вместе и живо загнала в трапезную. Там уже во главе стола восседала настоятельница: Появился и слуга. Мать, оказывается, недостаточно расторопна, чтобы прислуживать за таким столом! Но она стояла рядом, за буфетом, и слышала каждое слово. А настоятельница держала речь. И какую речь! Заслушаться можно было. «Постыдились бы! Постыдились! И это называется отдать свою жизнь богу! Вы заслуживаете того,

чтобы господь поразил вас молнией, грешные души!...»

И представь себе, Троллы! Как только настоятельница умолкла, сверкнула молния, ударил гром, чашки запрыгали на столе, все двери распахнулись настежь. Потом раздался такой страшный грохот, что, казалось, стены рушатся. Молния ударила в старую липу перед окном, дерево повалилось и разбило вдребезги все оконные стекла. Настоятельница даже и бровью не повела. Она сидела прямая, как свеча: «Слышали? Сам господь бог молвит свое слово...» Ну, а затем каждая из них выпила по три-четыре чашки кофе и до отвала наелась вафель. И от этого они повеселели. Я думаю, что в глубине души многие из них желали бы, чтобы такая гроза разразилась еще разок над монастырем.

Старая женщина так разошлась, что совершенно забыла о грозе, нависшей в воздухе. Послышались первые далекие раскаты грома.

— Давай потушим свет! — сказала она. — Не посидеть ли нам на веранде?

Мать и дочь расположились на застекленной веранде. Отсюда видна вся округа. Молния то и дело озаряет горизонт. Бесперывно грохочет гром. Но гроза еще далеко. Старуха глядит, не наглядится. Она хлопает в ладоши, когда огромная молния ярко освещает противоположный берег озера.

— Смотри, гостиница! Она видна так ясно,

словно стоит у нас в саду... А гроза как будто приближается.

Мать открывает дверь веранды и нюхает воздух.

— Ах, как цветы рады дождю! Вся природа молит о нем. Можно подумать, что господь бог посылает такую грозу, чтобы порадовать бедные растения. Это тебе не лейка колодезной воды.

Но гроза, видно, так и не разразится, и мать говорит разочарованно: «Спокойной ночи...» А когда она добавляет: «И слава богу, что грозы не будет!» — в ее голосе звучит лицемерие, которое она не в силах скрыть.

* * *

Двери дома заперты, огни погашены. Но вскоре после полуночи раздается тревожный звонок снизу, из спальни старухи. О том, что мать нуждается в срочной помощи, свидетельствует и стук палки в потолок. Дочь поглядела в окно. Ей кажется, что земля и небо слились! Молния сверкает со всех сторон. Гром грохочет над самым домом. Она вскакивает с постели и босиком бежит вниз по лестнице: не случилось ли чего-нибудь там, внизу? Не лишилась ли мать сознания от страха? А может быть, плохо с сердцем?.. Не захватить ли воду для камфарных капель?

Мать сидит на кровати в спальне. В пра-

вой руке она еще держит палку. Ее лицо сияет радостью и торжеством:

— Видишь, милая Тролль, гроза все-таки разразилась! Помоги мне подняться по лестнице. Мне бы так хотелось посмотреть на все это сверху. Я лежала и радовалась, что гроза надвигается. Все ближе и ближе громыхал гром, а ты спала как ни в чем не бывало. Может быть, мне не следовало будить тебя, но когда я...

Ей не удается закончить фразу, гром заглушает все. Духота такая, что задохнуться можно...

Старая женщина уже стоит на полу.

— Поддай мне чулки! И вязанные туфли! И стеганую юбку! Для прогулки мне больше ничего не надо. Ах, как жаль, что милый Як сейчас не с нами! Мы бы, наверно, сидели с ним в саду, под яблоней. Ты не можешь себе представить, как там красиво во время грозы... Однажды, когда надвигалась гроза, мы пошли с Яком на мельницу в Гренвальде, ей-богу. Мы совсем не думали о том, что можем промокнуть. С мельницы открывался замечательный вид на Криструп и Водруп и на всю округу почти до самого Удбигея... Дождь лил как из ведра, зонтиков у нас не было — мы не ожидали, что хлынет ливень. Барометр, правда, упал, но отец считал, что гроза разразится не раньше утра... Мы, двое старых людей, стояли, держа друг друга за руки. И нам было так хорошо. Отец считал все

большие молнии и объяснял мне, как они называются. И вдруг, представь себе, отец сказал: «Смотри, Сина, Скандская мельница горит!» И правда, Скандская мельница была вся объята пламенем, а ее крылья все вертелись и вертелись... Как красиво! Но, конечно, нечего было и думать о том, чтобы подойти поближе. Пришлось смотреть на это зрелище с Гренвальдской мельницы.

Слова матери прерываются ежеминутно яркими вспышками молнии. Кажется, что они залетают в окна с запада и юга. Мать идет к лестнице, ведущей на чердак. В экстазе она забывает, как не раз уверяла, что «никогда больше не пойдет наверх, потому что ей уже не под силу подыматься по лестнице». Она не идет, а бежит. Это ей под силу. Стремительно вбегает она в комнату для гостей, выходящую на запад, быстро распахивает все три окна и высовывается в одно из них. Треск молнии буквально оглушает ее.

— Да, вот это по мне!

И она тут же объясняет:

— Что такое кино по сравнению с этим! Глупое, придуманное зрелище! Да, господь бог знает свое дело! А люди еще тратят деньги на фейерверк в Тиволи! Фейерверк! Здесь можно видеть все это совершенно бесплатно! И как пахнет! Да, собственно говоря, ты из-за своего вечного курения уже не можешь чувствовать запахи...

Облокотившись на подоконник, она так далеко высовывается из окна, что дочь хватается ее, чтобы не дать ей упасть на покатую крышу веранды.

— А как ты думаешь, не залезть ли нам на крышу? Оттуда лучше видно...

Снова пошел дождь. Дочь решительно отказывается лезть на крышу.

— Да, конечно, ты ведь такая неуклюжая, милая Тролль. Мне-то все нипочем!.. Ты боишься за себя! Нет, солдата из тебя бы не вышло... Не годишься...

Вдруг мать вскрикивает от восторга:

— Горит, горит! Смотри, Тролль, смотри! Вот там, напротив, за лесом!

Она крепко прижимает руки к груди, словно желая сдержать сердцебиение. Потом говорит тихо, но с большим чувством:

— Бедные, несчастные люди!.. Может, у них маленькие дети? И скот... наверно, есть и скот... Успеют ли они его спасти?

Но едва она произносит эти соболезнующие слова, как ее снова поглощает созерцание молний; они сверкают, трепещут, точно живые, озаряют весь небосклон. Одни падают на землю тяжелыми огненными каплями, другие зигзагами прорезывают небо, третьи как бы открывают ворота в ослепительный океан света.

— А хорошо бы вознестись к небу на огненной колеснице!..

Она вздыхает.

— Да, но Илья Пророк был по-настоящему благочестив, не то что мы, несчастные грешники... Нестись сквозь облака, среди звезд, все выше и выше, прямо к самому господу богу...

Дождь хлещет не переставая. Гроза нависла над самым островом. Стоит такой грохот, точно огромный молот бьет по железным листам.

Старая женщина говорит:

— Если бы еще ударили в набат!

Пожар за лесом все ширится. Огонь то взмывается к небу, то стелется по земле.

— Накинь мне на волосы носовой платок! Да поскорей! Поскорей! А то волосы будут совсем мокрые.

Старухе и в гелову не приходит, что окно можно закрыть или, на худой конец, просто не высовываться.

— Когда ты была ребенком, ты тоже любила пожары. Но с годами это, должно быть, прошло, как и многое другое...

— Такого рода вещи никогда не проходят, но людям трудно в этом признаться.

— Да, трудно признаться...

И вдруг:

— Я хочу вниз, в постель! И чего мы тут стоим! Просто глупо! Как малые дети! Стыд и срам!

— А не выпить ли нам по чашечке кофе?

Старуха в восторге:

— Да! Конечно! Если только ты возьмешь на себя эти хлопоты, милая Трахаль. Тогда мы еще посидим с тобой на веранде...

Пока кипятится вода для кофе, дочь накидывает дождевой плащ и выходит на улицу, чтобы посмотреть, что там делается. Взойдя на холм, она видит зарево большого пожара где-то далеко на северо-востоке. И хотя было только три часа ночи и ничто не предвещало утренней зари, люди были уже на ногах. Она узнала, где пожар, и поспешила назад, так как вода, наверно, уже закипела.

Мать сидит на стуле в кухне.

— Где ты пропадала?

Дочь рассказывает о пожаре, который виден с вершины холма.

— Я тоже хочу туда пойти. — говорит мать. — Может быть, это последний пожар, который мне придется видеть в моей жизни. А если господь бог рассердится на меня, я скажу ему все, как есть: я уже так стара, что впала в детство, и тут ничего не поделаешь. Ведь правда?

— Конечно, тут ничего не поделаешь.

— Поторопись же с кофе! А я тем временем одену платье и плащ... Ведь мы можем кого-нибудь встретить...

— Но нам не добраться до пожара. Идти, наверно, больше мили!

— Подумаешь! Мили! Что такое мили? Я могу ее пробежать очень быстро, правда? Ты устанешь раньше меня, поверь. Для меня

это пустяки. Конечно, не нужно лететь сломя голову, и, если мне захочется отдохнуть, мы усядемся где-нибудь в сторонке... на обочине...

— Под таким проливным дождем!!!

— Не важно. Дождевая вода полезна. Она смягчает кожу. Мы с отцом всегда собирали дождевую воду. Оттого у меня кожа такая красивая и гладкая, не то что у других стариков, которые не следят за собой... Я говорю истинную правду!

Выпив кофе, мать и дочь под проливным дождем пересекают сад, торопясь поскорее выйти на большую дорогу. На полпути дождь вдруг прекращается. Старуха мчится впереди. Она едва переводит дух, но остановиться она ни за что не хочет. Ежеминутно она спрашивает:

— Ну что, скоро ли мы дойдем?

А при каждой вспышке молнии она рукой прикрывает глаза.

— От этих молний можно ослепнуть! Надо было взять мои темные очки.

Они доходят до поворота дороги.

— Смотри, мать! Отсюда уже видно.

Старая женщина всматривается вдаль. И оскорбленным тоном заявляет:

— И это все? И это называется пожаром? Ради этого ты тащила меня, бедную старуху, на гору... Нет, Тролль, ты поступила очень опрометчиво. Это просто-напросто костер, который разводят под котлом воды. Нет уж,

пожар на Скандской мельнице был не таким! Ничего похожего!

— Но, мать, ведь ты сама хотела посмотреть на пожар!

— Хотела, хотела... Конечно, когда ты прибежала в испуге и стала меня уверять, будто половина острова охвачена пламенем! Нет, теперь я пойду домой спать. И в другой раз не буду такой душой.

Назад они идут медленно, хотя дорога и спускается вниз.

— Увидишь, я обязательно простужусь... Да и как может быть иначе — ведь мне уже больше девяноста лет!.. А что скажет врач, когда узнает, что ты потащила свою старую мать среди ночи на большую дорогу и мы шли по колено в воде?..

В глубоком молчании продолжают они свой путь. Гром грохочет все дальше и дальше. На севере уже брезжит рассвет.

В саду деревья и кусты уже ясно вырисовываются в прозрачном, как стекло, воздухе.

Старая женщина сразу забывает о том, что она промокла, что ее обманули, что она простудится. Она убегает от дочери, чтобы посмотреть, как выглядит сад после дождя.

— О господи, если бы не ты, что случилось бы с нами, несчастными, мелкими тварями!.. Дождевые червяки сейчас наслаждаются. Ведь для них дождь, что для нас расцветающий сад. Только бы воробьи оставили их

в покое!.. Но ведь и воробьям надо чем-нибудь питаться, чтобы жить... Да, нелегко жить на этом свете! Нелегко!

Проходя через кухню, она наливает в чашку немного кофе и выпивает его стоя, без сахара и сливок.

— Ну, а теперь, детка, в постель! Спи сладко во славу нашего господа бога Иисуса... Спасибо за сегодняшний день... моя крошка, моя овечка...

БОЛЬШАЯ СТИРКА

У нее сегодня так много дел! Она едва находит время, чтобы поест.

— Накройте на стол в кухне. Люкке. И без всяких церемоний, попроще! Мы запрем дверь, и тогда можно будет есть из старых тарелок. Слава богу, Троль на время нашей стирки уехала в Копенгаген. Ты слыхала что-либо подобное: не употреблять соусник только потому, что у него треснул носик и отбита ручка! Троль должна бы быть благодарна своей старухе матери за то, что она склеивает черепки. Я знаю, у дочери есть два или три фарфоровых сервиза и, кроме того, один большой из серебра. Она купила их на

воровском рынке в Лондоне. Да, там есть и такой. По пятницам на нем продают краденые вещи, а в остальные дни торгуют только скотом. Тролль, конечно, ходила туда только по пятницам. Да, она покупала лишь краденые вещи. «Они там невероятно дешевы», — говорит она. Так ли это?.. Я сама должна посмотреть, тогда поверю. Ей можно всучить все что угодно, а эти воры — продувной народ. Можешь не сомневаться! Но они всегда спешат сбыть с рук свой товар, ведь их может накрыть полиция. Так что, пожалуй, Тролль на этот раз и права. Но это еще не резон, чтобы есть на серебре каждый день. Серебро, мол, не изнашивается. Все эти глупости мы слышали! А разве ее собственные серебряные ложки не ломались на кусочки?.. Серебро не изнашивается!.. В конце концов оно всегда стирается... Нет уж, все эти вещи надо хранить, пока дочь Альмы не выйдет замуж. Ах, если бы вы только видели эту милую Иду Гро! Такие у нее умелые ручки, хотя и маленькие! Она все умеет — украсить шляпку, накрыть на стол так, как никто этого не сделает, обставить дом. Она ведь сдавала специальные экзамены и получила звание «архитектора по внутренней отделке зданий». Но может ли она построить дом и отделать его снаружи, — этого я не знаю... Да, Тролль не следовало покупать соусник из этой кованой дряни. Ведь он даже не гладкий! И еще к нему полагается эта дурацкая

тарелка, чтобы соус не проливался!.. А стоит полтораста крон! О цене я узнала от фру Д. Когда речь идет о деньгах, Троль не скажет правды! И такую вещь я должна употреблять каждый день! Я! Да никогда в жизни! Склеенный соусник я не выброшу на помойку, ни за что не выброшу. В конце концов дело не в соуснике, а в самом соусе, а когда я его готовлю, он всегда вкусный, правда, Люкке? Я и еду умею приготовить без денег. Мне вообще соусник не нужен, я могу обойтись чашкой с отбитой ручкой. Мы с отцом часто так делали, особенно когда растапливали масло для маленькой шуки... Ах, как хороши были эти шуки!.. Я их покупала на рынке по субботам. Я знала в них толк. Меня никто не мог обмануть!.. А когда я сказала Троль: «Убери свой соусник, я все равно не прикоснусь к нему», — что, ты думаешь, она сделала? Побегла в Свендсборг, к своему книготорговцу. Он продает такие чайники, картины и всякий хлам из Мадаско. Продавал бы только свои книги! Но нет... Так вот, он навязал ей другой соусник. Словянский!!! Когда-то давали такие тарелки. Десять крон! И за что? За жаленья! Безобразный кушарача! Я пыталась вернуть этому мошеннику соусник и получить деньги обратно. Как бы не так! «Только по указанию вашей дочери!» — заявили ей. Разве я не мать? Разве не я воспитала ее? Я вылавливаю этот соусник, и с ближайшей почтой мы

пошлем его в Африку... Только бы ящик не развалился по дороге. Ведь сначала его надо послать одной женщине, она живет где-то в португальских владениях в восточной Африке. Дети ее хорошо знают, она переправит им посылку. Это избавит их от уплаты пошлины. Правда, пройдет много времени, пока они получают его... Зато как мои детки обрадуются, когда откроют ящик!..

Послушайте, что я сделала в последний раз, когда мы посылали посылку. Это было как раз тогда, когда вы заболели корью и лежали в больнице. Тролль запаковала ящик, перевязала его веревкой и накапала сургуч. А я перерезала веревку и сунула в посылку бинокль. А потом снова накапала сургуч,— ведь это может сделать всякий дурак. А я не такая уж неловкая. Для чего, спрашивается, нужен Тролль бинокль? Такой дорогой, дорогой бинокль. У него еще какое-то очень странное название, я не могу его запомнить.

Он нам влетел в копеечку! Но мой милый Як так хотел его купить, чтобы ходить в театр с Тролль и Тао... Это было еще в то время, когда она была замужем за Тао, своим первым мужем. Он был такой приятный, любезный человек. А какие книги он писал! Настоящий поэт! И тоже из Оденсе. Это — родина всех хороших поэтов¹.

¹ Оденсе — родина Г.-Х. Андерсена.

в котором она венчалась со своим вторым мужем, с этим американцем. Она ведь не выйдет замуж в третий раз. Только этого не хватало!.. Достаточно она наглупила и без того... И я тут же подумала: а что будет, если узнает, что я взяла все это? Но скажу вам, Люкке, по секрету: она никогда не узнает об этом. Она не имеет никакого представления о том, что у нее в шкафу, да и кроме того, она ведь все раздает. Когда она чего-нибудь не досчитывается, то всегда говорит: «Я это подарила тому или другому». Она даже никогда не знает, кому она что подарила... Ах, боже ты мой, что с ней будет дальше!.. А вы чувствуете, что я положила щепотку мускатного ореха в фрикадельки? Мой муж это так любил. Но, конечно, я не пропускала мясо через мясорубку, боже избави! Я нарезала его тонкими, совсем тонкими ломтиками на доске для шпига, выбирала все жилки, а затем рубила его сечкой... Потом я как следует протираю его. Получалось необыкновенно вкусно... Разве Ганс и Аллан едят там у себя такие фрикадельки? Они, наверно, питаются одними кроликами да обезьянами! Тьфу! Но Аллан умеет готовить. Ему, собственно, следовало бы стать поваром. Я послала ему поваренную книгу, которую написала мадам Мангор. Троль никогда не заглядывала в нее, а когда ей надо было что-нибудь приготовить, она прибегала к помощи фру Константин. Это была замечательная хозяйка, поверьте. Какие

обеда она готовила для нас с отцом. Но-
Троль вышла заужать на рынок зерно и шито-
за границей. Тогда еще отец ушел с лесопилки
и сам главный заач помер еще подолжков
Слава богу, руки и ноги остались целыми.

Вы не забыли намылить посудные посто-
тенца? Мы доставим кател с бельем на огорох
прежде чем пойдем спать. Бела будет всю
ночь потихоньку кипеть. В прежние времена
стирка была большим делом. Мать стирала
только один раз в год, у нее хватало и про-
стынь и носильного белья. Но зато это была
стирка! На нее уходило целых три дня, спе-
циально нанимали в городе двух женщин в
помощь нашим служанкам. Бедь у нас в доме
жили подмастерья и ученики на полном со-
держании. Можете себе представить, как они
все пачкали! В то время стирали без мыла.
Мне кажется, его тогда еще не изобрели.
Мать сама клала мочить белье в огромный
чан и насыпала в воду шелок. Затем запря-
гали лошадь и все белье отвозили на луг, что
к западу от нашего дома, его там расстилали,
и женщины поливали его из огромных, тяже-
лых леек. Солнце его отбеливало, и оно даже
пахло чистотой.

Можете не сомневаться, белье моей матери
сверкало белизной! Мне всегда разрешали
разглаживать ленточки и плоить воланы на
нижних юбках. Боже, теперь одни пасторы хо-
дят с такими отложными воротниками, какие
раньше носили женщины! Мы эти воланы

плоили особыми шипцами, такими, какими девушки теперь завивают себе волосы, если они не ходят к парикмахерше. Мы тогда носили широкие нижние юбки — не меньше шести локтей в ширину. А когда надо было гладить, мы вставляли в четыре часа. Гардин тогда на окнах не было, вернее они висели только у очень важных господ и у пастора, да, может, еще у кого, но только не у простых мастеровых людей. Никогда! А мать была из хорошего дома, и она не могла обойтись без гардин! Хотя бы маленькую занавесочку, лишь бы что-нибудь повесить на окно! Но люди смотрели на это весьма косо. Весьма. Ну, а теперь вешают гардины даже на окнах в подвалах... Да, да. Помню, в нашей гостиной висели настоящие гардины!.. Капитан Сварер купил их в Голландии и подарил матери. Капитан Сварер был чудесный человек. Но его жена!.. О!.. Она ведь была из цыган...

А знаете, Люкке, когда у нас будет стирка, мы снимем со стены этот шелковый ковер и выстираем его. Тролль его купила в Константинополе. Там эти коврики предназначались для молитвы. Магометане их расстилали в своих мечетях, падали на колени и молились своим идолам.

Господи боже мой, Люкке! Вы еще не готовы? Вы сидите и словно жвачку жуετε, вместо того чтобы есть, как все люди едят. У вас ведь зубы хорошие, так не жалейте их! Идите почистите котел. Да хорошенько, щеткой и

мылом так, чтобы ни крошки извести не осталось в нем. Безобразие! Котел для белья надо делать из меди, а не из этого ржавого железа! Нет, посмотрели бы вы котел моей матери! В нем можно было сварить целую свинок! И гору сосисок, таких вкусных! Впрочем, на нашу долю выпадало немного. Мать была слишком добра... Поэтому все и пошло прахом... Боже мой! Никогда не забуду тот день, когда принесли домой отца! Это было в пятьдесят шестом году... Правда, ему выпала легкая смерть... Разрыв сердца... Как у Гарриэт... Многие должны были отцу деньги. Вы думаете, кто-нибудь вернул ему хоть одно эре? Ни один человек! Мать немало бегала, чтобы продать гравюры, которые он собирал. Целый сундук гравюр! И за все это она не получила и пяти риксдалеров. У нас осталась только эта купающаяся Сусанна с отвратительными стариками, знаете? Тьфу! Первый муж Тролля говорил, что эта гравюра стоит очень дорого. Но Тролля, конечно, уже давно отдала ее кому-то... Мы могли бы повесить ее на стену вместо этих бездарных картин, которые Тролля скупает у бездарных современных художников. Отец расписывал алтари. Они и теперь сохранились еще во всех церквях Ютландии. Да, ему помогала тетя Софи. Она ведь была его сестра, помните, я вам говорила? Она была очень талантлива... А сколько позолоченной бумаги осталось после смерти отца! Она валялась на чердаке, среди старого хлама!

Мы не знали, что с ней делать. Конечно, ее растаскали ребята... Помню, как маленькая Тролль сидела и золотила этой бумагой булыжник у старого колодца. Она так любила этим заниматься...

Нет, Люкке, лучше уж я сама! Разве вы не знаете, как надо чистить котел? Даст бог, будет хорошая погода, и белье высохнет еще до воскресенья. Я сама развешу его. Вы как Тролль. Она тоже обязательно хотела развесить белье, уверяла, что отлично с этим справится. Нет уж, благодарю покорно! У нее все оказалось в одной куче — носильное белье, посудные полотенца, простыни, — все вперемежку, на одной веревке! Я должна была все снять и развесить сама... Счастье еще, что я велела поставить столбы для веревки. Эти столбы принадлежат мне. Я заплатила за них собственными деньгами. У меня на книжке есть деньги, предназначенные для моих похорон. Все, что потом останется, получают дети. На книжке накапливаются проценты. Я их трачу на всякую мелочь по дому... Мой зять просто ненавидел эти столбы, видеть их не мог. Теперь он в Берлине, работает в университете... Да, они разошлись...

Есть ли у вас вести от вашего штурмана? Ну конечно. Что ж он пишет? Только говорите правду! Я так и думала. Послушайте, что я вам скажу: никаких подарков от чужих мужчин! Если вы не собираетесь выйти за

него замуж, немедленно напишите ему, чтобы он и не думал даже прислать вам кофейный сервиз. Не давайте себя уговаривать! Когда Троля была учительницей там, на острове, одна девушка, дочь ее ученика, вышла замуж за чиновника из посольства в Буэнос-Айрес... Вы, конечно, не имаете представления, что это... Так вот, эта девушка... очаровательная, с такой улыбкой... пляжа на нос, сердце разболелось... была три раза помолвлена, прежде чем выйти замуж за мужа своего отца. Он был вдвое старше ее. Но это ее никак не смущало. Он ведь зарабатывает много денег... А какие драгоценности дарил ей ее жених! Там денег куры не клюют. Камни с бриллиантами и драгоценными камнями! Но же милостивый! Массивные золотые браслеты! Их носят на руке у самого плеча, под платьем. Но платье ведь прозрачное, на шифона, так что браслет виден. И вот я ей как-то сказала: «Вы — прекрасная девушка, я, будь у меня нежеланный сын — племянник, не Аллан, он не хочет жениться. — я была бы рада вашему браку с ним. Но все должно идти должным образом. Простите, но не прилично...»

Она вся покраснела, бедная девочка, но все же не решилась расстаться с этими драгоценностями. Она была жадна до всего, что блестяло. Совсем как та ручная орофа, которую Аллан нашел в лесу, на джунглях. Эта орофа все крада, решительно все. Только позавчера

к ней спиной, как у нее уже в клюве чайная ложка. К счастью, Аллан знал, куда она прятала краденое, так что мы брали все эти вещи обратно. Совершенно непонятно, как это животные научаются красть? Ненавижу людей, которые крадут... А Троль еще привела домой этого человека из каторжной тюрьмы... Конечно, с ее стороны было очень благородно пойти к самому королю и просить, чтобы его освободили. Поверьте, с тех пор я поминую короля во всех своих вечерних молитвах. Если бы король не помиловал этого беднягу, он до сих пор сидел бы еще в тюрьме. А его несчастная старуха мать! Она столько лет страдала!.. Судя по виду, о нем ничего плохого не скажешь. Он держался, как воспитанный человек, очень скромно, всегда был чисто одет. Неужели он научился этому в тюрьме? Его ногти блестели и отливали перламутром, как морские раковины. Я ему не раз говорила: «Зачем есть бутерброды ножом и вилкой, если господь бог дал человеку десять пальцев!..»

Как вы думаете, он там, в тюрьме, тоже ел бутерброды ножом и вилкой? Он жил в доме у этой немки. Между прочим, Троль все старалась меня уверить, будто она купила этот дом для своей приятельницы в Берлине и что та заплатила за него, но это неправда. Нет, Троль, оказывается, купила этот дом для себя, чтобы принимать своих гостей. Сколько бы к ней ни приходило людей, ей всег-

да было мало. Если кому-нибудь некуда деваться, она тут как тут: милости прошу, пожалуйста ко мне!..

Да, так об этом каторжнике. Его ноги стали очень чувствительны, потому что в тюрьме он привык топтаться на одном месте. А когда он стал на свободе ходить по булыжным мостовым, у него ноги распухли и разболелись. И знаете, Тролль заказала для него ботинки. По мерке, из самой мягкой кожи! Наша милая Тролль никогда ни в чем не знает удержу. А вы думаете, он стал дожидаться, пока эти ботинки будут готовы? Нет, он помчался в город. А зачем? Чтобы застраховаться от кражи со взломом!!! Что вы скажете на это? И ведь он же никогда не оставлял окна открытыми на ночь! Он боялся, вдруг кто-нибудь залезет. Его мучила совесть... А люди уже начали болтать про него. Они ведь всегда болтают лишнее. Они боялись, как бы он их не убил, когда они будут спать мирным сном. Дурачье! Он и мухи в жизни не обидел!.. И вот однажды является моя дочь с бутылкой водки. «Откуда ты ее взяла?» Оказывается, он подарил ей эту бутылку, она была у него в чемодане. «Будь добра, немедленно верни ее обратно. Тебе не стыдно! Почем ты знаешь, где он раздобыл эту бутылку?» Но она оставила бутылку у себя. О, как я рассердилась! Он, видите ли, хотел оказать ей внимание. Конечно, ему нельзя было поставить это в упрек. Но водка!

В моем доме! Тьфу! Только жалкие люди пьют водку. Конечно, я ничего не сказала этому каторжнику. Он бы только обиделся!

А у него в комнате, наверху, было так уютно. По стенам он вбил гвозди и развесил картины. Одну из картин он нарисовал сам. Лошадиную голову. Но рама безобразная — похожа на бубновый туз. Наверно, он и ее сам вырезал. Он очень любил делать подарки. Каждому, с кем он дружил, он дарил вечную ручку. У него в чемодане их было больше пятидесяти штук. Я, однако, не взяла, поблагодарила и сказала, что слишком стара и писать уже не могу... Вы понимаете, я это сказала только, чтобы не обидеть его. Впрочем, он был мастер на все руки, совсем как наш Аллан. Он открывал любой замок шпилькой. А потом он мог делаться совсем маленьким и пролезать через любое окно. Тролль как-то забросила куда-то ключ от сарая, где стояла лошадь скульптора. Так вот, он пролез через маленькое окошечко и попал в сарай... Нет, нет, мне он очень нравился. А потом он нашел себе премилую жену... Бог да хранит их обоих!..

В Америке мы как-то проезжали мимо Синг-синга... там сидят арестанты... Это где-то у реки Гудзон. Мне очень хотелось посмотреть тюрьму внутри, но времени не было. Арестантам там будто хорошо живется. Играют в футбол, разыгрывают спектакли, конечно, не весь день, они и работают понемногу. Там

недалеко живет этот богач Родригес. Очень, очень богатый человек. Если бы я только знала английский, я бы ему непременно написала и попросила бы за эту услугу денег. Ведь многие люди нуждаются в помощи. Взять хотя бы этих детей в Галапагосах. Троль говорит, что они всю ночь плачут, плачут, весь год едят одну и ту же пищу — в утробе, и в обед, и вечером. Словно какие-то. Отец как-то сказал, что он когда-то посмотрел бы на Миссисипи, эту огромную широкую реку. Он всегда слышал о ней. Мы с отцом читали книгу Марка Твена, где он описывает эту реку. Река, протекающая по сравнению с ней как ручеек. Но в то время, когда я не могу заснуть и размышляю о своих детях — думаю, что я должна. Я мысленно путешествую по карте. Вокруг всего света. Ведь я же знала, где расположены горы с вечным снегом, и где пустыни. Я это знала, еще когда была ребенком. В наше время хорошо учили географию. Рассказывали мне, старухе, пришлось объяснить Тролю, как земля вертится вокруг солнца. Представь себе, она об этом понятия не имела. На трех мотках ниток я ей показала, как это происходит. Но она так и не поняла. Видите ли, мозг наш устроен внутри так, что в нем есть много различных мелких элементов. И если переполнится одна клетка, то, что в нее не влезает, переходит в другую.

Вот у Троля в мозгу не осталось места

для географии: все клетки набиты фантазией. Она вся полна фантазией, с самого раннего детства. Но я всегда видела, что из нее выйдет толк, что она в конце концов получит пенсию. Господи, писать книги!.. Ни к чему хорошему это не приведет. Может быть, там, за границей, ее книги чего-нибудь и стоят, но здесь, дома... Ах, ах... Не думаю, чтобы Троль дожила до старости... Вот увидите, в одно прекрасное утро вы найдете ее мертвой в постели. Как милую Гарриэт... А ее сестра Альма! Как она близко приняла это к сердцу. Подумай, как давно это было, а она до сих пор не может слышать, когда произносят имя Гарриэт. Они так дружили, чуть ли не с самого рождения. Я благодарю бога, что они до самой последней минуты были вместе. Я все время пишу и объясняю Альме, что она должна на коленях благодарить бога, пославшего Гарриэт такую прекрасную смерть. Вы думаете, это помогает?..

Послушайте, милая Люкке, мне вдруг страшно захотелось отпилить эти ветки. Сделаем это вместе! А потом уложим штабелями в саду. Подумайте только! Дрова из наших собственных деревьев! Мы очистим для них место в сарае. Я посмотрю, нет ли там кочерги, которую Троль куда-то забросила. Ведь эта кочерга у нас еще со времени свадьбы матери. Всегда одно и то же... Либо она забрасывает нужную вещь, либо теряет. Только, чтобы она не потеряла самое себя!.. Бедная

овечка!.. Она очень хорошая девочка!.. Очень хорошая... Только слишком простодушна. И потом она совсем бесхарактерна. Вы заметили, когда я прошу ее о чем-либо, она сначала откажет, а десять минут спустя уже соглашается.

Да, Люкке, сбегайте, пожалуйста, в березовую аллею и посмотрите, не идет ли почтальон. Сегодня я должна получить письмо из Африки... Только бы у них все было благополучно.

Нет, погодите, Люкке, я сама пойду посмотрю. А вы тем временем сосчитайте салфетки... Только поскорей, а то этому никогда не будет конца!..

КОРОЛЬ ЕДЕТ...

В старину на холмах жгли костры, чтобы как можно быстрее оповестить население о каком-либо важном событии. Теперь же в таких случаях вдоль всего Зунда от дома к дому ходит глашатай фогта и напоминает о том, что надо вывесить флаги:

— Сегодня его величество на своей яхте проплывет мимо островов!

Вихрем взвиваются флаги. Каждому хочется приветствовать короля. Каждому хочется, чтобы король хотя бы в бинокль взглянул на его дом, на его сад!

Мать и дочь были на кухне, когда к ним постучал глашатай. Они как раз пекли ва-

нильное печенье из растительного масла.

Из-за этого делом пришлось заняться раньше с матерью, но в конце концов им удалось настоять на своем, так что печенье из масла нежирного, а не жареного в масле, быстро пошло.

Летнее солнце было жарко, и дети не могли разогреться на солнце, и поэтому им пришлось сидеть в тени. Мать открыла окно, чтобы дети могли дышать свежим воздухом.

Она была удивлена, когда увидела, что дети не сидят в тени, а наоборот, идут на солнце. Она сказала им, чтобы они сидели в тени, но они не слушали. Она была очень сердита на них, но когда они начали плакать, она сразу же изменила свое мнение.

— Ты, конечно, прав, кому-нибудь из нас спать?

А когда уже поздно, что делать? Они не могут спать, потому что они очень устали.

— А не пойти ли мне поспать? Я в этом случае спавшая. А в доме много работы, чем ты...

У нее появилось прекрасное настроение. Она даже получила удовольствие от того, что она была с детьми. Она была очень счастлива, когда они были с ней. Она была очень рада, когда они были с ней. Она была очень рада, когда они были с ней.

Старая женщина вспоминает то время, «когда принц был молод» и «ухаживал за самой красивой девушкой в городе». Ах, как она была мила! Нежная золотистая кожа... А глаза — настоящий бархат!.. Конечно, из этого ничего не могло получиться — ведь принц может жениться только на принцессе. И девушка это хорошо понимала... Но ее мать очень гордилась тем, что принц приветствовал их всякий раз, как проезжал мимо окон. А чем, собственно, тут гордиться? Он с такой же почтительностью поклонился мне и отцу, когда мы сидели у дверей нашего дома. Да, да, он поклонился нам! Он был очень простой. И очень скромный. Никаких претензий!.. Интересно, узнал бы он меня, если бы встретил на улице?..

К дочери приходит подруга — особа весьма мало почтительная — и приносит новое сообщение: король, мол, не только проплывет мимо острова, но и сойдет завтра на берег. И добавляет:

— Конечно, он сойдет на берег только для того, чтобы посетить вас и вашу Тролль!

Опасные слова сказаны, и их обратно не вернуть. Дочь качает головой и делает матери знаки, чтобы она не принимала эти слова всерьез. Подруга, конечно, шутит, мать ведь это сама, должно быть, понимает.

Но подруга не унимается:

— А для чего еще король стал бы сходить

на этот жалкий остров, как не для того, чтобы навестить вас и Нильса Хансена..

— Да не болтайте зря, — резко прерывает ее старая женщина. — Не мешайте мне, у меня и так много дел! Какой вздор! Неужели вы сами не понимаете, что король не придет сюда. Что ему здесь делать?

Мать возвращается к своему печеню. Но дочь видит, что слова ее подруги оказались искрой, упавшей на сухое сено. А шутница располагается за кухонным столом, хватая крендель и продолжает:

— Вы должны вынуть серебряные тарелки! Король может есть только на серебре! И вы должны надеть ваше лучшее платье!

— Не морочьте мне голову!

Но как только наступает вечер, старуха начинает бормотать что-то насчет того, что ей нужен маленький моцион. Вооружившись скребком, мотыгой и граблями, она отправляется в сад. На лужайках растет сорняк. Почти все дорожки заросли травой. Садовник никак не может за всем поспеть — сад ведь не маленький!..

Обычно мать не принимает близко к сердцу то, что в саду не все в порядке, но сегодня она выбивается из сил и работает мотыгой так, что пыль стоит столбом. Затем она граблями собирает сорняк в маленькие аккуратные кучки. Она впрягла в работу дочь, ее подругу и даже фрекен «сверху».

— Смотрите, что тут делается! И вам не стыдно?..

Она бормочет что-то и насчет лужаек: их, мол, тоже следовало бы привести в порядок.

— Конечно, я и сама могла бы пройтись здесь с косилкой, да боюсь, что сил не хватит. Господи, что может сделать такая бедная старуха, как я! Другие и палец о палец не ударят...

Она сама улыбается своим притворным жалобам, которым она предается с единственной целью — заставить дочь взяться за косилку.

На следующий день все в доме поднялись необычно рано. В семь часов утра комнаты уже убраны, на столе — белоснежная скатерть, рояль покрыт цветастым ковриком. Зеркала сияют, окна протерты, и даже диванные подушки, уже давно припрятанные для того, чтобы потом достаться в наследство детям в Африке и Америке, теперь вновь лежат рядком на старомодной жесткой софе, привезенной матерью из ее дома.

Дочь, как всегда, в одном из своих полосатых или клетчатых ситцевых платьев, которые она по категорическому требованию матери носит все лето.

— Как ты одета? Выглядишь, словно судомойка! Разве нельзя надеть приличного платья? Такая чудесная погода. И, может быть, кто-нибудь придет!

— А кто может прийти? — лукаво спрашивает дочь.

— Кто... Кто?.. Я никого не жду! Все равно ты должна быть одета прилично, как все люди. У тебя волосы растрепаны! А руки чистые? Покажи! Пожалуй, сойдет... Маленькие толстые ручонки. Но работать они умеют...

Она берет руку дочери в свои морщинистые, но мягкие, как шелк, ладони и нежно трет ее.

— А помнишь, Тролль, когда вы приходили из школы домой, а на дворе было холодно, я растирала вот так же ваши руки. Муфт, как у других детей, у вас не было, а варежки вы постоянно забывали дома... Бедные дети!.. Я всегда любила твои руки. Они хоть и некрасивые, но зато такие нежные и ловкие...

Ни слова о предполагавшемся приезде короля...

В комнату вносят огромные букеты цветов, и мать собственноручно ставит их в вазы.

— Дорогая моя овечка, ты не унаследовала от отца его хороший вкус. Тут ничего не поделаешь. Суешь в воду все цветы подряд, не разбирая, подходят ли они друг к другу. А ведь каждый цветок не похож на другой. Цветы должны стоять свободно, словно они растут в вазе...

Она подвязывает расшитый шелком передник, надевает на голову праздничный чепец. Это не чепец, а целая поэма из черного и белого шелкового тюля, выложенного маленькими кусочками настоящих кружев...

Но о короле ни слова, ни звука...

За обедом фрекен «сверху» заводит речь о короле. Приехал ли он на остров?

Старая женщина делает вид, что совершенно не интересуется этим разговором. Но она распространяется о балете, рассказывает, как Тролль в двадцать лет танцевала с принцем Христианом и его братом, который теперь король Норвегии. Прекрасные глаза матери сияют, когда она говорит о принце, как будто он по меньшей мере ее приемный сын. Она с упоением вспоминает об этих давно прошедших днях.

— И когда драгуны скакали вниз по улице, весь дом дрожал от топота. И впереди всех, высоко подняв голову, скакал принц. Казалось, он вел войска сражаться за родину...

Ее улыбка была чарующей, как аромат темно-красных роз, стоявших на столе.

— А как он был хорошо воспитан! Когда он встречал старую женщину, он всегда уступал ей дорогу, хотя тротуар был достаточно широк. Да, всегда уступал, уж поверь! Я часто встречала его по утрам, когда шла из сада с тяжелыми корзинами. И, понятно, не могла сделать ему книксен. Никак не могла. А он все равно почтительно кланялся мне. Конечно, этому обучила его мать. О, он совсем не похож на этого гордеца немецкого кайзера! Да он теперь уже и не император, несчастный! Конечно, ему пришлось перенести

немало невзгод... Я бы не хотела, чтобы такое выпало на долю нашего принца...

Подруга дочери, шутница, предлагает послать за его величеством машину и пригласить его на чашку кофе с ванильным печеньем. Мать только отмахивается.

— Не мелите вздора! Я думаю совсем о другом...

Она думает о том, как ее дочь, та, что теперь в Америке, была награждена большой золотой медалью за отличную учебу. Это была большая радость. Да, большая... Но... остальные четверо ребят... Ведь они тоже заслужили медали... И с раннего детства они всегда всем делились, даже крошечным пирожком или конфеткой, которые с трудом удавалось разрезать на пять равных частей.

День клонился к вечеру. Это был длинный, бесконечно длинный день, тревожный и томительный, несмотря на прекрасную погоду. Уже вечером запыхавшийся сосед прибежал рассказать, что король все же посетил остров и уже отбыл обратно. Его яхта обогнула весь остров и остановилась у последнего причала. Хозяин местной гостиницы спешно собрал где мог фамильное серебро на тот случай, если его величество пожелает перекусить. Но его величество король не пожелал перекусить, зато любезно согласился сфотографироваться вместе с хозяйкой гостиницы...

Школьники в белых костюмах, причесан-

ные и умытые, стояли около школы. Они все время приседали и кричали «ура». Король помахал им рукой. Затем король нанес визит пастору и отбыл.

Короля можно только пожалеть: он не посетил самого красивого уголка на острове, а может быть, даже во всей Дании — нависшего над Зундом откоса, по которому вьется, то поднимаясь, то опускаясь, прелестная узкая дорога. Вершины древних дубов, посаженных еще во времена Горма Старого, склоняются над черными просмоленными хижинами, построенными на берегу еще задолго до того времени, как местные жители научились пользоваться режущим инструментом. Дорога петляет между садами, утопающими в цветах, и теряется где-то среди камышей, а рыбацьи лодки трутся о каменистую дамбу, покрытую осенью золотым ковром настурций.

Короля можно только пожалеть: он не бывал на кладбище. Если бы он там побывал, то, наверно, тут же переделал бы свое завешание и приказал бы похоронить себя здесь, рядом с потомками Тора. Ведь каждый турец происходит от бога Тора, а бог уж во всяком случае не менее знатен, чем король, не правда ли?

Но больше всего короля можно пожалеть за то, что ему не удалось увидеть радости старой женщины. Ведь она в честь него подвизала свой расшитый шелком передник и разложила на тонкой папиросной бумаге все свои

замечательные вышивки на случай, если он придет «и речь невзначай зайдет о рукоделье».

Итак, король не пришел.

Поздно ночью, когда старушка уже собиралась лечь в постель, она с глубоким вздохом, поразившим дочь в самое сердце, спросила:

— Как ты думаешь, пришел бы король поболтать со мной о старине, если бы мне было сто лет?..

Дочь ответила сдавленным голосом:

— Да, мать, даю тебе слово, клянусь просто, что, когда тебе исполнится сто лет, король посетит тебя. Я пошлю за ним специальный поезд, а если надо будет, притащу его за волосы.

Мать блаженно улыбается. Дочь ее утешила.

— Но еще неизвестно, проживу ли я столько лет! Разве можно знать, когда пробьет твой час... Разве можно знать...

Она надевает ночной чепец на свои серебристые волосы, садится на край кровати и говорит:

— Я думаю, ванильное печенье ему бы понравилось!..

* * *

Прошло несколько месяцев. Приближалась осень. Дочь отправилась на лодке в город, чтобы встретить свою подругу Агнесу, приехавшую издалека.

И вот они уже сидят вдвоем в лодке и плывут вниз по течению.

Агнеса рассказывает о своем путешествии. Она говорит об одном офицере, который, как только узнал, куда она едет, помог ей нести чемоданчик и плед. Затем она добавляет:

— Да ты хоть знаешь, что король посетит завтра твою мать?

— Что ты? Нет, этого не может быть. Ты что-то напутала! Он был здесь весной и даже не зашел к матери. Почему же он теперь делает это?

— Разве ты не писала об этом в газете? Дочь хлопает себя по лбу.

— А! Неужели это действительно результат моей статьи? Что ж, тем лучше! Но нет, этого не может быть!

Она все еще боится верить Агнесе.

— Ты же не понимаешь ни слова датски, а офицер, наверно, плохо говорит по-английски, так что ты просто не поняла его.

— Откуда же я тогда знаю, что король был на острове, что ты написала об этом и что поэтому король решил повторить поездку и посетить твою мать! Клянусь, что все это мне рассказал офицер. Сегодня вечером он должен встретить короля в каком-то городе, не помню, как он называется, как-то на «о»...

— Оденсе?

— Вот-вот, Оденсе! Офицер завтра будет здесь вместе с королем, и ты сама убедишься, что это правда.

Дочь почти готова поверить.

— Но ни слова матери! А то она опять переживает разочарование, а я не хочу этого.

Фрекен «сверху»,— мать называет ее не иначе, как «дамой, которая иллюстрирует книги дочери»,—встречает прибывших у причала. Ее тут же вводят в курс событий, и она считает, что все это довольно правдоподобно. А почему королю и в самом деле не доставить удовольствие старой женщине? Но фрекен «сверху» совершенно согласна с дочерью, что до последнего момента мать ничего не должна знать.

Вечером дочь отправляется в сад со скребком и граблями. Она чистит дорожки. Затем дочь срезает цветы и ставит их в вазы. Матери она объясняет, что делает все это для Агнесы, которая приехала из Китая специально для того, чтобы их повидать.

И вот наступает следующий день. Чудесный сентябрьский день, такой, каким может быть сентябрьский день только на острове.

Дочь еще не успела встать с постели, как фрекен «сверху» уже стучит в дверь:

— Король здесь!

— Кто здесь? — кричит дочь, и ей кажется, что она все еще спит. — Что вы говорите? Кто здесь?

— Сами посмотрите! Его яхта уже стоит у мостков. Видите, вон, белая, с королевским флагом? Мужчины сходят на берег.

Сквозь зелень кустов и деревьев виднеется элегантная яхта, причалившая к мосткам соседа. Это единственные в этих местах мостики, достойные принять королевскую яхту.

Ну и что же? Король действительно сошел на берег у соседнего причала. Но из этого еще вовсе не следует, что он намерен посетить старуху. Да к тому же в такую рань!

Фрекен «сверху», которая хорошо знает обычаи королевского дома, — ее отец был придворным фотографом, — уверяет, что во дворце все привыкли вставать рано. Ведь король очень занятый человек, у него каждый час на счету!

— А что, мать уже встала? — спрашивает дочь.

Фрекен «сверху» видела ее из окна. Может быть, она сама хотела посмотреть на королевскую яхту. Дочь вглядывается вдаль.

— Я не вижу никакой яхты...

— Оденьте очки, она хорошо видна. Вон там, у Кристиансминде.

— Как быть с матерью?

— Лучше всего мне самой спуститься к берегу и посмотреть, что там делается. Как только увижу, что король направляется в наш сад, я сейчас же побегу к вам и подам знак. Впрочем, теперь можете не сомневаться, что он придет. Во-первых, вам об этом сказала

ваша гостья, а во-вторых, я сама видела, что яхта подплыла к берегу. А для чего им было причаливать к берегу, если не ради вас?

— А может быть, вы ошиблись?

— Ну что вы! В яхте сидело три господина в белых костюмах и фуражках яхтклуба.

Дочь решает: «Будь что будет» — и идет к матери, которая сидит перед зеркалом и причесывается. Дочь останавливается, чтобы полюбоваться этой прелестной сценой, затем наклоняется к матери и целует ее в шею. Старушка, несмотря на преклонный возраст, сохранила нежную кожу и мягкую округлость плеч.

— Какие у тебя красивые плечи, мать! Прямо хоть на выставку!

Мать улыбается.

— Да, когда-то они были красивые, но это было давно... очень давно...

Дочь стоит и не знает, как ей быть. Сказать или не сказать?

Если фрекен «сверху» придет через две минуты и постучит в дверь, неожиданное сообщение может привести к очень неприятным, даже катастрофическим последствиям. Не лучше ли осторожно подготовить мать?

И дочь говорит:

— Послушай, мама, я, собственно говоря, не думаю, что король придет... Но ты ведь сама часто говоришь: никогда нельзя знать наперед. Во всяком случае, королевская яхта

стоит на якоре в бухте у Кристиансминде... А вдруг он действительно придет?...

Мать продолжает с полным равнодушием расчесывать волосы. Она отвечает:

— Милая Троль, ты снова пристаешь со своим вздором!.. Посмотри-ка лучше, какое сегодня солнце! Будто лето в разгаре.

— Но, мама, а если... Ты ведь помнишь ту статью, которую я напечатала?.. Ты тогда так рассердилась на меня.

— Еще бы! Выставить на позор свою собственную мать! Ни на минуту я тогда не думала, что король действительно собирается посетить такую древнюю старуху... Ведь я не дворянка, да и вообще...

— Послушай, мама... Пять минут тому назад королевская яхта причалила к соседним мосткам. Король уже сошел на берег... Возможно, конечно, что он просто пошел прогуляться. Но, может быть... ты только не волнуйся... Может быть, он и в самом деле придет, и даже очень скоро...

Рука, сжимающая щетку, начинает все больше и больше дрожать... Дочь не в силах видеть, как на старом лице ее матери выражение сомнения сменяется выражением счастливого блаженства, и она снова говорит:

— Я все же не думаю, что он придет...

И тихо закрывает за собой дверь. Ей кажется, что сейчас лучше всего оставить мать одну.

Невыносимо долго тянутся минуты. Как — в зубо врачебном кресле, когда врач готовит бормашину.

Фрекен «сверху» не вернулась. На мостках никого не видно. У причала только яхта с королевским флагом. Король, может быть, сейчас у соседа. Должно быть, потому, что яхта пришвартовалась к его мосткам.

Фрекен «сверху» появляется, наконец, у большой изгороди. Она идет медленно, опустив глаза. Потом останавливается и говорит глухим голосом:

— Это не он!

Обе женщины идут друг другу навстречу.

— Кто же это?

— Сосед, его сын и их гость... Я не знала, что они тоже члены яхтклуба. Нет ничего удивительного, что я ошиблась. Смотрите...

В эту минуту «королевская яхта» проплывает мимо.

У дочери ощущение, что все рушится. Она едва стоит на ногах. Неужели ей суждено снова лишиться мать этой радости, мать, ради которой она готова достать звезду с неба...

Очевидно, ей это было суждено. Она тихонько открывает дверь. Прямая, как свеча, сидит старуха. На ней черная шелковая блуза, на голове нарядный чепец; лицо ее озарено тихой спокойной улыбкой.

Дочь кусает губы так, что на них выступает кровь.

— Это был совсем не король,— говорит она, пытаясь придать своему голосу выражение полного безразличия.

Лицо старой женщины блекнет, словно цветок, прихваченный морозом.

— Конечно. Я ведь это знала... А теперь ступай наверх и займись своим делом!.. Я немного устала... Прилягу на часок... Позаботься, чтобы мне никто не мешал...

ОНИ ГОВОРЯТ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

— Пойдем, моя милая, прогуляемся немного по саду. Вы будете говорить по-английски, а я — по-датски: датский я знаю лучше всего. Только боюсь, как бы вы не устали гулять с такой старой черепахой, как я. Я возьму вас под руку, и мы пойдем с вами в ногу, как солдаты на военном параде у нас в Рандерсе.

А вы так бледны! Не больны ли вы? У вас, в Китае, ведь очень плохая пища. Вы тоже едите тонкими палочками, как настоящие китайцы? В таком случае не удивительно, если вы заболели. Я вот совсем не знаю, что такое болезнь. Ведь рожать детей это еще не называется болеть, верно? Правда, однажды у

меня была родильная горячка в очень тяжелой форме. К счастью, я не знала, что от этого можно умереть. Я спокойно лежала, отдыхала и каждый день вязала по носку. Так время шло быстро, и мой муж получил пять пар прекрасных новых шерстяных носков... Когда у меня была очень высокая температура, я начинала плохо соображать и, конечно, уже не могла вязать. То есть вязать-то, быть может, я и могла, но только не пятку,— там ведь надо спускать петли, набирать новые и прочее... Вот только если бы акушерка не была так болтлива! Она молчала, лишь когда ела, и то не всегда. И чего только она не знала о людях — и хорошее и дурное! Впрочем, говорила она больше дурное. И я как-то сказала ей: «Постыдились бы вести такие разговоры! Я сама знаю, что таким, как вы, приходится видеть всякое, но об этом следует помалкивать. Это ваш долг! Как вы думаете, священники выбалтывают то, что слышат на исповеди? Конечно нет. Даже католические! А масоны разве не хранят своих тайн?» Некоторое время она держала язык за зубами, а потом стала снова болтать без умолку...

Не слишком ли быстро я говорю? Нет, наверно. Вы, конечно, все понимаете. Я ведь говорю ясно, у меня не заячья губа, и я не шепелявлю, как некоторые другие... Знаете, когда мы с Яком уже состарились и могли себе позволить отдохнуть часок-другой, мы частенько сидели с ним у окна и смотрели на

прохожих. Это были хорошо одетые, с виду вполне приличные люди. А на самом деле? И я невольно вспомнила все то, что мне наболтала эта ужасная акушерка. Но кто знает, правда ли все это?

Нет, нет, слава богу, у меня никогда ничего не болело. А если и были иногда головные боли, то только от переутомления. Ведь я от зари до зари плела венки. Бывало, вздремну на полчасика тут же в кресле, а потом снова плету и плету эти венки, пока не зазвонят к похоронам. Головная боль проходила сама собой. Может быть, я уже не раз болела раком или тифом и даже не знала об этом. Мне некогда было обращать внимания на свои болячки. И я никогда не пичкала себя никакими лекарствами. Фу! А когда у меня от медной проволоки начиналась костоеда, приходил доктор и вскрывал нарыв. А иногда я и не посылала за ним, а тайком пользовалась бритвой отца. Но об этом — тсс! — ни слова. «Сина, ты опять взяла мою бритву». — «Я! Что ты!» Такую невинную ложь господь бог, надеюсь, простит. Вообще я никогда не лгу. А моя дочь — такая невоспитанная девочка! — писала в одной из своих книг, которая вдобавок ко всему кончается тем, что она убивает меня, будто в ее матери столько лжи, сколько цветов на старой яблоне. Слыхали ли вы что-либо подобное? Это я, которая никогда не лжет! Я всегда говорю одну только чистейшую правду. Тролль вот сама лжет! С дет-

ства. Отец называл это «фантазией». Тут фантазия, там фантазия. Нет уж, лучше говорить одну только правду. Вообще-то моя маленькая Тролль хорошая. Только о себе никогда не думает. Без меня она пропала бы! Счастье еще, что я никогда не болею. Правда, у меня был удар. Но ведь это пустяки. Просто-напросто склероз мозга, он всегда бывает с годами. Идешь как ни в чем не бывало, и вдруг ты точно скован, не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой. И язык совсем заплетается. Ах, я молола тогда всякий вздор, слова внятно не могла вымолвить!.. Корью, конечно, я тоже болела. Но ею ведь все болеют... Когда Ганс заболел корью, мы всех детей уложили в одной комнате, чтобы они переболели одновременно. Бедные крошки лежали в темной комнате со спущенными гардинами бог весть сколько времени. Я тогда велела нашей служанке Каролине... ее уже нет в живых... сидеть за дверью и читать детям вслух Ганса-Христиана Андерсена... Он тоже был бедным мальчиком! Его отец был жалкий сапожник, а мать, говорят, выпивала. Правда ли это, не знаю... О боже, какой он был безобразный! Вы его видели? Нет, вы не могли его видеть. Вас еще на свете не было, когда он умер. Мы с отцом видели его, когда он стоял на балконе гостиницы «Англетер». Собралась толпа, и все кричали «ура», весморя на то, что он такой безобразный. А теперь он лежит в могиле. Все там будем...

Я горячо молю бога каждый вечер, чтобы он вовремя призвал к себе моих детей. Я хочу, чтобы мы лежали вместе, в одной могиле. Так им будет уютней. И теплее!.. Они разлетелись по свету — двое в Африке, двое были в Америке. А Гарриэт... Вы знали Гарриэт? Нет, конечно, Америка так велика. Да, Гарриэт... она умерла от разрыва сердца. Обычно это случается только со старыми людьми... Но какая легкая, прекрасная смерть... И зачем только понадобилось заказать мастеру эту серебряную урну для ее праха? Я говорила об этом Альме, когда она два года спустя приехала ко мне: «И на что ты только тратишь деньги? Серебряная урна! Это же тебе не гробница каменного века! Да и там урны были из глины! Серебра и золота тогда еще не знали...» И еще я сказала Альме: «Позаботься, пожалуйста, о том, чтобы прах Гарриэт положили в ящик — в маленький ящичек, не больше моей шкатулки для шитья, и пришли ящик мне, а я возьму его с собой в могилу...» Так и было. Теперь он стоит в моем платяном шкафу. Только бы Тролль не забыла положить его ко мне в могилу. А если она забудет, я приду за ним сама... Да, так я ей и сказала: «Уверяю тебя, я встану из могилы и стукну палкой...» Ах, когда моя маленькая Гарриэт родилась, она была уже больна... У нее было такое странное синее пятно под носом. Я позвала врача и сказала ему: «Будьте добры, сделайте ей прививку

вакцины». Сначала он отказался. «Это мой ребенок или ваш?» — спросила я. И он сделал прививку. Попробовал бы не сделать!..

Гарриэт была очень способная девочка... Она ходила в классическую гимназию вместе с мальчиками. В женской школе тогда нельзя было получить аттестат зрелости. Ректор сказал отцу, что Гарриэт гениальный математик. А вы понимаете, что это значит? С этим нельзя было не считаться. А профессор в Копенгагене, у которого она изучила астрономию, словно сам Тихо Браге, говорил, что она прирожденный астроном. А потом был еще один профессор. Мне кажется, он имел какое-то отношение к истории искусств. И вот она стала изучать живопись и скульптуру. Не понимаю, для чего это ей надо было? Но неожиданно она бросила все и уехала к сестре в Америку. Почему, не знаю... Наверно, была у нее какая-то причина... Она сказала только, что стосковалась по сестре. А я думаю, дело было не в этом, скажу вам откровенно... Я думаю, был человек, которого она любила... Напомните мне, я покажу вам карточку, где Альма и Гарриэт сидят рядом. Какие у Гарриэт глаза! Как чайные чашки! Огромные, темные!..

Она была очень тихой девочкой. Никогда голоса не повышала и все время о чем-то думала. Впрочем, я и сама такая. Но все же случается, что вырвется слово, которого лучше было бы не говорить. Поэтому я каждый ве-

чер, прочитав «Отче наш», перебираю в памяти все, о чем говорила и думала весь день... И, конечно, немало находится такого, за что я краснею и чего стыжусь... И я молю господа бога простить меня, ведь это все потому, что я впадаю в детство... Скажите, пожалуйста, почему я не умираю? Я уже просила нашего врача, чтобы он был так любезен и дал мне пузырек с чем-нибудь. Но он и не подумал! Он только сказал, точно он сам господь бог: «Вы должны жить, чтобы заботиться о Тролль!» Но ведь не могу же я жить вечность, а Тролль уже большая девочка, право. У моей дочери столько друзей повсюду, но, конечно, когда она в них нуждается, никто из них не приходит. Вот как обстоят дела... Часто я лежу ночью и плачу, плачу... Ведь она мое любимое дитя, и я так хотела бы снять с нее все заботы. Когда она заходит ко мне в комнату, она всегда смеется и оживленно болтает. Но, можете мне поверить, она вовсе не так весела, как хочет показать... И потом, она очень глупо тратит свои деньги. Она никому не может отказать. Люди ходят к ней, уверяют, что голодают, что их выгоняют с квартиры, что их мебель должны продать с молотка или же, что у них двенадцать умирающих с голоду грудных детей. А она верит каждому слову и раздает деньги направо и налево. А вы думаете, кто-нибудь даст ей хоть кусок хлеба, если она будет голодать? Потому-то я и сказала ей насчет этого дома

в городе: «Купи этот дом!» Я ведь хорошо знаю, что после такой покупки у нее не останется ни эре, а дом она не сможет разломать на куски и раздать нищим.

Старая женщина чувствует себя очень усталой после столь длинной тирады. Она с трудом нагибается, чтобы сорвать одуванчик.

— Опять эта гадость! Тролль никогда ни о чем не думает. Ведь я ей уже не раз говорила, что надо выколоть сорняки. Я сама купила мотыгу, чтобы выкорчевать все эти отвратительные одуванчики! Не выношу их!..

Они проходят мимо свалки. Старуха останавливается, ворошит мусор палкой и вытаскивает оттуда пустую жестяную коробку.

— Я так и знала! Сколько раз я говорила дочери, чтобы она собирала все жестянки. Мне они нужны. В сарае у меня их набралось уже больше пятидесяти, но мне этого мало. Вы знаете, зачем? Я хочу, чтобы меня похоронили рядом с моим милым Яком. Где же еще? Здесь? Ни за что на свете! Но ведь беда в том, что почта берется пересылать покойников только в свинцовом гробу, — а такой гроб стоит неслыханно дорого. Поэтому я потихоньку, не говоря никому ни слова, собираю жестянки... Только смотрите, держите язык за зубами. Я ведь хорошо знаю людей... А как только я соберу достаточное количество, я поговорю с гробовщиком, узнаю, сколько стоит свинцовый гроб, и взамен дам ему все

мои жестянки... Их ведь можно расплавить. Безусловно, можно...

Ну, я все-таки немного устала. Вы говорите без умолку. Да еще на чужом языке. От этого голова идет кругом. Зайдите к Тролль, с ней вы можете поболтать. И не забудьте ей сказать, что я поняла каждое ваше слово.

Это, наверно, оттого, что я была когда-то в Америке... Ну, конечно... Я думаю, если вы по утрам будете кушать овсянку, вы поправитесь... Идите... Я должна немного отдохнуть от вашей болтовни.

СОЧЕЛЬНИК

Мать не хочет праздновать рождество. Не хочет. Что за радость просидеть весь вечер вдвоем? Люкке уходит домой, к отцу и матери... Вот если бы жил милый Як!.. Нет, нет, ни за что...

Рождественская елка куплена и стоит уже на крестовине. Дочь и Люкке наверху, тайком, вырезали из бумаги разных зверушек, мешочки, фунтики, позолотили яичные скорлупки и грецкие орехи, вырезали из бумаги датские флажки, понаделали из ваты муфточек и привязали к ним розовые ленточки, чтобы их можно было повесить на шею, приготовили великое множество свечей. Рождест-

венский гном готов в любую минуту занять свое место под елкой, звезда только и ждет, чтобы ее прикрепили к верхушке. Мать введут в комнату, когда елка будет зажжена и граммофон заиграет рождественский хорал.

И все же старушка не хочет. Ее последний аргумент таков: рождество без детей — не рождество! Как будто она никогда не праздновала рождества вдвоем с «милым Яком», — ведь дети давно уже живут далеко от родины. Но ее «не хочу» точно каменная гора, которую не сдвинешь с места.

Нельзя ли где-нибудь срочно раздобыть нескольких ребят? Одолжить их на этот вечер! Но откуда их взять?

Подруга Троль, которая живет неподалеку, по-видимому, догадалась о том, что происходит в их доме. И она приглашает к себе мать и дочь.

— Дети будут просто счастливы! С тех пор как умерла их бабушка, рождество для них испорчено. Им не хватает бабушки!

Старуха внимательно слушает. Слова эти трогают ее до глубины души.

Она заменит бабушку детям, для которых без бабушки нет рождества...

После недолгих переговоров она соглашается. Когда гостя уходит, старуха категорически заявляет:

— Только никаких экипажей! Здесь близко, и я могу легко дойти пешком.

Дочь настаивает на экипаже, так как вот-вот пойдет снег.

— Об экипаже не может быть и речи. Я люблю снежную выюгу. Это полезно для здоровья. Я не растаю.

Наступает сочельник. Небо покрыто тучами. Надвигается выюга. На дворе собачий холод. Старая женщина не обращает на это внимания. Она роется в своих вещах, выискивая подарки для детей. Не найдя ничего подходящего, она начинает вязать маленькие остроконечные колпачки для яиц, сваренных всмятку. У нее есть такие красивые рюмки для яиц в форме гномов. Эти колпачки очень подойдут к ним.

Она вяжет, пока не наступают сумерки, и продолжает вязать при завешенной лампе, в полумраке, который всего приятнее ее глазам.

По радио передают колокольный звон из столицы, поет детский хор. У старушки рождественское настроение.

— Не заказать ли все-таки экипаж? Для тебя слишком холодно и ветрено, мать! И каждую минуту может пойти снег.

— Если ты закажешь экипаж, я останусь дома. Я так радовалась этой прогулке! У тебя ведь никогда нет времени погулять со своей старой матерью. Пусть, мол, одна гуляет... И шелковое платье я не надену. А то еще обольют мне его гусиным жиром или закапают стеарином. Мое лучшее платье, подарок

Ганса. Нет! Я надену толстую шерстяную юбку и шелковую блузку. Ведь они не графы и не бароны...

Однако она выкладывает рядом на кровать семь чепцов и примеряет их перед зеркалом.

* * *

Но вот пошел снег. За окном воев вьюга, ветер свистит в голых ветвях деревьев. С грозным шумом разбиваются о берег волны Зунда.

Старуха надевает плоские лакированные туфли с тонкими, как бумага, подошвами. Поверх них — галоши. Она готова.

— А где моя старая шуба? Не стану же я надевать новую. Ее только испортишь в такую погоду!

Она натягивает на себя старую поношенную шубу, жесткую, как щетина, и повязывает шерстяной платок на шелковый капор, надетый поверх нарядного чепца.

На дворе свирепствует страшная непогода. Ветер дует с такой силой, что трудно дышать. В лицо бьет град. Они медленно, шаг за шагом, пробиваются вперед. По березовой аллее еще можно кое-как продвигаться. Но они выходят на большую дорогу, и кажется, что небо и земля сливаются.

— Ступай вперед, моя овечка! А то замерзнешь... Не спорь... Если ты не пойдешь

вперед, я вернусь домой, и ты тогда встретишь праздник без меня!

Дочь вынуждена идти вперед. Ежеминутно она оборачивается, но ночной мрак тут же скрывает от нее движущуюся фигуру.

Вьюга усиливается. Дочь ускоряет шаг, чтобы поскорей добраться до друзей и попросить их помощи. Дети, мальчик и девочка, быстро надевают пальто и бегут навстречу старухе, но вскоре они возвращаются обратно: «Она хочет идти одна».

Все ждут. Ветви деревьев быются об оконные стекла. Град так и стучит. Радио сообщает что вьюга по всей стране усиливается. Надвигается буря.

Проходит не меньше получаса. В конце концов сам хозяин дома отправляется в путь и находит старую женщину без сил. Она прислонилась к дереву, чтобы не упасть. Он чуть ли не на руках вносит ее в дом. Состояние старушки внушает тревогу. К тому же она в очень плохом настроении.

— И кому только пришла в голову мысль вытащить меня на улицу в такую погоду!

Но она слишком устала, чтобы сердиться на кого-либо. Она принимает камфарные капли, ложится на кушетку и тотчас же засыпает глубоким сном.

— Через полчаса она просыпается, отдохнувшая, посвежевшая, веселая и готовая снова болтать без умолку.

— Ох, уж эта Тролль! Скверная девчонка!

Она это сделала, конечно, не без умысла. Небось думала: старая развалина упадет по дороге и умрет, и я избавлюсь от нее.

При этом она нежно гладит руку дочери.

Все идут к столу. Дети, наряженные гномами, разносят пудинг. Стол убран по-рождественски, дом полон запаха хвои.

— Гусь! Вот это я понимаю! Гусь! Я всегда так любила жареного гуся, но не говорила об этом моему милому Яку. В сочельник у него на столе должен был быть заяц. Обязательно! Иногда этот заяц за три недели до праздника висел в кладовой и, конечно, был уже не совсем свежий. Тогда я его по три дня отмачивала в молоке, которое меняла утром и вечером. Но гусь вкусней всего, тут ничего не скажешь!.. И какая дивная красная капуста! Не пожалели, видно, ни сока красной смородины, ни сливового сока!.. Ох, какой же, однако, ветер! Да не оставит господь бог тех несчастных, которые сейчас в море!.. В сочельник я вспоминаю о бедной деве Марии, у которой не было даже колыбели для ее ребенка. Хорошо еще, что в Святой земле не бывает ни снега, ни мороза. Вы читали книгу пастора Блаумюллера о Святой земле? Чудесная книга!

Она задумывается.

— Вот побывать бы там, прежде чем закрыть глаза... Тролль могла в свое время туда попасть. Она ведь была буквально в двух шагах оттуда, в Египте, но она никогда ни о

чем не подумает... А вы знаете? Этот пастор Блаумюллер, да будет благословенно его имя, собирал каждое рождество в своем доме, на Старой набережной в Копенгагене, убогих стариков и вообще всех одиноких людей. Тролль и Тао много раз приходили к нему в этот вечер, чтобы помочь занять гостей. А знаете, чем их угощали? Прежде всего подавали пудинг с миндалем. А кому доставался миндаль, тот получал прекрасный подарок. Затем фаршированный кочан. Это для стариков, у которых нет зубов во рту. А где им достать деньги, чтобы вставить зубы? Ведь вставить челюсти стоит больше ста крон. Тролль говорила, что такой капусты ей за всю ее жизнь не приходилось есть. Она просто таяла во рту... Думаю, что фарш был куриный, — очень он был вкусный. Да, тут уж не экономили. Капуста прямо плавала в масле. Перед каждым гостем стояла зажженная рождественская свечка. Я только все боялась, что кто-нибудь из стариков ее нечаянно опрокинет. Небось не сидели спокойно, а все вертелись... Потом им подавали яблочный пирог со сбитыми сливками. Вот такой высокий!

И двумя пальцами она показывает, какой высоты был пирог.

— Затем пастор Блаумюллер произносил речь. Да, это была речь, скажу я вам! У всех стояли слезы в глазах... Кофе, разумеется, тоже подавали. Замечательный кофе, который не мешал потом спокойно спать всю ночь. По-

сле ужина Тролль играла рождественские псалмы, а они пели. Но боже мой, как они фальшивили! Ведь они же все были глухие и слепые! Под конец зажигали рождественскую елку. Огромную, до потолка. Ее убирала сама фру Блаумюллер. Она была очень искусна в этом деле... Да, она теперь вышла замуж вторично... Слава богу, ему не пришлось пережить этого горя. Они очень любили друг друга! Когда он умер, она хотела уйти за ним. Но... время залечивает все раны... К счастью...

Но самое лучшее впереди... Вы только послушайте... Пастор Блаумюллер показал гостям фотографии Святой земли, и все они хлопали в ладоши от восторга. Пастор посетил Святую землю и сам своим собственным аппаратом сделал эти снимки. А потом гости снова садились к столу, уже покрытому чистой скатертью. Можете себе представить, в каком виде была та, на которой они ели! Отец тоже пачкал скатерть, но я всегда говорила ему: «Не беспокойся! В стирке отмоется!» И все они играли в фанты. Представляете! Разыгрывались подарки! Что это были за подарки! И как их было много! Целые груды! Туалетное мыло и напульсники, шоколадные конфеты и кошельки из настоящей кожи, игральные карты и писчая бумага, стеклянные вазы и носовые платки, картины и диванные подушки. Пастору дарили в течение года так много всяких вещей, а на рождество он раздавал все это... Он поступал,

как ему подсказывала совесть, и все его глубоко уважали.

И так они играли до поздней ночи и радовались, как дети, каждому выигрышу. Я думаю, что фру Блаумюллер — она всегда присутствовала на этих вечерах — следила за тем, чтобы каждый выигрывал то, что ему нужнее всего. Боже мой, что плохого в маленькой хитрости, если за ней скрывается доброе намерение? Я сама немного хитрила, когда мы с отцом вдвоем играли в вист. Оно и понятно, ему доставляло такую большую радость выигрывать у меня. Правда, мы играли на сухие пустяки, но все же вели счет. А вот раньше — это было давно, — когда мы играли с почтмейстером на деньги, отец так сердился, когда я на первой руке ходила с козыря. Мой милый Як хорошо играл в вист. Как ему, должно быть, холодно нынче вечером лежать одному в земле, в такую выюгу! Милый, дорогой Як! Если бы я только могла накрыть его чем-нибудь, чтобы ему было тепло и хорошо, будто он лежит дома в своей постели...

Широко открыв глаза, дети слушают рассказы старой женщины и не могут ни послушаться, ни наглядеться на нее. Ее лицо еще выразительней ее слов. Теперь она рассказывает о своих детях.

— Елку мы устраивали наверху, в комнате Альмы. Это я помню хорошо. Альма — моя вторая дочь, а Тролль — старшая из девочек. Альма вышла замуж за Иоста. Человек он

прекрасный, но вот баронство его... оно нам ни к чему... Оттого, что его дед получил титул барона, моя дочь баронессой ведь все равно не станет. Чепуха это, я так считаю. Поскольку это доставляло Альме радость, я на письмах охотно писала «баронессе», но с таким же успехом я могла бы написать «принцессе». Вот Ида Гро, она действительно похожа на баронессу! Осанка и все прочее!.. Подсмотреть бы хоть в замочную скважину, как они сидят все четверо за столом. Когда Иде Гро было двенадцать лет, у них родился мальчик. Совсем не красивый, но такой милый. Он играл на любом инструменте, какой только попадался ему под руку. Но особенно хорошо он играл на барабане. Когда мы были в Америке, он был еще маленький, но уже совершенно самостоятельный, всюду ходил один. Не то что Ида Гро. Ее было рискованно отпускать одну. Посмотрели бы вы только, какие у нее были подруги! Летом все они ездили на дачу на автомобилях. И все хотели, чтобы Ида поехала вместе с ними. А в прошлом году маленький Иост — он так назван в честь своего отца — попал в автомобильную катастрофу. Случилось это так: он попросил у матери разрешения прокатиться на машине с товарищами. «Хорошо, — сказала мать, — только возвращайся не слишком поздно». И они уехали. По шоссе им навстречу мчалась машина какого-то отчаянного миллионера. Мчалась во всю прыть, если можно так сказать

про автомобиль. Конечно, этот миллионер был пьян, здорово пьян! Как мужик, который напивается в субботний вечер. Машина, конечно, была разбита, но, к счастью, все пассажиры выскочили вовремя, только маленькому Иосту покалечило ногу. Сколько было крови! Прямо потоки! Его товарищи все же догадались повести миллионера в полицию. Там он должен был назвать свое имя, сказать, где он живет и кто он. И, конечно, он должен был ответить за нарушение правил. Но как только полицейские разобрали, что перед ними миллионер, они запели другую песню. Они перед ним расшаркались, и он продолжил свой путь. А бедного Иоста товарищи повезли в больницу. Собственно, даже не повезли, а повели пешком, чуть ли не на руках несли, потому что машина ведь была разбита. Правда, рана оказалась не опасной, нога была лишь слегка повреждена. В больнице его перевязали, хотели даже уложить в постель. Но он не согласился — ведь он же обещал своей матери вернуться рано домой. И он хотел только домой. И вот эти милые мальчики — каждому из них еще не было и семнадцати лет — сложились и взяли машину. Ведь до того места, где жила Альма, было далеко. Сначала надо ехать проселочной дорогой, потом по большому шоссе и в конце еще трамваем. И вот он добрался до дому. Ему было так больно, что он едва поднялся по лестнице. Альма была в своей комнате, по сразу по-

чуяла неладное. «Послушай, Ида Гро,— сказала она,— мне кажется, Иост как-то странно ступает на ногу. Пойди, пожалуйста, посмотри!» Ида Гро выходит на лестницу и, представьте себе, видит целую лужу крови. Вы думаете, она хоть слово сказала матери? Нет, вы не знаете Иду Гро! Она подробно расспросила брата, сделала ему новую повязку, а потом как ни в чем не бывало вошла в комнату, где сидела Альма: «У Иоста все в порядке. Он только немного устал после поездки...» Но ему становилось все хуже и хуже. Позвали врача. Врач и говорит: «Надо привлечь миллионера к суду. У него есть деньги, пусть платит». Конечно, если бы это случилось у нас, ему пришлось бы заплатить, у нас ведь есть закон и право... А вот там... в Америке... Альма взяла одного адвоката, потом другого, и, конечно, им обоим надо было заплатить деньги. Но через некоторое время приходит сначала один адвокат, потом другой, и говорят: «Ничего не получается! Он слишком богат...» Подумайте, только потому, что он богат, он избежал наказания, штрафа и всего прочего... Нет, я буду молиться за нашу старую Данию. Здесь знают хорошо, что значит...

Зажигают свечи на елке. Старая женщина получает столько подарков, что едва их умещает у себя на коленях. Она смущена и делает вид, что эти пакеты ее совсем не интересуют. «Я разверну их в другой раз. Ведь и завтра успеется».

И тем не менее она украдкой щупает пакеты, надрывает уголки, стараясь угадать, что в них. Хозяйка дома понимает состояние старухи и предлагает ей немного отдохнуть в соседней комнате после танцев вокруг елки. Старая женщина охотно соглашается. Оставшись одна, она ловкими пальцами без ножа или ножниц развязывает каждый узелок на ленточках, которыми перевязаны подарки. Она не может прийти в себя от восторга.

— Ах, какая замечательная пушистая душегрейка! Из чистой кастировой шерсти! А какие туфли! Наверно, Камма их сама связала. Подумать только, отороченные лебяжьим пухом!.. Как у Тони Бельк на последнем маскараде. Она была тогда в светло-голубом шелковом платье, с напудренными волосами... Ее локоны развевались... Ганс был в нее так влюблен... Где она теперь?.. Жива ли? Такие птички порхают по всему свету. В жены они не годятся...

А вот и носовой платок! Из чистого льняного полотна!

Она внимательно рассматривает метку на платке.

— Нет, такую метку не могла вышить Тролль! Но зато она умеет делать кое-что другое... Да, кое-что другое...

Потом она раскладывает колоду новых игральных карт, на оборотной стороне которых нарисованы дворцы и церкви.

— Нет, подумать только!.. Вот это я

узнаю — это собор святого Стефана в Вене... А вот на этих изображены американские небоскребы. Это самое высокое здание, на крыше которого мы были с отцом. Оно выше самой высокой горы в мире!.. Я должна спрятать эти карты от Тролля, чтобы она их не увидела. А то она сейчас же начнет раскладывать пасьянс. Нет, нет...

* * *

На дворе бушует выюга. От порывов ветра дом сотрясается до основания. Шепотом обсуждается вопрос о том, как бы уговорить старуху переночевать здесь. Но никто не осмеливается предложить ей это... Вдруг раздается страшный треск. Налетевший шквал вырывает с корнем дерево в саду и швыряет его на крышу сарая с такой силой, что черепица с грохотом сыплется на землю.

Метель все усиливается. По радио передают сообщение, что железнодорожное движение по всей Ютландии приостановлено. Опасаются за суда, находящиеся к северу от Шотландии. Неужели там шторм еще сильнее, чем здесь?

Старая женщина внимательно слушает сообщения о силе ветра, о снесенных дымовых трубах, о разбитых вдребезги витринах. Она чувствует себя на седьмом небе. Да, еще есть чему порадоваться на божьем свете. Она предлагает сыграть партию в вист.

— Только по маленькой! И не мои картами. Они новенькие и красивые...

Играют. Потом снова пьют кофе.

— После хорошей чашки кофе я сплю особенно крепко. Должно быть, я не похожа на других. Людям стоит только понюхать кофе, и они уже не в силах сомкнуть глаз, часами ворочаются в постели, никак не могут заснуть.

По радио передают танцевальную музыку. Но ежеминутно ее прерывают какие-то посторонние звуки, вой ветра, позывные сигналы.

Наконец хозяева набираются смелости и предлагают старухе переночевать у них. В ту же секунду сияющая улыбка на ее лице исчезает, и она упрямо твердит:

— Хочу домой. Хочу спать на своей постели! Если я сумела сюда прийти, то и до дому сумею добраться!

Она так же категорически отказывается и от машины. Все же хозяева пытаются вызвать по телефону какой-нибудь транспорт. Но телефонная связь вдруг прерывается. Все попытки добиться соединения ни к чему не приводят. Центральная станция не отвечает. Линия повреждена.

Все обсуждают создавшееся положение. Идти пешком старуха, конечно, не может. Мальчик предлагает отвезти ее на санках. Это предложение приходится старухе по вкусу. Ее уже давно, с самого детства, не возили на санках.

— Это было еще в сороковых годах... Один подмастерье из нашей мастерской сделал для нас, девочек, салазки. Но матери это не понравилось. «На салазках могут кататься только мальчишки»,— сказала она и подарила их мальчику из замка. Не знаю, что стало с ними потом...

Не могу забыть, как я каталась на саних с моим Яком... На настоящих розвальнях. С бубенчиками и пестро расшитым ковром. Это было в первую же зиму после нашей помолвки. Отец одолжил сани, править он сам умел. Мы ехали по Арсенальскому саду, все деревья были в снегу. Было морозно... Мы ехали прямо на восток... Я сидела спереди, отец стоял сзади. И я думала: «Хорошо бы так ехать и ехать...» Вдруг лошади чего-то испугались и шарахнулись в сторону, прямо в поле... Правда, все обошлось благополучно. Я растянула руку, но это скоро прошло. Отец поставил сани на место, и мы шикарно доехали домой. Мы проезжали по улицам, люди стояли у окон и смотрели на нас, а я была так горда... Но все же рука болела. Кажется, я даже на минуточку лишилась сознания.

* * *

Итак, на сани ставят кухонный стул и крепко его привязывают. Собственно говоря, это не сани, а самые обыкновенные розвальни.

Старуху хорошо укутывают и сажают на стул. Она улыбается, болтает. Ей кажется, что все это похоже на сказку.

Дочь, которая прекрасно понимает всю серьезность положения, бежит вперед, чтобы успеть вскипятить до приезда матери воду для ромашкового чая.

Пока они ехали по проселочной дороге, кусты и высокая изгородь еще кое-как защищали их от ветра, который, однако, не унимался. Но как только они выехали на большую дорогу, продвигаться сразу стало очень трудно. Огромные сугробы то и дело преграждали санкам путь. Перевалить через них было невозможно. Мальчику пришлось сбегать домой за лопатой, чтобы проложить дорогу между сугробов.

Старушка тихо разговаривает сама с собой:

— Точно такая же погода стояла в тот день, когда родилась Троль, и мы наняли четырех нищих — они лопатами разгребали снег, чтобы до нас могла добраться мадам Шпанид, повивальная бабка...

Но вскоре мать начинает мерзнуть. А сани все еще ни с места. Наконец можно тронуться. Отец и сын берутся за толстые веревки, привязанные к саням, набрасывают их на плечи и тащат сани. Сначала все идет хорошо, но вскоре они выезжают на дорогу, с которой сдуло весь снег. Сухая, утрамбованная земля, посыпанная к тому же щеб-

нем. Сани опять застревают. Отец с сыном стараются их сдвинуть. Веревки впиваются в тело. Мальчик вот-вот готов заплакать. Старая женщина иступленно кричит:

— Скорее! Я замерзаю...

Отец с сыном напрягают все силы, и сани трогаются. Но вот снова сугроб. На этот раз вышиной в метр. Он, точно баррикада, преграждает путь. Возчики пытаются с разбега взять сугроб, им это почти удастся, но всякий раз сани в последнюю минуту скользят вниз, а старуха чуть не вываливается на землю. И опять она кричит:

— Я падаю! Вы меня искалечите!

Они снова берутся за лопаты. Старухе холодно, зуб на зуб не попадает.

— Я хочу сойти! Я пойду пешком! Я хочу домой. Оставьте ваши фокусы!

Отец и сын советуются, что делать. Может быть, ее и в самом деле снять со стула и понести на руках? Но об этом она и слышать не хочет!

— Что за выдумка! Я пока еще не калека! Нет, я должна была сидеть дома. Зачем я позволила затащить себя к чужим людям, которых я совсем не знаю, которые даже не в силах сдвинуть с места эти маленькие санки.

Она мерзнет все больше и больше, уже не чувствует ни рук, ни ног. Только не остаюсь так посреди дороги и не умереть!

Она кричит изо всех сил:

— Тролль! Тролль! Иди сюда, иди! Ведь тебя зовет твоя мать...

Сани срываются с места, скользят несколько метров, но потом снова останавливаются, попав на мерзлый щебень большой дороги.

— Я сломаю свою старую спину! Я умираю... Я хочу сойти. Я пойду пешком... Я сумею сама дойти... Мне никого не надо!.. Тролль! Тролль!

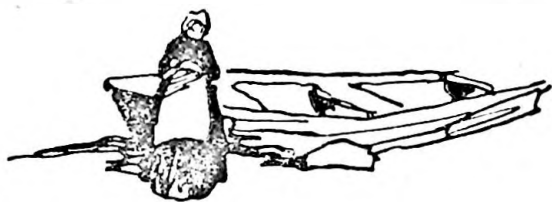
Остаток пути она сидит совсем тихо, не говорит ни слова, не ругается, не плачет. Отец и сын окончательно выбиваются из сил. Хотя старуха весит не более ста фунтов, им кажется, что они тащат груз не меньший, чем в двадцать центнеров.

Наконец они у цели.

Старая женщина сидит, вся съезжившись. Она в обмороке.

Ее вносят в дом. Дочь вливает в рот матери горячий чай, снимает туфли и чулки и растирает озябшие ноги. К старухе медленно возвращается сознание.

— О, какая ужасная прогулка! Больше вы меня отсюда не выманите! — Но вдруг в ее памяти воскресает прекрасно проведенный вечер, и она добавляет: — ...во всяком случае, до следующего сочельника... с божьей помощью!

ЛОДКИ

Обе лодки дочери давно колют глаза старой женщине. Но она молчит. Молчит, как обычно,— она ведь никогда не говорит ни слова. Никогда! Пусть другие болтают!

Для чего Троль нужна лодка? Тем более — целых две. Будь у нее столько детей, что им не поместиться в одной лодке,— тогда еще куда ни шло. Но ведь она одна, у нее нет ни мужа, ни близкого друга, если, конечно, не считать тех двоих, с которыми она развелась. Да что о них вспоминать!..

Изредка, когда собирается много гостей, они катаются вместе на двух лодках. А старая женщина тем временем сидит дома и

перебирает в памяти все несчастные случаи на воде, о которых она когда-либо слышала. Она живо представляет себе все эти ужасы. И как шел ко дну «Титаник», и как пели на его борту обреченные на смерть пассажиры. И труп ребенка, утонувшего здесь у самого берега... Тролль так неразумна. Она поведет лодку прямо на пароход или на нее налетит какая-нибудь моторка, которая несется по воде, как стрела. Лодка Тролль может сесть на мель, а кругом не будет ни души. Тролль попытается доплыть до берега, но утонет на полпути. А вдруг Тролль потеряет равновесие — она ведь такая неуклюжая — и ударится головой о борт, как это было в 1806 году с братом тети Софи, как раз в святое воскресенье, когда звонили церковные колокола...

Мать ненавидит лодки. Не только из страха за жизнь дочери, но и из-за всей этой суматохи, которая подымается всякий раз, когда дочь собирается вместе со своими гостями на морскую прогулку. Они забирают с собой целые корзины с провизией — сардины, омары и этот желтый соус из постного масла, не говоря уже о пиве и кофе. А сколько денег это стоит!.. Содержание лодок обходится тоже недешево... Их надо вытаскивать на берег, смолить, красить, мыть. К тому же то пропадают весла, то исчезает руль. Куда только все это девается? Видно, люди воруют. Да еще днища гниют, и их приходится заменять новыми.

Иногда старуха простодушно мечтает о том, чтобы лодки разбило молнией или чтобы обе они сгорели. Но она не решается высказать это вслух — ведь лодки застрахованы, что, кстати, тоже стоит немало денег, и Тролль, конечно, тут же купит взамен две новые, вдвое больше прежних и вдвое дороже... Ох и сложное дело с этими лодками...

Она думает, размышляет по ночам, советуется с господом богом, и, наконец, ей приходит в голову хорошая мысль.

* * *

Но до осуществления своего плана ей самой вдруг захотелось еще разок прокатиться на лодке.

— Знаешь, Тролль, не переправиться ли нам на тот берег? Мы возьмем с собой кофе и будем пить его в лесу.

Дочь не верит своим ушам. За последние восемь лет мать ни разу не садилась в лодку, а теперь ей вдруг захотелось кататься...

Термос с кофе уложили в корзину. Настало время сесть в лодку. Но старуха, обычно такая ловкая и быстрая, останавливается, словно окаменев при виде качающейся на воде лодки. Она садится на каменную дамбу и пробует спустить в лодку сперва одну ногу, потом другую, но не достает до дна, а спрыгнуть не решается. Втащить лодку на

высокий берег, чтобы посадить в нее старуху, также оказывается невозможным. А главное, старуха не желает, чтобы ей помогли.

— Я хочу сама!

Лодку подводят к мосткам; от них к воде ведет несколько ступенек, по которым можно сойти прямо в лодку. Однако и на это мать не решается. Она твердо убеждена, что лодка не выдержит тяжести ее тела и пойдет ко дну. Наконец, она все-таки садится на мостки, дочь и Люкке протягивают ей руки, и она, отдавшись на волю божью, сползает вниз.

И вот она уже в лодке — сидит как ни в чем не бывало.

— Не сесть ли мне на весла? Ведь я умею грести! Прежде я гребла не раз, когда другие уставали. Но это было у нас на реке. Река — это совсем другое дело... У нас красивее, чем здесь, в десять раз красивее. Конечно, и здесь довольно мило, но... так... для семейных прогулок. А какой тростник у нас дома... Как он шумел... прямо звенело в ушах. Я сидела, бывало, в лодке и мечтала. Когда лодка застревала в тростнике у берега и все разбрелись кто куда — одни на лужайку собирать цветы, другие — поваляться на сене, я всегда оставалась одна в лодке... «Тьфу! — говорила я. — В сене водятся блохи». Слушай, Тролль, дай же мне наконец

весло! Люкке ведь не умеет грести. Она просто дурочка. Пусть следит за рулем, а мы вдвоем будем грести.

Дочь знает, что возражать бесполезно, и соглашается. Старая женщина берется за весло; оно бултыхается в воде, выскальзывает из ее рук, но, к счастью, Люкке подхватывает весло прежде, чем его уносит течение. Лодка тем временем кружится на одном месте.

— Мне здесь очень твердо сидеть! Нельзя ли подложить подушку?

Она хочет продолжать грести. При каждом взмахе весла у дочери замирает сердце. Ухватившись рукой за борт, дочь пытается удержать лодку в равновесии.

— Вот видишь, все идет великолепно!..

Дочь расхваливает мать, и от этой похвалы старая женщина все более распаляется. Она еще покажет себя! И тут же с такой силой ударяет веслом, что сама теряет равновесие и, падая, стучается головой о край скамьи.

Она не сильно ушиблась, только побледнела от испуга и смущения. С большим трудом удается усадить ее обратно на место. Теперь она, наконец, согласна передать весла другим.

Лодка подошла уже совсем близко к берегу. Когда-то давно, много лет назад, здесь была маленькая судостроительная верфь. Потом она развалилась, но еще до недавнего

времени люди могли пользоваться полуразрушенной пристанью. Но постепенно доски прогнивали и в конце концов остались лишь сваи с одной-единственной перекинутой через них доской. А теперь и она исчезла. У берега торчали лишь два-три бревна, на которых рыбаки сушили свои сети.

Неподалеку был выстроен маленький причал, принадлежавший частному лицу. На нем висела дощечка с надписью: «Вход воспрещен». С владельцами шутки плохи. Троль пытается подвести лодку к самому берегу, чтобы как можно меньше пришлось нести старушку на руках, но лодка при этом чуть не опрокидывается. От этой затеи приходится отказаться. Давно прошли те времена, когда мать могла выпрыгнуть на берег. Остается только одно — пристать к частной пристани. Другого выхода нет. После нескольких попыток это, наконец, удается.

Но из лесной сторожки тут же выбегает какой-то человек. Он громко ругается.

— Вы что, читать не умеете? Надпись как будто достаточно ясна.

Указывая на мать, дочь извиняется, что они нарушили запрет. Но на хозяина причала это не производит никакого впечатления.

Старая женщина стоит и ждет, пока он не перестанет кричать. Тогда она выпрямляется, делает несколько шагов по направле-

нию к нему, принимает гордую позу и, гневно глядя на него, медленно произносит:

— Послушайте, милейший! Вы позволяете себе слишком много. Ведь это именно я захотела прогуляться по лесу. Моя дочь привезла меня на лодке сюда. Как смее вы быть так невежливы? Немедленно убирайтесь отсюда, если вы не хотите иметь дело со мной!

Хозяин поражен этим внезапным нападением, он так смущен, что готов удрать, как побитая собака. Но ему не удается так просто отделаться от старухи.

— Стойте!

Он послушно останавливается.

— Если бы эта пристань была моя и кто-нибудь захотел бы к ней причалить, как вы думаете, что бы я сделала? Я сказала бы: слава богу, что я могу оказать людям хоть маленькую услугу. А вы! Постыдились бы! Тьфу! Вы очень невоспитанны. Если бы мой муж был жив, он бы вас проучил, можете быть уверены! Но он покоится на кладбище... Имейте в виду, что моя дочь пишет в газетах! Смотрите, как бы она не описала вашу грубую выходку! А теперь можете идти!..

Хозяин торопливо уходит.

Дочь догоняет его и объясняет, что ее матери, девяностолетней старушке, очень захотелось побывать в лесу. Хозяин останавливается, задумывается, делает несколько

шагов по направлению к старухе и говорит угрюмо:

— Никогда не сказал бы, что она так стара.

Затем делает еще несколько шагов и, подойдя к ней совсем близко, говорит:

— Вы выглядите гораздо моложе моей матери, а ей еще нет и семидесяти.

— Боже мой! Семьдесят лет! Совсем еще ребенок! Надеюсь, она здорова. Здесь, у воды, так легко получить ревматизм. Я никогда не страдала ревматизмом, потому что всегда работала и благодаря этому сохранила свое здоровье...

Они стоят на пристани и беседуют. В это время дочь привязывает лодку, а Люкке берет корзину с едой и выпрыгивает на берег. Разговор затягивается, и в конце концов хозяин приглашает старуху зайти к нему в дом, посмотреть на изразцовую печь, сложенную еще в 1743 году...

— Нет, подумать только! Ведь как раз в этом году мой прадед переселился сюда из Баварии.

И тут хозяину приходится выслушать историю целого рода. Но старуха все же не соглашается зайти в дом и посмотреть на печку. Они прощаются; теперь старуха может пользоваться пристанью хоть три раза в день, это ясно.

— Ловко ты его обработала,— говорит дочь.

Старуха задирает нос.

— Еще бы! Я умею обращаться с людьми... Он просто невоспитан. Видно, его матери было некогда заняться его воспитанием...

Они подходят к старому дубу. Под ним стоит смолокурная печь,— очевидно, еще со времен верфи. Старуха осматривает ее снаружи и изнутри.

— Стоит здесь без всякой пользы! Нужно сбегать к этому человеку и передать ему от моего имени, чтобы он ее немедленно продал, а то она совсем заржавеет. Зачем добру пропадать?

Она приходит в восторг от высокого папоротника.

— Это совсем не та пакость, что растет у тебя в саду. Папоротник должен расти в лесу под большими деревьями.

Она с восхищением смотрит на верхушки деревьев, и дочери кажется, что они становятся выше.

По пути им попадается поваленное на землю дерево, которое, насколько помнит дочь, всегда здесь лежало. Люди, гуляющие в лесу, пользуются им как скамейкой. Вокруг него валяются обрывки бумаги. Старая женщина бросает на землю папоротник, который она собирала, чтобы, прогладив его утюгом, сделать абажур, и начинает подбирать бу-
мажки.

— Свинство! Порядочные люди так себя не ведут. Что подумают деревья?

Она тут же понимает комичность этого вопроса и добавляет:

— Конечно, если они способны думать! А почему бы, собственно говоря, им не думать?

Люкке помогает ей, и скоро вокруг поваленного дерева не остается ни клочка бумаги. Ни единого. Теперь можно спокойно пить кофе. Старуха в сотый раз рассказывает Люкке и дочери о поездках в Флесский лес и о том, как они все — и взрослые и дети — ездили туда поездом по детским билетам.

— Нас ведь было много, и дорога обошлась бы слишком дорого. Хорошо еще, что мы покупали хоть детские билеты. Я так и говорила кондуктору, когда он сердился на нас. Надо же делать скидку тем, у кого столько ребят... Как много ворон и грачей было в лесу! Они порой все небо закрывали — темно стало. А их крик даже страх нагонял!.. Но зато я отдыхала с той минуты, как все было уложено, дети одеты и мы, наконец, уже садились в поезд. А потом в лесу... У нас всегда с собой было все необходимое, даже чашки и кофейник. А кипяток можно было достать у машиниста. Это стоило крону, но ведь это же не дорого, правда? Что купишь на одну крону? Вот Тролль платит крону за фунт мяса, которое не стоит и двадцати пяти эре. А я всегда говорю мяснику: «Дайте мне, пожа-

луйста, вот тот кусок и, будьте любезны, вырежьте кость. Неужели вы думаете, что я плачу деньги за кости?»

Люкке предлагает всем еще по чашке. Старуха накрывает рукой чашку, будто отказываясь, но делает это так, что Люкке может свободно налить чашку кофе.

— Да, вкусный кофе... На свежем воздухе... Иоанна-Луиза... фру Хейберг... Люкке ее плохо знает... Она с мужем объездила в карете всю Зеландию... Какое чудесное свадебное путешествие! А у нас с Яком не было свадебного путешествия. Откуда нам было взять столько денег? Не воровать же! Отец устроил мне сюрприз — все окна он оставил горшками с розами... бутоны еще не распустились. Никогда этого не забуду... Милый, дорогой Як...

Раз уж мы в лесу, посмотри, нет ли тут этих желтых грибочков для подливки... Боллета... ну, знаешь, она еще была замужем за этим... как его... она очень ловко их собирала...

— Но ведь ты же их не ешь, мать...

— Откуда ты взяла? Пойди и собери... А я пока немного вздремну...

Вернувшись домой после прогулки по лесу и катания на лодке, старая женщина семенит по саду. Она полна впечатлений, ослеплена солнечными бликами, игравшими на воде. Повиснув на руке дочери, она бормочет:

— В последний раз... в последний раз...

Что мать хотела сказать этими словами, дочь узнала много позже. Ежегодно после рождества дочь уезжает за границу. И на время ее отсутствия мать берет в свои руки бразды правления. Мать по натуре склонна волноваться и огорчаться по пустякам, но она умеет также находить выход из любых затруднений.

Она пишет дочери длинные, мало разборчивые письма. Они полны всяких наставлений и благочестивых изречений. Иногда она прилагает выписку из медицинского справочника доктора Торнанса, или из сборника проповедей пастора Бределя, или просто маленькую вырезку из газеты с каким-нибудь советом домашним хозяйкам. Остальные дети также часто получают от нее длинные письма с рассуждениями о господе боге и десяти заповедях, которые следует неукоснительно выполнять. Но всяких наставлений в них гораздо меньше. Старуха умна, очень умна, она знает, что ее дети живут своей жизнью и совершенно бесполезно пытаться вмешиваться в эту жизнь. Но Троль — это «совсем другое дело». Ведь Троль — дитя, она осталась одна, и если она время от времени и вылетает из гнезда и порхает неизвестно где, то она все же всегда возвращается под крылышко матери. Троль — дитя, которое еще нуждается в воспитании, дитя, которое не может само о

себе позаботиться, потому что она такая неопытная, такая неразумная.

Дочь за границей. Перед ней — письмо матери. Она вертит его в руках, читает его и пересчитывает много раз, чтобы разобраться во всех вставках, приписках и странных знаках, которыми оно испещрено вдоль и поперек. Ей очень трудно уловить смысл письма. Мать пишет что-то о боге, о лодках. Пока она больше ничего не может понять. Всем остальным детям мать обычно пишет латинскими буквами, иначе они просто не читают письма, они не знают готических букв. Но Тролль обязана знать. Обязана. Если она знает немецкий, французский, английский и итальянский, то может потрудиться разобрать буквы, которыми ее родная мать написала письмо.

Дочь старается установить, какая связь существует между богом и лодками. Наконец, после долгих размышлений, она как будто начинает улавливать смысл письма. Вот что в нем написано:

«Господь бог был милостив к нам. Лодку я продала. Я поместила объявление в газете. Явился только один покупатель. Стоял сильный мороз. О, как несчастны те, кому нечем топить! Благодарю бога, Тролль, что ты не мерзнешь. Пять крон из тех, что я получила за лодку, я передала от твоего имени Армии спасения. Остальные шестнадцать я положила в банк на твое имя. Твоя мать стара, но и ста-

рая мать может, оказывается, заработать деньги для своей гадкой Тролль!»

— Итак, лодка продана! Пять и шестнадцать... за двадцать одну крону! Интересно, какая из двух? Да, да, ничего не поделаешь, как известно — «против судьбы не пойдешь!»

Матери она написала не без иронии:

«Ну, и много же денег ты выручила за лодку! Насколько я помню, одна ее почипка в прошлом году стоила больше полуторасти крон. Выгодное дело, ничего не скажешь. Не собираешься ли ты избавить меня и от второй лодки?»

И вот дочь снова получает письмо от матери:

«Не будь так нетерпелива, милая Тролль. Все в свое время. Но, слава богу, подвернулся покупатель и на вторую лодку. Художник с прелестной маленькой дочкой. Я ему сказала, чтобы он сам назначил цену, ведь он не жулик. Он дал мне целых тридцать пять крон. Это за ту, что с парусом. Теперь я могу быть спокойна. Ты не утонешь. И сколько денег я сберегла тебе! Теперь не надо будет тратить-ся на ежегодный ремонт...»

Дочери стало как-то не по себе. Но она ведь обещала матери сделать все, что в ее силах, чтобы матери жилось «как в раю». И дочь написала ей в ответ веселое письмо, поздравила ее с последней блестящей финансовой операцией, а в заключение, не удержавшись, все же язвительно спросила, не соби-

рается ли она также реализовать их остальное движимое имущество.

Ответ прибыл с обратной почтой:

«Глупое дитя! Нечего разукрашивать письмо мудреными словами. Податски это называется мебель. Ты думаешь, я не знаю! Я подожду с продажей мебели до тех пор, пока ты не получишь другую из Копенгагена. Тогда мы устроим аукцион, продадим все сразу, и у тебя будет, наконец, достаточно денег, чтобы приобрести небольшую пожизненную ренту. Но шесть чашек, те, что прабабушка получила к свадьбе, мы сохраним. Пусть они перейдут по наследству моим внукам...»

КНИГА

Почтальон приносит извещение: на почте лежит посылка на имя Тролля. Старая женщина внимательно рассматривает извещение.

— От твоего издателя. Ты снова купила книги?

— Это, наверно, моя новая книга, — торпливо отвечает дочь.

Пауза. Глубокий вздох. Снова пауза.

— О господи! Опять тебя будут ругать! Бедняжка... Уж лучше они меня поругали бы!..

— Но, мать, я не принимаю этого так близко к сердцу. Дело же совсем не в этом...

Старая женщина ходит по комнате, покачивая головой, и ищет свои очки.

— Газету тоже принесли. Сегодня тираж лотереи. Собственно говоря, он был вчера, а сегодня его напечатали в газете.

В глубине души она ждет лишь продолжения романа, печатающегося в газете. В прошлом номере кончилось на том, что герой уверяет свою жену, будто его срочно вызывают на фабрику. Но каждому ясно, что это наглая ложь. На самом деле он должен встретиться с этой фигляркой, актрисой, которая кружит головы всем мужчинам в округе. Бедная жена! В один прекрасный день она прозреет... А он и не думает о разводе... Несчастливая жена, наверно, покончит с собой... Почитаем, почитаем...

— Где же мои очки?.. Бедняжка Троль... как мне больно за нее... Ей вовсе не надо было заниматься писанием книг. Она в этом деле ничего не смыслит. Не то чтобы у нее не хватало ума... Нет, это совсем другое... У нее что-то не в порядке в голове... как у маленького дорогого Георга, но только как-то иначе...

Ах, если бы ее миновала чаша сия!.. Я бы все сделала ради этого... Но, господи боже мой, где же, наконец, мои очки? Их, наверно, вымела Люкке и выбросила с мусором на помойку. У нее на уме одни кавалеры... Может, Троль по рассеянности приняла их за свои и унесла вверх.

— Пожалуйста, Троль, подымись к себе и посмотри! Газета от тебя не убежит... Потом почитаешь. И не смотри на номера. Я сама

хочу проверить, не выиграли ли мы. Ведь это же я купила билеты!

Слава богу, вот очки! Нечего теперь бегать наверх. Можешь посидеть со старой матерью, которая день-деньской сидит одна-одинешенька... Милая моя Тролль, не вышить ли мне для тебя двенадцать салфеточек с птичками? Ты ведь любишь такие, а у меня еще остались и нитки и материя. Я сделаю совсем маленькие салфеточки — для красоты. А рот можно вытереть и носовым платком. Салфеточки будут очень красивые, вот увидишь. С мережкой, хочешь? И каждая с особой вышивкой. Ты довольна? Только не уходи от меня! Посиди со мной хотя бы пять минут. Ведь день длится целых двенадцать часов! Ты еще успеешь пойти к себе наверх!

— Я ведь провожу с тобой каждый вечер.

— Да, спасибо!.. Ты так и норовишь уложить меня в постель, а потом скорее подняться к себе и стучать на машинке...

Дочь отрицательно качает головой.

Старая женщина напряженно смотрит в одну точку. Она чем-то огорчена или озабочена. Но вдруг ее лицо вновь озаряет улыбка, немного лукавая, радостная улыбка.

— Подойди сюда, Тролль! Нет, поближе! И слушай внимательно, что я тебе скажу. Твоя мать совсем не так глупа... Вот ты заплатила много денег за устройство подвала для фруктов. Конечно, подвал сам по себе хо-

рош, но мы можем легко без него обойтись. Яблоки мы раздадим... или сами их скушаем...

— Мы не можем сами сразу съесть все яблоки, а кому здесь нужны фрукты?

— В таком случае надо вырубить деревья. Оставим только несколько яблонь, чтобы было из чего делать яблочный кисель и желе. А на что нам больше? Ничего лишнего!.. Съедать по два яблока в день полезно. От этого появляется румянец на щеках. Но эти яблоки могут храниться у тебя наверху в чемоданах — они там вполне уместятся. Я заверну каждое яблоко в отдельности в газетную бумагу, так что они не померзнут и не будут гнить...

Ты, деточка, такая бледная! Как призрак! Точно мукой обсыпана, как клоун в цирке... Помнишь, как наш Тао любил смотреть в цирке на павлинов... А ведь он был уже взрослый мужчина... Нет, нет... я совсем не то хотела сказать. Слушай меня! Ты всегда говорила, что обожаешь вот эту ужасную гадость, что растет в лошадином навозе... ну, эти поганки...

— Шампиньоны?..

— Ну да, я же говорю: поганки! Ты можешь называть их как угодно.

— Ну и что?

— Так вот, Тролль... Люди так глупы, что ходят черт знает куда за ними, собирают их где-то на другом конце света... А сколько обуви изнашивают при этом!..

— Мама, говори скорей, что у тебя на уме? Мне, право, надо пойти работать.

— Боже мой, дитя мое. Именно поэтому я и заговорила с тобой об этих поганках... Ты думаешь, твоя мать — старая дура, которая ничего не видит и не слышит. Но господь дал мне немного разума, и я хочу тебе помочь. Я хочу, милая Тролль, только одного, чтобы на старости лет тебе жилось чуточку легче. Так много людей употребляют эти грибы в пищу. Фру Н. говорит, что фунт грибов стоит полторы кроны... Не меньше... Иногда и больше. А я читала в газете, что их можно разводить в подвале. Нужен всего только один воз навоза, а его можно дешево приобрести у отца Анны. Он очень достойный и порядочный человек. А как он содержит свою старенькую ферму! Есть чем похвастаться. Не бросает деньги на ветер... как другие... Его жена немного тучновата... Но живут они душа в душу!

Дочь сидит, как на иголках.

А старуха продолжает:

— Я переговорю с садовником, который живет возле кладбища. Попрошу его продать твои яблоки, и мы начнем разводить грибы в подвале. Ты сможешь, наконец, остаться дома со своей матерью и бросить писать книги... А даже если тебе придется иногда куда-нибудь уехать, мы вдвоем с Люкке сумеем посмотреть за этим добром. И знаешь! По субботам Люкке будет уезжать с двумя корзинами грибов на рынок и продавать их там...

Ничего плохого в этом нет. Раз в неделю я сумею обойтись без нее. Постель я сама постелю, а кофе она перед отъездом сварит и нальет в термос. А с обедом мы подождем, пока она вернется. Зато сколько у нас денег будет!.. Ты только присмотри, чтобы воз был полный и чтобы ничего не рассыпалось по дороге... Ну, ты согласна?

Тон у нее вкрадчивый, робкий, уговаривающий.

Дочь глубоко вздыхает.

— Я не думаю, чтобы было так легко выращивать шампиньоны. Нужно много терпения...

— Конечно, если ты не будешь тратить время на свою стукотню, то все успеешь. Немного грибов можно и засолить. Я постараюсь привыкнуть к ним и буду их тоже есть... Если Люкке не продаст на рынке все грибы, мы их будем подавать к обеду. С рисом. Милый Як очень любил блюда с изысканными названиями. Он ел даже лягушечьи лапки, потому что это французское кушанье. И устриц! Фу! Какая слизь! Ни за что на свете не взяла бы я их в рот... Конечно, если бы в устрице была жемчужина... Да еще такая большая, как куриное яйцо!.. Помнишь, Иост как-то рассказывал, как он нашел однажды целую кучу устриц и в каждой по жемчужине. Это было где-то возле Африки, на море. Он попал туда, потому что его должны были назначить адмиралом, как его дедушку, но он оказался

непригодным для морской службы. В жемчужинах он тоже ничего не понял, взял их да выплюнул все. Ах, если бы у нас были теперь эти жемчужины! Ну, согласись же, Троллы! Скорей! Я хочу посмотреть, не выиграли ли мы с божьей помощью. Все равно, если даже твой номер выиграл, деньги я возьму и немедленно пошлю Гансу. Ему они нужнее... Конечно, и тебе нужны деньги, но ты ведь дома, в Дании... Впрочем, немножечко я тебе оставлю. Десять крон!.. Тебе хватит? Столько я получала каждый месяц от отца на одежду.

Слава богу, я не тратила и половины. И я таким путем скопила четыреста крон. Если бы не эти деньги, разве я могла бы купить мебель для Ольги!.. Конечно, было бы умнее, если бы я дала ей эти деньги для поездки в Африку к Гансу. Муж и жена должны жить вместе. Но что делать, если она не переносила африканский климат. Может быть, он и очень здоровый для тех, кто к нему привык!.. Нет, нет, они не подходили друг к другу. Ганс такой неповоротливый, а Ольга порхала, как бабочка... или как стрекоза над водой...

Скажи, наконец, свое слово, Троллы!

Дочь пытается найти выход из тяжелого положения.

— Не лучше ли сначала посадить грибы на большом лугу? Там они, говорят, растут тоже хорошо и навоз не придется покупать.

Старая женщина обдумывает это предложение.

То, что можно обойтись без навоза, сй правится.

— Ты говоришь правду? Они в самом деле могут расти на лугу?

— А разве ты не помнишь, мама, как в Лангеланде в Транскере они тысячами росли в парке. Ты ведь сама видела...

Старуха действительно вспомнила. Маленькие, кругленькие грибочки...

И она уступает.

— Как хочешь. Попробуем сначала на лугу. С божьей помощью! А теперь ступай! Я просмотрю газету...

Она достает маленькую сумочку с лотерейными билетами. Там же лежит кусок картона, на который она записала номера билетов. Она сама начертила их спичкой, обмокнутой в чернила. Прежде чем проверить их, она складывает руки и молится.

— Нет, господь не благословил на этот раз наши номера. Но слава богу, это не последний тираж. Розыгрыш продлится еще семнадцать дней. Может быть, один из номеров и выиграет! Хоть немного! И тогда Ганс получит деньги. Он ведь никогда не тратил на себя ни эре! Тролль — совсем другое дело. Она вообще не понимает, что такое деньги... Она никогда не знает, сколько у нее в кошельке, сколько на текущем счету. Но все равно, и там и здесь всегда пусто...

Старуха разворачивает газету. Погружается в чтение. Все заботы исчезают. Она

думает только об этом негодяе, который водит за нос свою прекрасную жену. Но его ждет возмездие! Бог не допустит такого издевательства...

* * *

Люкке приносит с почты пакет с книгами.

— Дай сюда, — приказывает старуха. — Я сама его вскрыю! И принесите корзинку с веревками.

Люкке приносит корзинку, в которой уложены клубки шпагата разной толщины.

Каждый раз, когда приходит посылка, перевязанная шпагатом, старуха развязывает его, внимательно рассматривает и наматывает на клубок с таким же шпагатом. Она начала это делать еще во время войны, когда была большая нужда в шпагате. С тех пор у нее сохранилась привычка собирать каждую веревочку. На чердаке лежат такие большие клубки, что она уже не может с ними справиться. Правда, в последнее время шпагата стало меньше, люди начали пользоваться этими дурацкими резинками! Их она тоже собирает. Они пригодятся для маленьких банок с вареньем. У нее уже набралось несколько коробок этих резинок, и она помышляет о том, не сбыть ли их на фабрику, где их делают. Но если это иностранная фабрика, то ее затея, конечно, не удастся.

Она разглаживает коричневую бумагу, в

которую была упакована посылка, и тщательно складывает ее. Бумага может пригодиться, когда Тролль будет отсылать свои рукописи. Не надо будет покупать эти огромные дорогие конверты, которые приходится затем выбрасывать в корзину.

Книги в переплетах, и страницы пронумерованы. По виду не отличишь от настоящих книг. Она критически рассматривает их. Вот что-то о муравьях и термитах. Это она прочитает, когда Тролль уедет. А что это?.. Она перелистывает страницы... Фу! Что-то ученое, о машинах и математике... Если бы милый Як был жив! Он бы их все прочел — ведь он до конца дней любил учиться...

Книги лежат перед ней. Две большие пачки, по десять в каждой. Она берет верхнюю книгу, взвешивает ее на руке, открывает, рассматривает первую страницу. Потом пробегает глазами последнюю и глубоко вздыхает:

— Ох, боже, боже!

Вскоре приходит дочь, чтобы унести книги к себе наверх.

— Хоть одну бы мне оставила!

— Ты все равно не будешь читать ее, мама!

— Я не буду читать? Откуда ты знаешь? Конечно, буду.

И тут же начинает энергично разрезать книгу. Она разрезает ее до тех пор, пока дочь не уходит.

Затем она захлопывает книгу, оставляет в

ней нож как закладку и берется за рукоделие. Борнхольмские часы указывают ей, что пора приняться за эту работу.

* * *

Каждый вечер они обязательно играют в вист. Втроем, когда Люкке дома. Когда ее нет — вдвоем. Мать почти всегда выигрывает.

Она считает своим долгом следить за Люкке — та никак не может усвоить правила игры.

— Неужели вы не можете запомнить, какие карты вышли? Зачем вы ходите с трефы, когда у вашего партнера туз и король? И зачем только вы пошли с червонного туза?.. Ни одной взятки... Нет, вы никогда не научитесь прилично играть в вист... /

Люкке уходит на кухню, чтобы приготовить вечерний кофе. Они продолжают играть вдвоем, и по правде говоря, старуха это любит больше всего. Тут ей представляется возможность по-настоящему обыграть дочь, которая всегда так рассеянна.

После кофе она, как всегда, полчаса вяжет спортивный костюм для Иды Гро. И, наконец, настает время читать развлекательные книги. Ни минутой позже, ни минутой раньше. Дочь тоже сидит за книгой.

Мать украдкой наблюдает за ней, продолжая медленно разрезать новую книгу. Она притворяется, что читает, но ни на минуту не

спускает глаз с Тролля. Потом что-то бормочет о носе, встает и идет к окну, очевидно, за носовым платком. Возвращаясь на место, она прячет что-то за спиной. А потом это «что-то» раскладывает у себя на коленях.

Минута молчания. Старуха снова принялась за книгу. Дочь поднимает глаза.

— Ну как, мама, ты уже много прочла?

— Боже мой! Я только что начала. Надо иметь время для чтения. И потом я читаю медленно, не пропускаю, как ты, половину. Читаю и запоминаю. Совсем не так, как ты!

В комнате царит глубокая тишина.

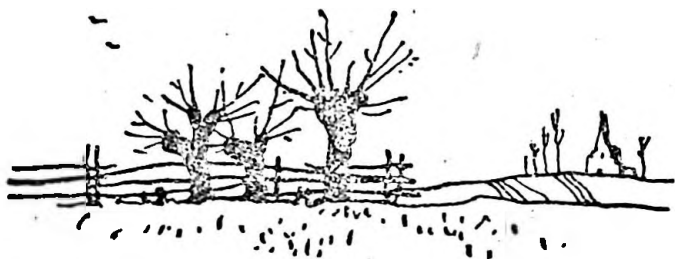
Она нарушается, только когда старая женщина сморкается или ловит моль. Дочь с другого конца стола украдкой следит за матерью. Видя, что ее чтение подвигается что-то уж очень медленно, она говорит:

— Мама, сейчас ты можешь не читать этой книги. Подожди до зимы, когда я уеду...

— Вздор! Я читаю, когда хочу.

Дочь на мгновение перестает следить за матерью, а когда снова подымает на нее глаза, то с удивлением замечает, что старая женщина целиком погружена в чтение.

Глаза ее буквально летают по строчкам. Выражение ее лица поминутно меняется: то оно серьезно, то встревоженно, то озарено светлой, торжествующей улыбкой. Прижав руку ко лбу, она заслоняет глаза, как будто свет лампы мешает ей, хотя на лампе абажур, поверх которого накинута кусок темного

А Р Т И С Т К А

Ждут в гости знаменитую артистку.

— Неужели нужно ради нее наводить такой лоск. Ради этой комедиантки? Ты думаешь, она умеет готовить или штопать чулки? Наверно, она точная твоя копия!.. Только, должно быть, немного красивее. Как и полагается актрисе. И быть не может иначе. Впрочем, не думаю, чтобы она была уж очень красива... Вот ее мать была хороша! На нее стоило посмотреть! Она была из простой семьи, некая Меллер, но, глядя на нее, никто бы этого не сказал. Какая походка, какая осанка! И знаешь, Тролль, дело здесь не только во внешней красоте. Нет, есть еще что-то другое, что кроется глубоко внутри человека. И в

ней это «что-то» было... Ты ничего не понимаешь в театре. И никогда не понимала. А я с детства ходила по театрам и во всем этом прекрасно разбираюсь. Отец писал декорацию — всякие там моря, леса, палаты и залы и вообще все, что надо было, и мы, дети, всегда имели даровые билеты... Да... а после смерти отца мама, бедная мама, принуждена была сдавать комнаты этим бродягам артистам. Как они надували и обманывали ее! Прямо страшно сказать! То у них не было денег потому, что директор разорился, то они пропивали деньги, то театр не делал сборов... Ну, и костюмы им тоже надо было иметь. Конечно, они покупали их в долг. От всего этого страдала мать. Она была слишком добрая. Никогда не умела им отказывать, — у нее комнаты были на солнечной стороне, и они хотели жить только у нее. Всюду было так чисто! А пол так и сверкал! Вот какими были эти актеры! А этот Балдриан из Ольборга. Терпеть его не могла... Когда он уезжал, под его кроватью оставалась целая батарея пивных бутылок. Отвратительно! Но играть на сцене он умел. Помню его в роли Гакона Ярла!.. Да, в те времена еще были артисты!.. Когда он выступал, его голос был слышен на другом конце города... А мать Бетти, этой твоей приятельницы? Может быть, она и не была так талантлива, как Иоанна-Луиза... Этого нельзя было требовать ни от нее, ни от кого-либо другого. Но как она была прекрас-

на, когда шла по улице в своей светло-зеленой шляпе с черным пером. Люди останавливались и смотрели на нее, затаив дыхание...

Не знаю только, достаточно ли хорошо к ней относился ее муж. Я еще и сейчас слышу его голос. Он звучал, как те большие штуки, которые похожи на огромные скрипки... А какие у него были глаза. Трудно было выдержать его взгляд!.. Конечно, он любил ее... но по-особому... на свой манер... Когда мужчина так красив, его повсюду ждут соблазны...

А не испечь ли нам чего-нибудь в честь приезда гостей?

Дочь находит поваренную книгу, и они вместе выбирают рецепт для печенья.

— Хорошо, что у тебя есть мать, которая умеет печь. Что бы ты делала без меня!.. Конечно, если бы я писала книги, у меня бы дело пошло лучше, чем у тебя... Я знаю людей, вижу их насквозь...

— Почему же ты не пишешь, мать? — дразнит ее дочь.

— Почему? А ты сама не понимаешь, моя овечка? Если бы я тратила мое время на писание книг, кто бы штопал тебе шелковые чулки или выводил бы пятна с твоих платьев? Кто бы вышивал для тебя скатерти, кто бы вязал дорожки для рояля? Кто стал бы смотреть за садом, следить, чтобы вовремя опрыскивали плодовые деревья? Кто заботился бы о том, чтобы хватило денег на хозяйство? А кто заваривал бы ромашку для

Тролля, когда она простужена? Ведь она так неразумна, так неразумна... Послушай, Тролля, не поможешь ли ты мне отвесить продукты для печенья?

— А у нас есть что вешать?

— Пока нет еще. А ты вот возьми лист бумаги, впрочем, сойдет и старый конверт, и запиши все, что я скажу. Дай-ка, я посмотрю...

Она роется в поваренной книге. В ней полно закладок, углы многих страниц загнуты. Рецепты приготовления трески заложены вязальной спицей, кренделя — пуговицей, ванильного печенья — крючком для вязанья, а «прабабушкиных коржиков» — ножницами.

— Ну, записывай! Два целых яйца... нет, нет, не надо. Дальше. Двадцать пять квинт¹ сахара... А сколько это лот?

— Мама, зачем тебе пересчитывать? Весы показывают только квинты!

— Делай то, что тебе говорят!

Тролля записывает: двадцать пять квинт, а в скобках — восемь лот.

Старая женщина снова смотрит в поваренную книгу:

— А сколько лот будет в двух третях от фунта с четвертью?

Дочь со вздохом высчитывает.

— Двадцать семь лот.

— Нет, здесь что-то не так. Дай, я

¹ Квинта — 5 граммов.

посмотрю... В одном фунте тридцать два лота или сто квинт. Значит, на каждый лот приходится три квинты с небольшим... Погоди... Это я и сама могу легко высчитать... Двадцать восемь лот... Пойдем дальше...

— Не написать ли мне букинисту, чтобы он раздобыл мне поваренную книгу, где все подсчитано в лотах. И уж заодно поищем весы, которые показывают все в лотах?

— Не говори так язвительно! Это тебе не к лицу. Если я знаю, сколько лот, то пересчитать это на квинты ничего не стоит. Такая большая девочка, а глупая. Ну, поторапливайся! Тебе еще надо сходить в город за миндалем, иначе я не успею сегодня приготовить пирог.

* * *

Знаменитая артистка приехала. Не успела она выйти из машины, как старая женщина забормотала про себя:

— Разумная особа! Одета очень тепло...

С этой минуты артистка покорила сердце старухи.

Артистка, которая тоже хорошо разбирается в людях, превозносит сверх всякой меры рубленый бифштекс и съедает целых три куска. А яблочный пирог, как выяснилось, — ее любимое кушанье, и такого вкусного пирога она еще никогда не едала.

Что бы ни подавали к столу — жареную рыбу, зеленый горошек, отварное мясо, фрук-

товый суп, пивной суп или блинчики, — она все принимала с одинаковым восторгом, и каждое блюдо оказывалось любимым.

Старая женщина блаженно улыбается, любуясь красивыми руками артистки, и забывает о еде. Она шепчет дочери:

— Одни эти руки могли бы играть на сцене! Это руки ее матери. А манеры! Как она гордо откидывает голову назад, когда подымается, чтобы закрыть двери... Вот кто умеет держаться!

А когда артистка в первый же вечер растягивает на спинке стула черную шерстяную пряжу и начинает сматывать ее, старуха приходит в восторг. Она подкрадывается к актрисе сзади, протягивает руку и нежно гладит ее по щеке.

— Вот это мне нравится. Если бы все женщины были такими! Дайте, я помогу вам мотать шерсть.

Она надела пряжу на руки, а та, которая так умеет держаться, ее наматывает. Старая женщина рассказывает о былых временах, о странствующих актерах, которые разъезжали в зеленых фургонах.

— Весь город высыпал на улицы, когда фургон появлялся на мосту. Люди высовывались из окон, как будто проезжал сам король. Да, хорошее это было время! Тогда люди еще не румянили щеки и не красили губы... это делали только на сцене... Вот вы же не краситесь, верно?

— Никогда, — спешит подтвердить актриса.

— Я думаю... У вас такая нежная кожа. Это у вас от вашей матери. Вот нос... У вашего отца был очень красивый нос с горбинкой. Откуда же у вас такой нос? Ну, он не так уж плох — он вам даже идет. Не могу только понять, в кого вы пошли... А вот у Тролля... Посмотрите на ее нос. Сразу видно — у нее нет характера. А теперь посмотрите на мой! Всякий скажет, что я за словом в карман не полезу! А теперь пойдем ко мне в спальню. Посмотрите на портрет моей матери. Крючковатый нос, не правда ли? И у ее матери был такой же нос. А вот эта дама с маленькой собачкой на коленях — моя прабабка. Таких маленьких собачек никогда не было. Ну и художник! У прабабки, судя по ее носу, тоже не было никакого характера... Совсем как у Тролля... Она похожа на свою прабабку.

Старая женщина идет обратно, не выпуская пряжи из рук.

— Ну вот, теперь мы с вами шествуем вдвоем... как в древнем предании об Амброзии и Абигель? Помните? Она не должна была его покидать, и тогда они были бы вечно счастливы... Ах, мне так хотелось дать Гарриэт, когда она родилась, имя Абигель. Но ведь дети сами выбирают себе имена, вытаскивают их, как билеты в лотерее... А что было пользы в этом?.. Бедная наша Гарриэт... Вы, наверно, слышали?.. Такое горе... такое горе!

Актриса опрометчиво, не замечая предостерегающих знаков, которые делает ей Троль рукой, говорит:

— Да, очень тяжело потерять ребенка... а тем более таким образом...

Старая женщина на мгновение цепенеет; она переводит взгляд с дочери на ее подругу.

— Таким образом? Что вы хотите этим сказать?

Дочь спешит вмешаться:

— Боже мой, мама, ты ведь знаешь... Так внезапно... от разрыва сердца...

Артистка моментально поняла, в чем дело.

— Разрыв сердца — легкая смерть для тех, кто умирает, но для близких...

Дочь поясняет:

— Когда моя сестра вошла в комнату, она нашла Гарриэт мертвой в постели...

Мать всплескивает руками. Шерсть падает на землю и перепутывается.

— Мертвой в постели!.. В жизни этого не слышала! Ты что, с ума сошла! — И, обращаясь к артистке, она продолжает: — Вот Троль всегда так... Придумала тоже... в постели!.. Нет, Гарриэт сидела на стуле с книгой в руках. Вдруг книга падает на землю и... моей Гарриэт не стало... У Троль столько всяких дел, что она уже ничего не соображает... Гарриэт лежала в постели... подумать только. Я должна выйти, чтобы попить воды... Я наглоталась этой шерстяной пыли, пить хочется.

Она уходит на кухню, но дверь оставляет приоткрытой. Дочь торопливо шепчет артистке:

— Ради бога, ведь мать ни о чем не подозревает.

Старуха возвращается, подымает пряжу с пола, надевает ее на руки и продолжает говорить, ни на минуту не умолкая. Артистка слушает старуху так внимательно, как будто в жизни не слышала ничего более интересного.

— Вы, может быть, и в вист играете?

— О, конечно! Я очень люблю играть в вист!

Тогда старуха спрашивает несколько робко и в то же время испытующе:

— И вдвоем... тоже?..

— Вдвоем больше всего...

— Нет, ты слышишь, Тролль? Слышишь? Мы с вами непременно сыграем вдвоем. Я вас обыграю! Мы будем играть на деньги. По одной шестнадцатой эре. Все, что я выиграю, я истрачу на лотерею. Конечно, выигрыша не хватит, но все-таки кой-какая помощь. Я держу по четверти билета на каждого из моих детей... Бедная Гарриэт... ей уже ни к чему этот выигрыш.

Но билет ее я храню... Никогда нельзя знать... А Тролль...

Боже мой, что с ней будет, когда меня не станет?

Старуха нагибается и шепчет артистке на ухо:

— Вы мне поможете устроить се в богадельню? Не правда ли? Вы это сделаете?.. Ты только молчи, Тролль. Тебя это совсем не касается... Мы имеем право хранить наш секрет от посторонних... От детей одно только горе.

— Вы это говорите не всерьез, правда?

— Нет... не совсем... У меня прекрасные дети... Кроме вот этой гадкой Тролль. Она так невоспитанна. Она курит. Вы, наверно, не курите?

— Никогда!

— Слышишь, Тролль!.. Некогда было заняться ее воспитанием... Больной муж... То одна болезнь, то другая... Сначала легкие, сердце, а потом, в последние годы у него было что-то не в порядке с мочевым пузырем... Знаете вот здесь, внизу.— И старая женщина жестом указывает место, болезненно скривив губы.

— Его оперировал этот профессор Ровсинг, который так ловко распарывает животы. У меня не было ни времени, ни средств поехать вместе с отцом, но когда он написал мне, чтобы я приехала, я, как вы сами понимаете, помчалась туда сломя голову. Детей бросила на произвол судьбы... Правда, они уже были большие в то время... Остановилась я в гостинице для миссионеров. Дешево и чисто. Запомните это, может быть, вам когда-нибудь придется жить в гостинице. Я покупала по утрам маленькую француз-

скую булочку и заказывала себе чашку черного кофе. Что-то ведь надо заказать приличия ради. И знаете, что я делала? Когда хотелось есть, я незаметно отламывала кусочек булочки и совала его в рот. Всем казалось, что я сморкаюсь... Як был так рад, что я приехала... И ему постепенно стало лучше... Но год спустя у него появилась эта... подойдите поближе, я не могу сказать громко... Люкке на кухне!.. Ну, появилась эта ужасная грыжа... Такая гадость! Но что можно было поделать? Грыжу прижигали ляписом... Во что превратились простыни! Я, конечно, ничего не говорила. Муж и так достаточно настрадался... Постоянный бандаж, и еще этот, как его... катаракт... Доктор показал мне, как его вставлять...

— Катаракт? — с удивлением переспрашивает актриса.

Дочь уточняет:

— Мать хочет сказать «катетер».

— Я хочу сказать то, что говорю. Катаракт. О господи, как трудно было, прямо до слез. Все же бог помог мне перенести все это. И представьте себе, через год ему стало еще хуже. Как он мучился! Только операция могла бы помочь, а Ровсинг не хотел ее делать. Он говорил, что отец слишком стар! Стар? Ему еще не было восьмидесяти четырех лет. Есть о чем говорить! Эти врачи ничего не понимают. Ровным счетом — ничего. Но, конечно, не все! Вот главный врач нашей

больницы — он свое дело знает. Он деловой, хороший человек. И он очень мило относится к моей дочери, он ее просто любит. Но меня еще больше! — И тут же с лукавой улыбкой мать шепчет на ухо артистке: — Что в этом удивительного? Но подумайте только. Он как-то сказал, что у меня подагра. У меня! Подагра! Ну и досталось же ему от меня! Подагра! Такую гадость придумать. Больше он уж не заговаривал об этом!

Да, мы говорили о милом Яке. Он так страдал, что не мог больше терпеть боль и сказал: «Я поеду в Копенгаген! Я хочу, чтобы меня оперировали!» Отца ведь не проведешь, он знал, что делал. И он отправился в больницу имени Фредерика. Знаете, та, что на улице Анали, там, где живет король. Больница старая, ветхая, говорили даже, что ее уже собираются снести. Конечно, ни одной отдельной палаты там не было. А мой муж привык лежать один в палате. Никак не иначе. Вы же знаете, мужчины такой избалованный народ. Они вопят, когда у них мизинец заболит... Но Як действительно был болен, видит бог! И он действительно лег в общую палату. Там лежали кузнецы, пекари и тому подобный люд. Правда, был там и советник юстиции и даже священник... Но в основном общество в больнице было для моего мужа не совсем подходящее. А для него все это было так важно! Когда он первые два раза лежал у Ровсинга, мы запла-

тили уйму денег. Пришлось взять деньги с нашей страховки... Но какое это имело значение!

Даже если бы мне пришлось потом пойти в богадельню, я все равно взяла бы эти деньги... И вот является сам профессор Ровсинг: «Что? Вы тут лежите?» И он был вынужден сделать отцу третью операцию... После этого мой муж совсем поправился, он чувствовал себя лучше, чем прежде... И он мог бы прожить до сегодняшнего дня, если бы его организм не был так же изношен, как та старая больница, в которой он лежал... Ясное дело, врачи ничего не понимают. Утверждать, что отец был слишком стар!!! Но послушайте, что мне сказал тогда Ровсинг: «Ваш муж перенес операцию, и за это он должен благодарить только вас! Никогда я еще не видел, чтобы так хорошо ухаживали!» Эти слова дошли до отца. Конечно, он очень гордился мной. Ведь такую похвалу услышишь не каждый день... Недоставало еще, чтобы я не ухаживала за моим старым Яком...

И вот случилось так, что Тролль тоже надо было делать операцию. Но отцу она об этом не сказала ни слова. Вполне понятно. Незачем было его тревожить. Накануне своей операции он вдруг пал духом. Тролль старалась его развлечь как могла, уговаривала не бояться.

— Тебе легко так говорить,— ответил ей

отец.— Если бы тебе делали операцию, ты заговорила бы по-иному!

Тролль помолчала немного, а потом сказала:

— А знаешь, отец, ведь послезавтра меня тоже будут оперировать.

Это известие его точно громом поразило. Он перестал жаловаться, думал только о том, чтобы его дочь перенесла операцию. Бог сжалился над ними, и вскоре они оба поправились... Но послушайте, что было дальше. Когда Тролль после операции вышла из больницы, она отправилась к лучшему кондитеру и попросила его посылать ежедневно отцу в госпиталь к послеобеденному кофе три самых вкусных пирожных. Конечно, кондитер точно выполнил заказ: дочь заплатила ему вперед. И вот однажды... отец чувствовал себя как-то нехорошо, позвонил... к нему заходит сестра, и в руках у нее поднос с кофе и пирожными. Як увидел ее, подозвал ее к себе и... трах!.. Не успела она и слова вымолвить, как отец схватил пирожные и съел их, одно за другим... И подумайте только, ведь этот кофе с пирожными предназначалось для главного врача!!!

СЕМЕЙНОЕ СЕРЕБРО

Дочь должна уехать на несколько дней. Артистка обещает матери заменить ей на это время дочь. Старая женщина, взяв гостью под руку, провожает дочь. Как только машина отъезжает, она говорит:

— Мы с вами прекрасно проведем время! Слава богу, избавились от этой скверной девчонки!

Весь день старая женщина ходит по комнатам, вздыхает, охает, озирается по сторонам, проявляет все признаки глубочайшего отчаяния. Гостья, наконец, замечает это и спрашивает, что случилось. Вместо ответа старуха ведет артистку на кухню, выдвигает

ящик кухонного стола и показывает потускневшее серебро.

— Смотрите! На что это похоже? А что я могу поделаться? Мне с моими слабыми руками и это уже не под силу... А Люкке, белая девочка, едва успевает справляться со своими делами... Особенно когда дом полон гостей... Этот русский анархист... Какой от него прок?.. Ему и в голову не придет наколоть дров или вскопать грядки... Никогда! Настоящий язычник... Не верит в бога...

Наконец артистка начинает понимать, чего хочет старуха, и говорит:

— Вы разрешите мне почистить это серебро? Тут немного.

Старая женщина выиграла игру. Ей даже не пришлось пролить ни единой крокодилозой слезы. К этому она прибегает, как к последнему средству.

— О боже, как вы предупредительны! Я никогда в жизни не осмелилась бы просить вас об этом.

Волей-неволей артистке приходится подвязать ситцевый фартук старухи и поставить перед собой поднос с серебром.

Русский язычник и анархист приходит на кухню, чтобы составить ей компанию. Но старухе это ни к чему! Эти двое станут болтать по-французски, а она будет сидеть, как дура, не понимая ни слова. Нет, от него надо избавиться.

Она находит мотыгу, хватает его за руку

и тащит за собой в сад. Вот тут! Она показывает ему заросли чертополоха. Он кивает головой. Значит, понял.

Старуха, энергично взмахивая обеими руками, старается втолковать ему, что необходимо вырвать весь сорняк с корнем. Итак, за работу!

Артистка чистит серебро так усердно, что любо-дорого смотреть. Старуха наслаждается.

Эти прекрасные руки, видно, и работать умеют.

— Если бы моя дочь была такой! Но у нее из-за этих дрянных книжек никогда ни на что нет времени... Впрочем... они не так плохи... Только... знаете... в них так много всего написано, что приходится пропускать целые страницы... Но ее переводят больше, чем на двадцать языков. А в Англии ее издали даже для слепых. Знаете, такие книги читают кончиками пальцев. Это кое-что да значит. Впрочем, она сама умеет говорить даже с глухонемыми. А вы умеете?..

Недавно здесь была одна дама из Италии, маленькая, смуглая, она рассказала другой даме, которая понимала по-итальянски, а та уже передала мне, что мою дочь хорошо знают по всей Италии, даже в Сицилии. Но вы не говорите об этом Тролль. Она не должна ничего знать... Загордится... Между прочим, это у нее от моей семьи. Мой муж, видите ли, он ведь происходил... из крестьян.

Да, да... из крестьян. Он, конечно, здесь ни при чем, но это так. А у моей матери был двоюродный брат... Очень способный человек, очень... Он должен был стать священником. Но случилось так, что он запил... Звали его Иоханис Эвальд... Одно его стихотворение я до сих пор повторяю про себя, когда гуляю вечером по саду. Были у него, конечно, и другие стихи, но это самое красивое... К счастью, он не был женат... Так вот, этот двоюродный брат матери... впрочем, я его никогда не видела, он умер еще до того, как я родилась... Но мне мать много о нем рассказывала... Он был домашним учителем у одного графа и, говорят, дочь графа чуть было с ним не обручилась. Но тсс... об этом ни слова. Конечно, из этого ничего не вышло... Такая знатная и богатая дама!.. А он кончил так печально... Умер в богадельне... хотя был очень способный!.. Он перевел целую толстую книгу с немецкого языка. И она была напечатана! В настоящей типографии!.. Да, свои способности Тролль унаследовала от него, это ясно. Но, слава богу, она не пьет... Достаточно того, что она курит...

Старая женщина стремительно выбегает из комнаты. Когда у нее радостно на душе, она не ходит, а порхает. Она тут же возвращается с огромным тяжелым подносом, уставленным серебряными вазами, мисками, подсвечниками и чашками. Она еле несет его. Артистка с ужасом смотрит на эту новую

партию серебра. Она никак не предполагала, что серебра так много. Но она не хочет разочаровывать старую женщину и продолжает чистить, как ни в чем не бывало.

— Надеюсь, это уже все?

Старуха презрительно улыбается.

— О нет, что вы, что вы, это только начало.

— Господи, где же вы прячете все это серебро? Его у вас что-то не видно.

— А мы его и не употребляем. Этого еще не хватало! Есть на серебре в нашем бедном домишке! К чему такая роскошь!

И уже шепотом продолжает:

— Скажу вам по секрету. Я теперь всегда уговариваю Тролля покупать серебряные вещи. Раньше я сердилась, когда она привозила из-за границы серебро. А теперь я говорю: «Покупай, пожалуйста, покупай! Вот эти двенадцать больших серебряных тарелок я сама ей подарила. И эти чашки тоже. Пусть попробует только кому-нибудь их отдать... Лучше уж ей покупать серебро, чем сорить деньгами да кормить всех этих попрошаек... Не правда ли, мне, старухе, пришла в голову хорошая мысль?..

Артистка все чистит и чистит. В конце концов она прекращает работу.

— Ну, на сегодня хватит!

Старуха вздыхает.

— Я понимаю, вы устали... Спасибо и за то, что вы сделали. Попытаюсь уговорить это-

го русского, чтобы он сегодня вечером почистил остальное. А вы можете в это время болтать с ним по-французски. Он ведь тоже сидел много лет в тюрьме... как тот... другой.

И, приставив руку ко рту, она шепчет گوشе на ухо:

— Он чуть ли не убийца. Он пытался убить человека. Правда, Тролль говорит, что это политическое дело и что это нельзя считать убийством. И он, правда, вполне приятный человек. Да я и не думаю, чтобы он убил кого-нибудь. Непохоже это на него. Он написал большую книгу о своей тюрьме; она находится где-то на реке Огайо, в Америке. Он пытался оттуда бежать. Можете себе представить, как интересно читать об этом. Тролль перевела эту книгу. Я ее почти всю прочитала. Но в ней есть и много отвратительного — он пишет о вещах, о которых не говорят... А вот место о побеге я читала два раза. Они вырыли ход в земле под самой тюрьмой, но его обнаружили. Бедные! Какое было для них тяжелое разочарование!

КАРОЛИНА

У вас такой же голос, как у вашей матери. Если бы все люди говорили, как вы! Слушать было бы приятно. Не могли бы вы научить Тролля так разговаривать? Она не говорит, а тараторит, точно мчится куда-то сломя голову. И так считается, что датский язык безобразный! Глупости!.. Если я это еще раз услышу, то скажу: «Будьте добры, сходите в театр и послушайте фру Бетти!..» Ваша мать была очаровательна. Прелестнее, чем Иоанна-Луиза. Что правда, то правда! Но Иоанну-Луизу нельзя забыть... Я видела ее как раз после того, как перенесла родильную горячку. Милый Як был так рад, что сохра-

нил меня. Вот он и купил билеты в театр, очень дорогие билеты. Потом она мне снилась по ночам...

Опять здесь эта черная кошка! Не терплю ее. Да к тому же она и не наша. Но Тролль готова приютить всех бродяг, будь то люди или животные, — ей все равно. В прошлом году эта кошка окотилась. Принесла как будто двенадцать сразу. Какой стоял писк! И кормить ее надо! Как бы Люкке не забыла дать ей молока! Прошлой зимой Тролль притащила домой бездомную кошку. Кожа да кости! Да еще с котенком. Как будто их мало было у меня? Кошка — коварное животное. Не хочу держать их в комнатах. Но как только я ложусь в постель, Тролль выпускает в дом кошку с котятами. Я, старый человек, по ночам плохо сплю, брожу по дому. Я ведь могу споткнуться, упасть, сломать себе руки и ноги... К тому же кошки постоянно котятся! Но я слежу за ними; поверьте, как только появляются котята, я их моментально выкидываю. В воду!

Моя дочь обожает животных. Прямо до безумия! Часто ночью я слышу, как кто-то скребется в дверь. Кошка! Она взбирается по наружной лестнице, прыгает на подоконник, оттуда на постель дочери и ложится... ей прямо на шею! Вы слышали что-либо подобное! А дочь лежит себе, ласкает кошку, что-то напевает... Бог знает что! А кошка довольна!.. Какая гадость! Кошка на шее!

А вы слышали, что она устроила в прошлом году с крысой? О! эти крысы! Они могут изгрызть весь дом, до основания. Но боже упаси тронуть крысу — это ведь тоже живое существо, пусть себе бегаёт где хочет. Кошке она все твердила: «Не трогай крысу! Не трогай!» Можно было подумать, что моя дочь рехнулась. Кошка вела себя прилично, крысу не трогала. Во всяком случае, пока Троль была дома...

Но в тот же день, как Троль уехала в Германию, кошка загрызла крысу, потом побежала к соседям и у них загрызла еще одну. Я немедленно приказала Люкке: «Дайте кошке полную тарелку молока! Она его честно заработала...» В сарае на чердаке полно крысиного помета... Вонюща страшная! Надо бы положить крысиного яду. Но — нельзя: Троль не разрешила! Я должна была дать ей честное слово, что не сделаю этого. Боже сохрани! Она не в силах это вынести. Я ей и говорю: «Не хочешь, не надо». А когда она уехала, я послала Люкке в аптеку за самым сильным крысиным ядом, какой только продается. И я испекла для крыс лепешки с ядом... Вы, может быть, тоже думаете, что крысы — это божьи твари? Во всяком случае моя дочь так считает. А что она знает о боге? Она ведь никогда и в церковь-то не ходит. Если бы крысы водились на небе, можете поверить, господь бог живо бы с ними расправился. Отвратительные звери!

Эта страсть к животным у нее от моего мужа. Тот сходил с ума по голубям. Нельзя было съесть ни единого голубя. Он берег их для выставки! Правда, изредка я украдкой от мужа свертывала шею какому-нибудь голубю, да и то приходилось говорить, что его утащила кунница. Но он все равно мне не верил. Мой муж очень любил жареных голубей, но в последний раз он не съел ни кусочка — только тыкал в них вилкой. Мне приходилось покупать их на рынке. Цены такие, что не подступисы! Подумать, целая крона за какого-то жалкого голубка! Кожа да кости!

Теперь мне иногда дарят голубей. Люди жалеют бедную старуху, которая сидит одна, всеми покинутая, в то время как дочь ее разъезжает по свету. И тогда я решаю, что можно съесть сразу и что надо спрятать на следующий день. Мне и Люкке одного голубя вполне хватает на два дня. А Тролль может съесть зараз половину голубя, если ей позволить... Как Ганс любил голубей! Когда он должен был уехать в Африку, я решила хоть разок дать ему досыта поест голубей, как бы дорого они ни стоили, хоть десять или двадцать крон штука! И знаете, сколько он их съел? Целых три!!! Даже косточки обглодал! Уж скоро сорок лет, как он в Африке, и за это время он всего один-единственный раз был дома. И то на совсем короткий срок... Что может быть страшнее тоски!

Для чего, спрашивается, иметь детей, если живешь с ними в разлуке? Слава богу, хоть мальчики живут вместе... Со стороны Аллана было очень мило подарить Гансу свою аптеку. Сам он решил заняться этими присками. В недобрый час! Если бы не эти золотые приски, у каждого из них была бы собственная усадьба... Правда, моему мужу нравились приски. Каждую неделю он получал оттуда письма с photographиями, на которых были сняты машины и все прочее. Потом они написали, что нашли новую жилу. И что она очень богата золотом. А золота там оказалось с гулькин нос.

С тех пор как Ганс уехал — с пятнадцатого августа 1896 года, — он писал домой аккурратно раз в неделю. И вот он как-то заболел дифтеритом. И вы думаете, он из-за этого перестал нам писать? Вовсе нет! Он только дезинфицировал письма, так что ни я, ни отец не заразились. А потом началась бурская война. С этим Крюгером, стариком с бородой, — ну, вы, конечно, слышали?.. Иоганнесбург был осажден целый год. Ни одно письмо не доходило туда, но каждую пятницу мы получали письма от Ганса. Вот это сын!

Вы были в Африке?.. Только в Египте!.. Но и это неплохо... Тролль там тоже была. Она сфотографировалась на верблюде, перед сфинксом. Мне бы самой хотелось побывать в Египте и взобраться на пирамиду...

Бедняги. Им приходилось таскать камни в такую жару!.. Но разве в те времена считались с рабами. Не то, что теперь... Теперь заботятся и о стариках и о безработных. Слава богу! Иначе у нас была бы революция,—так Тролль говорит. Как в России... О! Там дрались насмерть...

Нет, вы, конечно, не можете помнить, как казнили Расмуса Мерке... За убийство двух стариков, которые не сделали ему ничего плохого. Они лежали в своих постелях и преспокойно спали, а он вошел и убил их! Правда, он так и не признался, но ведь следователи доказали, что это был он; окружной судья Кампман — благослови его бог — сопровождал преступника на место казни в надежде, что он в последнюю минуту признается. Но он не признался! Потом Кампман мне сказал: «Это была самая тяжелая минута моей жизни. А что, если он был невинен!»

Иногда ночью, когда я не могу заснуть и прислушиваюсь к каждому шороху, в голову лезут разные мысли: «Вдруг сейчас придет какой-нибудь злодей, чтобы убить Тролля. Я ему скажу: «Разве у вас нет матери? Вы хотите причинить ей такое горе? Стыдитесь». А если это не поможет, я еще скажу ему: «Убейте меня, но не трогайте Тролля! Она ведь и мухи не обидит. Она просто дурочка, но в этом она не виновата». Я дала бы ему бумажку в десять крон, которую всегда дер-

жу наготове рядом с моими конфетами от кашля. И, будьте уверены, после этого он убрался бы восояси так же тихо, как пришел...

А сколько у них там, в Африке, саранчи! У нашего Тао — это старший сын Ганса — большие фруктовые плантации. Да что толку! То пойдет град такой сильный, что убивает даже птиц... Однажды под одним только деревом Тао нашел триста мертвых певчих птиц... То наступает засуха или обрушивается песчаная буря. А потом из Египта прилетает эта саранча — о ней ведь упоминается вместе с египетскими казнями. Сначала в небе появляются маленькие черные точки, точно мелкие угольки, потом они застилают все небо, и кажется, что это настоящее солнечное затмение...

Есть два сорта кузнечиков. Одних зовут крылатыми, они еще не самые вредные. Их рой бывает такой длины, как дорога от нас до Берлина. Во время перелета они часто устают, садятся на землю и кладут яички. Потом снова летят и снова кладут яички.

Миллионы яичек. Из этих яичек выползают гусеницы — их называют «пешеходы», потому что они не летают, а только ползают. Они пожирают растения — все, до последней травинки. А за ними гонятся птицы, куры, свиньи — и в свою очередь пожирают их.

И так наедаются, что валяются замертво. И знаете, что происходит потом? Приходят кафры с огромными мешками и набивают их дополна этими гусеницами, и сами едят эту гадость! Теперь, я слыхала, этих «пешеходов» начали опрыскивать ядом с самолета... Не знаю, помогает ли это... Однажды такой рой спустился на Иоганнесбург. Аллан никак не мог понять, почему вдруг стало так темно, а через секунду уже все кругом кишело саранчой...

Но кузнечики это еще ничто по сравнению с белыми муравьями. Те куда опасней. Вот едешь по полю верхом на лошади. И вдруг лошадь останавливается, точно вкопанная. Ни с места. Она почуяла белых муравьев. Они ползут длинными, предлинными вереницами. И их столько, сколько звезд на небе. И они совсем-совсем маленькие... И вот на их пути водоем. Им надо переправиться на другой берег. Что же они делают? Прокладывают под водой трубу... похожую на ту, что проложена под Гудзоном для подземной дороги. Но эта муравьиная труба — живая, она сложена из них самих. Сплошная цепь белых муравьев, они крепко держатся друг за друга. Труба протягивается под водой до противоположного берега, и все остальные муравьи спокойно проползают через нее. А что стало с теми, которые составили трубу, я, право, не знаю...

Однажды Аллан был на приисках. Он не видел ни одного белого муравья. Лег в постель в своей палатке и заснул. А на следующее утро он проснулся на голом полу. Не было ни постели, ни самой палатки, вообще ничего вокруг. Муравьи все уничтожили. Губку и зубную щетку они смололи в порошок...

Прямо чудо, что они не съели золотые часы, которые ему одолжил Ганс... Вообще, Ганс очень добрый, особенно по отношению к своим старым родителям. Ежегодно он посылал нам по тысяче двести крон,— конечно, пока был в состоянии,— и знаете, для чего? Чтобы мы могли кататься на автомобиле! Он всегда помнил, что отец очень любил кататься в машине. И вы думаете, я когда-нибудь видела эти деньги? Никогда! Вы не знаете моего Яка. В молодости он был, пожалуй, даже расточительный, но потом, к старости, ударился в противоположную крайность. Как только появлялись деньги, он бежал в банк и покупал там бумаги, знаете, те, от которых стригут купоны, и каждый год получал по ним бесплатно деньги. И поверьте ли, когда он умер, едва-едва хватило денег на похороны...

Как-то Як лежал и вертел что-то в руке — одной рукой он мог еще двигать. Тролль догадалась, что это ключ от железного сундука. И когда Тролль поднесла этот ключ к его глазам, он стал улыбаться от радости, что

обеспечил меня — ведь в сундуке были деньги.

Но я считала, что дети должны получить свою долю еще при моей жизни, и постепенно раздала им все деньги... Если бы я имела их теперь! Чего бы я только не натворила! И в Копенгаген бы поехала и пошла бы в королевский театр...

Я хорошо помню все, что я видела за свою жизнь; каждый дом, каждую витрину, каждую вещь, — будь это хоть восемьдесят лет тому назад... Помню я хорошо и Нью-Йорк. Даже ночью нашла бы там дорогу...

Вам Тролль ничего не рассказывала про Каролину? Это наша прежняя прислуга.

Она была лишь прислугой, но как прекрасно она выполняла свои обязанности! До самого конца!.. И как печально окончилась ее жизнь!.. Когда она уже не могла работать у людей, она переехала к своему брату. Он набивал папиросы табаком. Оба они служили в театре гардеробщиками. Они жили дружно и хорошо, хотя и очень бедно. Но вот брат умер. И подумать только, священник оказался наглым и бесстыжим человеком. Он не захотел прийти служить панихиду! Под тем предлогом, что умерший был «недостаточно набожен». Вот так священник! Попадись он мне в руки, я бы ему показала, где раки зимуют. А Каролина была так благочестива и богобоязненна! Для нее это был такой удар! Она не могла пережить то,

что сказал священник. Она ничего не ела, не пила. Самое большое — полбулочки и чашку кофе за весь день. И, конечно, жизнь в ней угасала.

Как-то Тролль получила письмо от ее доктора. С его стороны было очень мило проявить такую заботливость. Он писал, что, если Каролина приедет к нам, она, может быть, поправится. И она приехала. Тролль встретила ее в Свендборге. Она прибыла на пароходе из Аргуса. И вы знаете, что увидела Тролль, когда спустилась за ней в каюту? Каролина лежала на полу. Очевидно, упала с койки. Худая, как спичка. Она не в силах была ни ходить, ни стоять. Бедняжка! Совсем ослабела! Я уложила ее в своей спальне, а сама устроилась рядом, в комнате, где теперь спит этот русский. Я решила, что сама буду ухаживать за ней. Боже мой! Я еще не знала, что на себя беру! Неделю я не смыкала глаз! Она была точно грудной ребенок... в полном смысле этого слова. Тяжело мне пришлось. Не могла же я поручить Люкке, тоже ребенку, ходить и прибирать за ней... Нет, все это лежало на мне.

И вдруг ей захотелось домой. Уговорить ее остаться никак нельзя было. Она стояла на своем. И тогда Тролль вместе с фрекен «сверху» — хорошо еще, что она как раз в тот день приехала к нам, — решила ее сопровождать. Они отвезли бедную женщину на пароходе в Аргус. Там надо было два часа

ждать поезда. А ей становилось все хуже и хуже. Тогда моя дочь наняла автомобиль и бережно усадила Каролину. А та все металась и металась. В конце концов Тролль дала ей снотворный порошок. Каролина закрыла глаза и уже больше их не открывала.. Но умерла она только два дня спустя... Бедная Каролина... Если бы это от меня зависело, я наградила бы ее рыцарским крестом.

Нет, посмотрите только на этот дуб! Он как-то по-дурацки растет! Его посадил мой зять, этот американец. Я велю срубить это дерево, что бы Тролль ни говорила. Он похож на палку от метлы... Ах, Тролль так неразумна, так непрактична.

Паровое отопление тоже одна из ее штук. Я подарила ей изразцовую печку. Она стоила четыреста крон! А год спустя... она отдает эту печку кому-то, потому что теперь у нас будет паровое отопление. Подумаешь, паровое отопление! Чтобы мерзнуть!.. Когда Тролль впервые была в Италии, она страшно мерзла в Венеции. Она должна была купить себе теплые туфли, чтобы разгуливать в них по площади Святого Марка. У вас есть центральное отопление? Дурацкая выдумка! Небось вы так мерзнете, что зуб на зуб не попадает! Вам надо носить теплое белье — это помогает. Я-то никогда не носила шерстяных вещей. Но я — дело другое, я ведь здорова. А вот вам следовало бы носить шерстяные

рубашки и такие штаны, как я, с завязками ниже колен.

Знаете, я хочу вас попросить, когда Троль придет, скажите ей, пожалуйста, несколько теплых слов о ее книге?.. Вам вовсе не нужно ее читать. Скажите что-нибудь... Я так боюсь газетных отзывов. Я бы сожгла все газеты, все, до единой!.. Бедное, бедное дитя...

МАГНИНА

Старая женщина смазала головную щетку тремя каплями прованского масла и не менее пяти минут приглаживает свои волосы. Потом она надевает нарядный чепец, повязывает шелковый передник, садится в кресло у окна и принимается за скатерть с мотыльками, которую она вышивает для Тролля.

Она вышивает положенные полчаса, а мысли скачут от вышивания к саду, к еде, к гостю, которую она ожидает...

Ну и работа! Сплошные стежки, но класть их надо так, чтобы получался узор. Для этого

нужна фантазия! Слава богу, фантазии у нее хватит. Прочно тоже будет, а вот понравится ли это Тролль?

Как приятно будет поговорить с Магниной о Гарриэт и о минувших днях! Они очень любили друг друга, когда были маленькими. Всегда сидели вместе и шушукались о своих таинственных делах. У Гарриэт глаза были вдвое больше, чем у Магнины. Зато у Магнины они были цвета фиалок, а у Гарриэт черные. Удивительные глаза! Собственно, они были не просто черные, а с какими-то золотыми точками, и такие лучистые... Они, как хамелеон, все время меняли цвет... Если она была чем-нибудь огорчена, они становились серыми, как густой туман, и взгляд их делался тяжелым-тяжелым. А когда она радовалась, они были точно два зеркала, в которых отражалось все, все — и облака, и бабочки... А теперь могилка ее заросла травой... Она покоится в мире... Да, все, кто лежит под землей, обрели вечный покой. Ни печали, ни забот...

Украдкой она бросает взгляд на часы. Поезд уже давно должен был прибыть, если только он не опоздал. Магнина, конечно, возьмет в городе машину. Ведь у нее хорошая рента, и, кроме того, она неплохо зарабатывает в школе. Она может не слишком считаться с деньгами... Куда делась Тролль? Наверно, пошла ей навстречу. Тролль ведь такая любо-

пытная! Она всегда все должна узнать раньше других... Магнина получит в подарок шесть вышитых салфеток. У Тролля их и без того много...

* * *

Дочь мчится вверх по дороге. На повороте она останавливается. Отсюда хорошо видно и тех, кто приехал с пароходом, и тех, кто переправился на пароме. Есть, правда, еще и третья дорога, но надо надеяться, Магнина по ней не поедет. Если бы она хоть вовремя написала, указала бы адрес... А теперь надо во что бы то ни стало перехватить ее прежде, чем она...

Тролля смотрит то на паром, то на дорогу. У нее развязывается шнурок на ботинке, и в то время, как она завязывает его, мимо проносится машина.

Она успевает только разглядеть внутри женскую фигуру с большой, дорожной вуалью. Возможно, это она, Магнина! Она делает знаки, но женщина с вуалью сидит на переднем сиденье и не замечает ее. Тролля бежит, спотыкается, едва не падает в овраг. Она должна успеть добежать... Должна... Во что бы то ни стало... пока не случилось непоправимое... Кричит: «Магнина!» Машина въезжает в березовую аллею... На мгновение Тролля останавливается, хватается за сердце... Нет, это невозможно! Раз столько лет удавалось скрывать

это от матери, то почему же теперь не удастся? Нельзя же прибежать домой в таком состоянии и не суметь вымолвить ни слова...

* * *

Старая женщина дремлет. Она не слышит, как подъезжает машина. И просыпается только, когда кто-то стучит в стеклянную дверь веранды. Она тут же приходит в себя. Смотрит сквозь темные очки — других очков она не носит уже двадцать лет, с тех пор как ее глаза «опять поправились»; подходит к двери, поворачивает ключ. Сердито, подозрительно смотрит на стоящую перед ней чужую женщину. Нет, это не Магнина. У Магнины две длинных светлых косы. Потом вдруг узнает ее и радостно восклицает:

— А ведь это и правда ты! Маленькая моя овечка!

Она обнимает гостью. Магнина прижимается щекой к ее щеке и начинает плакать. Старуха тоже не может удержаться от слез. Ведь она не видела Магнину с тех пор, как умерла Гарриэт. Вполне понятно, что она плачет. Но хватит, все в меру. Магнина продолжает плакать. Можно подумать, что случилось какое-то несчастье... В самом деле, пора бы уже перестать. Ведь надо же и поговорить!

Старая женщина подводит гостью к зеркалу и, желая ее ободрить, произносит:

— Посмотри, какая ты стала большая! А я расту вниз... Но это не беда — меньше места займу в гробу...

Не переставая плакать, Магнина снимает пальто, а в это время старуха вся уходит в далекие воспоминания:

— А помнишь, как вы с Гарриэт пришли домой в белых студенческих шапочках? Это было так модно тогда... Отец по этому случаю угостил нас хорошим ужином в гостинице. Помню, был паштет из омаров и цыплята, правда, не очень вкусно приготовленные... Отец так гордился вашими студенческими шапочками, будто сам выдержал экзамен с отличием... Но теперь мне кажется, нехорошо было с твоей стороны, что в тот вечер ты не осталась дома с твоими родителями... Я знаю, что Гарриэт не могла обойтись без тебя, но все же... А Гарриэт — она прямо летела по улицам, чуть ли не сорвала дверь с петель и крикнула еще на ходу: «С отличием!!!» Ах, милая Гарриэт... Очень тяжело, очень...

Гостья плачет навзрыд. Старая женщина раздражена.

Что за истерика! Есть же разница между подругой и матерью!.. Но потом ей приходит в голову, что Магнина вспомнила своего брата. Тогда другое дело... Это был еще совсем молодой человек, подававший большие надежды... И погиб таким ужасным образом... Несчастные родители!..

— Но не будем больше говорить об этом.

Во всяком случае, не сейчас... После... когда придет Тролль. Где она пропадает? Я думаю, она все еще на вокзале. Это на нее похоже... Ну, вытри глаза! И расскажи о себе. Ты все еще в Париже?

Гостья утвердительно кивает головой:

— Я уже пять лет как заведую школой.

— А ты помнишь, Магнина, как Гарриэт вдруг пришло в голову сделать себе платье из занавески. Рождество! А ты тоже хороша! Тут же стала обезьянничать! Как вы выглядели в этих платьях! Народ на улицах оборачивался на вас!.. Платье Гарриэт у меня сохранилось до сих пор. Все сплошь в тюльпанах, с бархатной оборочкой...

Из кухни раздается голос Люкке. Она приглашает их пить кофе с пирожными. Магнина рассказывает, что видела книги Тролль в витринах парижских магазинов.

— Надеюсь, ты в Париже не стала католичкой?

Гостья отрицательно качает головой.

— А помнишь, вы как-то катались по Зунду и лодка перевернулась. Вы прибежали домой, промокшие до нитки. Я сейчас же уложила вас обеих в постель, а ваши платья повесила у печки, чтобы они побыстрее высохли... Слава богу, что вы не утонули... А помнишь, как Маргрета О. давала бал и не пригласила Гарриэт? Гарриэт рассердилась. А я ей говорю: «Ведь ты же, доченька, не танцуешь! Она каждый год звала тебя, а ты всегда отказыва-

лась. Чего же ей было приглашать тебя?» И знаешь, что мне ответила Гарриэт? «Это, — говорит она, — мое дело — танцую я или нет. Но не пригласить меня — это оскорбление!» Гарриэт долго помнила обиду.

— Да, Гарриэт была очень чувствительна.

— Маргрет замужем за пробстом. Теперь небось она молится богу. А ведь раньше и она и Гарриэт считали хорошим тоном говорить, что они неверующие. Надеюсь, ты не такая?

Гостья отвечает:

— На эти вещи мы с Гарриэт смотрели одинаково.

Старуха вздыхает.

— И все же я уверена, что моя Гарриэт попала в рай. Бог услышал молитвы матери. Я молюсь за своих детей каждый вечер. Ведь во всем я виновата... Я должна была лучше смотреть за Гарриэт, когда она была еще дома... Да, спасибо тебе за то чудесное письмо, что ты написала мне и отцу. Мы не могли тебе ответить, потому что ты не прислала нам адреса...

— А я узнала обо всем только год спустя... случайно... Тогда я еще не знала... как...

Наступает тягостное молчание. Старая женщина напряженно думает. Слова Магнины кажутся ей странными и непонятными.

Магнина теребит ручку своей сумки.

— Невыносимо тяжело об этом думать! Гарриэт ведь любила жизнь, ее многое инте-

об одном,— как бы порадовать нас с отцом, да и сестер тоже... Альма тут же телеграфировала Тролль, которая, конечно, была в то время в Вене,— Тролль ведь там живет месяцами. Альма просила, чтобы Тролль тут же выехала домой и подготовила нас к этому известию. Но Тролль была занята по горло и не могла приехать. Она удовольствовалась тем, что прислала нам целую кучу телеграмм. В первой она сообщала, что Гарриэт заболела, потом пришла телеграмма о том, что Гарриэт очень плохо... А через два часа пришла новая телеграмма: нет почти никакой надежды... Отец тотчас же догадался: Гарриэт умерла! А в два часа ночи пришла последняя телеграмма. Мы ее даже и не вскрыли... Конечно, лучше было бы, если бы Тролль нам сразу сообщила, в чем дело. Ведь в конце концов мы это перенесли... сравнительно легко... Только иногда, по ночам... Да, по ночам было немного тяжело. Отец не мог уснуть, все ходил по комнате из угла в угол, а я стояла за дверью и прислушивалась к его шагам, не решаясь войти,— ведь он был уверен, что я спокойно сплю... Только маленького Георга это не коснулось... Он ведь ничего не знал, Магнина...

Люкке приносит кофе. Старая женщина объясняет ей, что Магнина кончила университет во Франции и теперь заведует школой в Париже.

— А ты помнишь, Магнина, как Гарриэт как-то съела семь бифштексов зараз. В тот

день она решала какие-то сложные математические задачи.

Это так изнуряет мозг. Отец всегда говорил: «Следи, чтобы она хорошо питалась». Но съесть семь бифштексов сразу! А ведь она была такая маленькая и худенькая... Ужасно, что никто не догадался сфотографировать ее в гробу. Она лежала такая белая и спокойная. Она утопала в цветах... ее почти не было видно... Правда, цветы можно было бы на время убрать... А какая у нее была прелестная комната. В самом центре Нью-Йорка. Взгляни на эту фотографию. Видишь, это очень редкая мебель, вся из бронзы. На стене больше двадцати полок, сделанных из зеленого камня с таким странным названием... оникс, — ты, наверное, слыхала такое слово? Кровать — наполеоновских времен. Она очень дорожила этой кроватью. Я не думаю, чтобы на ней спал сам Наполеон. Но вот у Альмы был чайник, из которого Наполеон пил каждый день чай. Это так же верно, как то, что я сижу здесь... А ты видишь эти двери? Одна ведет в крошечную кухню, а другая — в ванную, выкрашенную в розовый цвет. А вот эта дверь ведет, кажется... погоди, дай вспомнить. Да, она ведет в маленькую темную комнатку, где висят платья. Четвертая дверь в переднюю, уставленную книжными полками. А оттуда — выход на улицу. Видишь, как все хорошо убрано. Гарриэт любила порядок. Она терпеть не могла кавардак, который Тролль

всегда устраивает. Как-то Тролль ей сказала: «Ты бы отметила мелом те места, куда надо ставить ножки стульев!»

И, представь себе, Гарриэт так и сделала. Она отметила крестом место для стула, но, к сожалению, только для одного, так как остальные стояли на толстом ковре.

А как Гарриэт одевалась, когда шла в оперу! Отец смотрел на нее и не верил своим глазам: «Неужели это моя дочь?» Он так гордился ею, что был готов показывать ее за деньги. Белоснежная меховая накидка, волосы черные, как смоль, а на маленьких ножках золотые туфельки... Трудно было представить себе, что такие ножки могут носить взрослого человека... Очевидно, они и не могли... Оттого-то она и погасла, как свеча...

Старая женщина хмурит брови. Одна мысль сверлит ее мозг. Она бросает на гостью острый, испытующий взгляд.

— Ты, может быть, слыхала, какие симптомы предвещают разрыв сердца? Я об этом ничего не знаю.

Дочь переводит разговор на другую тему:

— Мама, может быть, ты расскажешь Магнине о том, как ты провела время в больнице.

Старая женщина улыбается насмешливо, высокомерно, торжествующе и в то же время не без некоторого злорадства.

— Вообще говоря, у меня со здоровьем все было благополучно. Только немного по-

баливали колени. Сейчас же позвали врача. И то лишь потому, что Тролль хотела его видеть. Она от него без ума. И оказалось, что меня надо отправить в больницу. Такая чепуха! Но я согласилась. Люкке как раз собиралась домой, к родителям. Тролль тоже должна была уехать, и мы смогли спокойно запереть дом. Тролль собиралась на этот раз уехать на юг Франции. На автомобиле. Зимой! Через Альпы! Ужас!!! В больнице было вообще-то неплохо. Мне даже предложили отдельную палату. Нет уж, благодарю покорно! Ведь это стоило бы денег, хотя по сравнению с ценами в клинике Ровсинга это все равно вышло бы почти даром. Там просто-напросто грабят людей... Главный врач не настаивал, он только хотел подыскать приятную пожилую женщину, чтобы поместить меня с ней в одной палате. Пожилую женщину! Больно нужна мне какая-то старая жаба! Я сама старая... Но, конечно, я не сказала ни слова. Я умею держать язык за зубами. Все шло хорошо, ты бы посмотрела, как я ими командовала! Они просто танцевали вокруг меня. «Принесите мне чашку кофе!» — «Больным не полагается кофе после обеда». — «Как это не полагается? Будьте любезны принести мне кофе! Я могу заплатить за него, если вам не стыдно брать деньги!» И мне приносили кофе.

Я должна была лежать в постели. Мне предписали массаж. Массаж! Представляешь!..

И вот начался обход. Главный врач и баронесса, сестры отделения и молодые врачи. Прямо мальчишки! Что они понимают! При виде меня главный врач всплескивает руками, а я повторяю решительно: «Я в палату не пойду, пока там так воняет».

Главный врач обнимает меня, что-то шепчет своим спутникам, и так мы прогуливаемся по коридору, говорим о Тролле, о том, о сем. Все терпеливо ждут нас. «Ну, мы все уладим», — говорит главный врач. «Вот и отлично!» — отвечаю я.

Он уходит. А минут через пять приходят двое санитаров, те, что развозят больных на операцию. Они и меня иногда отвозили вниз, в подвал, когда мне нужно было делать эту дурацкую электризацию или рентген. Ну и снимки, доложу я тебе! Господи боже мой! Ни на что не похоже! То ли дело наш покойный старый фотограф! Правда, говорили, что он не очень большой мастер, но во всяком случае на его снимках хоть можно было узнать людей... Санитары, значит, вошли в палату и унесли эту вонючку. Я сделала вид, что ничего не замечаю. Вскоре снова явился главный врач и поклонился мне так низко, как только мог, — у него что-то с бедром, — а затем сказал: «Удостойте меня чести проводить вас обратно в палату».

Можешь себе представить, каким уважением я стала пользоваться после этой истории. Я могла делать все, что мне вздумается.

И я этим пользовалась. Вставала с постели когда хотела и отправлялась гулять в больничный сад. За мной бежали сестры, подавали мне пальто и муфту, но я отсылала их обратно. Люди не умирают от свежего воздуха. Я ходила повсюду, заглядывала даже туда, где была надпись: «Вход воспрещен». А мне-то что? Ко мне снова подбегали сестры и говорили: «Туда нельзя. Там зараза!» Там у них зараза, здесь — зараза, а я все равно шла куда хотела. Я даже как-то раз зашла в туберкулезное отделение, куда вход был строго-настрого запрещен. Я хорошо знаю эту болезнь. Мой Як всю жизнь прожил с одним легким, а я не заразилась туберкулезом!

В одной из палат лежал молодой студент. У него было что-то с позвоночником, и он лежал на вытяжении. Подумай только, такой молодой! Как мой Ганс, когда он уехал в Африку. Студент лежал один в палате, а на дверях надпись: «Посещение не разрешается». Я, конечно, зашла к нему. А как же иначе?.. Ведь он лежал совсем один. Как он обрадовался, увидев меня. Наверное, я напомнила ему его старую бабушку, если у него была бабушка. С тех пор я подолгу сидела подле него, мы беседовали, и никто нам не мешал. А если сестры замечали, что я захожу к нему, я делала вид, что не прочла надписи и ошиблась дверью. Я навешала его каждый божий день, даже по вечерам. Он очень плохо спал. Я сидела у него и рассказывала

ему всякую всячину о былых временах, о моих детях, о том, кем он будет, когда выздоровеет. Он лежал в гипсовом корсете уже много, много месяцев и должен был лежать еще долго. Он был очень терпеливый... Я его просто полюбила. Да и он, думаю, привязался ко мне, старухе, хотя я и не могла говорить с ним обо всех умных вещах, которые его занимали; он, наверно, давно забыл меня... Но я не обижаюсь на него... только бы он выздоровел... А я убеждена, что он выздоровел. Бог не допустил бы, чтобы он умер, промучившись столько времени. Но не будем больше говорить о больнице. Тебе это не интересно, ведь ты не знаешь никого из тех, кто лежал. Лучше пойдем, Магнина, погуляем по саду и поговорим о нашей маленькой Гарриэт,

* * *

Гостья уехала. Она почему-то очень спешила. Тролль отправилась ее провожать.

Старой женщине кажется, что дом вдруг опустел. Как будто сама Гарриэт покинула его. Странное дело! Ведь мать так радовалась приезду гостьи, а теперь она ему уже совсем не рада. Нет, не рада... Она не может забыть тех загадочных слов, которые произнесла Магнина: «Все, что было до этого...» До того, как Гарриэт умерла...

Болела ли она?.. Страдала ли? Быть может, она очень страдала... Что же было до того?

П И С Ь М О

Старуху охватывает страшное беспокойство. Сон бежит от нее. Она лежит с открытыми глазами, смотрит на звезды и думает о Гарриэт. Звездам-то хорошо там, наверху. У них нет никаких забот...

Она отворачивается от звезд и задерживает занавески. Но сон все не приходит... Часы тикают. Это невыносимо. Она встает, тихонько выходит на веранду, смотрит на тот берег пролива. Там темнеет лес. Эта черная стена леса похожа на ту стену в ее душе, от которой она старается убежать в своих мыслях. Написать Альме? Что толку в этом? Дети ведь все равно не говорят ей правды. Они

шают ее. Но что же такое они хотят скрыть? Болит голова. Не очень сильно, но не переставая. Ее старый мозг не может, видно, выдержать этих печальных мыслей.

Надев войлочные туфли на босу ногу, она выходит в сад. Трава сырая. Можно простудиться. Но это было бы только хорошо. Может быть, тогда и она скоро закроет свои усталые глаза. В могиле — покой... Покой... Там не нужно думать, ломать себе голову... Там нет загадок...

Она идет к берегу. Вода тихо плещется о каменный мол. Разве эти звуки не похожи на далекую колыбельную песню? Песню матери, убаюкивающей своего больного ребенка. Боже мой! И она когда-то сидела у колыбели Гарриэт... Какие у нее были огромные чудесные глаза! Слишком большие для такой крошки. И такие странные, точно о чем-то вопрошающие... и такие печальные... Да, да, Гарриэт пришла в этот мир в тяжелое время... Ее мать пролила тогда много горьких слез, но никто их не видел... Но зато как сияли глаза Гарриэт, когда она была весела. Милая, родная душа!.. Дорогое дитя мое... Почему мне не хотят сказать правду? Правду, одну только правду... У меня было в жизни столько горя... да, много, много горя... но бог дал мне силы перенести его. А теперь сил осталось так мало. Но ведь люди не умирают от головной боли. Даже когда так мучительно ноет затылок... Все мы в конце концов умрем... Мне

бы только хотелось, чтобы все дети были похоронены там же, где я. Все до единого... Лежать с ними рядом было бы так хорошо. Мне ведь там не придется работать... Не надо будет с утра до вечера разносить венки... Беспокоиться о том, как заплатить за квартиру и по всяким другим счетам... Им будет хорошо со мной. Им незачем будет обманывать меня. Почему Магнина сказала: «Все, что было до этого»? Но ведь раньше она ничем не болела. Разрыв сердца поражает внезапно, точно молния... Нет... нет... тут что-то другое. Почему Альма не писала нам так долго ни слова? Она была огорчена... но это не причина, чтобы не писать отцу и матери, а сообщить им через других людей... Нет, тут что-то другое... Почему она всегда отворачивалась от меня или принималась что-то делать, как только я заговаривала о Гарриэт? Что же это такое, о чем я не должна знать?.. Иногда по ночам мне кажется, что Гарриэт зовет: «Мама, мама!» Я просыпаюсь... и ничего... не слышу ничего. И почему первое письмо от мужа Альмы было написано по-английски? Ведь он же знает датский... только для того, чтобы я не прочла, что он пишет... Тролль лгала, когда переводила мне его... Теперь-то я хорошо знаю, что она обманывала меня. Я всегда вижу по ее лицу, когда она врет. Она стояла и выдумывала... Бесполезно говорить об этом с Тролль. Все считают, что она такая откровенная, но это неверно. Она говорит только

то, что считает нужным сказать... И она многое скрывает от матери...

· Может быть, Гарриэт долго болела, лежала и звала меня... Я всегда прикладывала руку к ее лбу, когда у нее сильно болела голова. Это было единственное, что помогало... когда она была ребенком. А я, несчастная, сидела, как на иголках, и думала только о том, как бы поскорее уйти. Ведь у меня всегда было столько работы, столько работы... Плести венки, готовить еду, штопать белье, разговаривать с заказчиками...

Ох, уж эти заказчики. Конца не было их разговорам. Я никогда не могла заняться как следует моей бедной девочкой... Боже, как билась жилка на ее лобике! Но она лежала тихо; она была такая терпеливая! Только слезы текли у нее из глаз. Иногда она вскрикивала, и тогда я думала: «Наверно, у нее воспаление мозга, и мы ее потеряем... Отчего же эти страшные головные боли?» Нет, нет, быть одаренным ребенком... во все не счастье. Гарриэт слишком много думала...

Я вполне могу понять, что они скрывали от меня и отца болезнь Гарриэт... У них были самые добрые намерения!.. Это так, но вот почему?.. Почему они потом не сказали нам всю правду... Может быть, ее оперировали и она умерла на столе... Я должна была потребовать свидетельство о ее смерти. Это мое пра-

во. Ведь я ее мать. Тролль сказала, что его разорвали... Ну и что ж? Можно было попросить доктора написать новое. Сколько бы это ни стоило, я сама могла заплатить...

Старая женщина вдруг почувствовала себя очень усталой. Ноги отказывались служить, подкашивались... Она вот-вот упадет. Что ей делать? Одна в саду, глубокой ночью... Звать на помощь? Будить соседей? Нет, этого она не может! Что они подумают? Ведь они хотят спать... А палка? Где ее палка?.. Ну, конечно, она ее опять забыла. Она висит над кроватью. Боже милостивый! Как она доберется до дому? Не ползти же ей, как ящерице!.. А может быть, богу угодно, чтобы она свалилась здесь и умерла? Тролль никогда не бывает дома... Она ночует в Оденсе, где делала сегодня этот несчастный доклад... А она тут одна, совсем одна... Но... как говорят, нет худа без добра. Она чуть не падает возле помидоров, которые Тролль привязала, чтобы они не легли, к толстым — слишком толстым — палкам, вбитым в землю. Как она ругала дочь за эти палки! Прямо столбы для развешивания белья! Но, конечно, никто и не подумал их убрать! А это был, оказывается, перст божий... Бог знает, что делает... Эти палки стоят рядком и словно говорят старой женщине: «Подойди, подойди к нам поближе, старушка, мы поможем тебе». Она с трудом вытаскивает из мягкой земли две громадные бамбуковые палки. Теперь она спасена. Опи-

раясь на палки, она медленно-медленно идет к дому. Колени у нее подгибаются, на каждом шагу она останавливается, чтобы дать отдых ослабевшим ногам. Но все же она постепенно приближается к дому.

* * *

Зачем ложиться в постель, когда все равно нельзя сомкнуть глаз? И, кроме того, уже совсем светло. Она смотрит на небо, — утренний свет не ослепляет глаза... Господь бог лучше разбирается в красках, чем эти мазилы, которых Тролль превозносит до небес. Разве они могут передать цвет этого неба — зеленоватый, переходящий в розовый?.. Нет, кесарю — кесарево, а богу — богово...

Вот ее отец расписывал алтари. Быть может, он это делал и не так хорошо, как ей казалось в то время, но во всяком случае он трудился во славу господу, а это совсем другое... Вот на этой картине девушка, которая сидит на стуле и дрыгает ногами, разве она нарисована во славу божью? Ведь так не сидят! Она просто невоспитанная девчонка! И Тролль бегаёт, покупает эту дрянь, вместо того чтобы класть деньги в банк для своих братьев и сестер. Как знать? Может быть, они нуждаются, может быть, голодают. Откуда она знает?..

Старая женщина осторожно открывает платяной шкаф, стараясь, чтобы он не за-

скрипел и не разбудил Люкке, которая спит в соседней комнате. Недавно, проветривая вещи, она развесила их на каком-то шнуре, который болтался в саду. А Тролль сказала, что на этом шнуре нельзя вешать платье, потому что этот шнур от радио...

Какой вздор! Этот шнур лучше всякой веревки! А как он там называется — антенна или еще как-нибудь, — это дела не меняет. Я буду вешать одежду, куда найду нужным. Это ведь моя одежда! Я сама ее покупала, и платила за нее деньги, и шила ее. Эта коробочка всегда ревет одинаково, независимо от того, висит ли на шнуре платье, или нет. Как будто мало шума в доме от стукотни на машинке и от этой вертушки, для которой покупаются дорогие пластинки. А сколько иголок тратит Тролль понапрасну! Они ведь стоят дорого: сто штук — крона, как настоящие швейные иголки! Разве швейные иголки выбрасывают после того, как их один раз употребили? Разве выбрасывают?.. Но, когда Тролль уходит к себе наверх, я собираю все старые иголки и кладу их в коробку к новым. Тролль, конечно, ничего не замечает... Бедняжка!.. А ведь весной ей исполнится шестьдесят лет!.. В этот день я приглашу всех ее друзей, угошу их кофе и шоколадом. Я это делаю каждый год. Пусть получит удовольствие, где бы она ни была в это время — в Вене или в другом месте.

Старая женщина хлопает руками, ста-

раясь убить летающую моль. Но ей это не удается, и она тяжело вздыхает...

На колени! Неважно, что колени плохо слушаются. Надо, надо стать на колени.

На дне платяного шкафа стоит железная шкатулка со всеми важными бумагами — свидетельствами о крещении, о прививке оспы, о браке, всякими купчими и страховыми полисами, метриками Тролля и ее расчетными книжками. Наконец-то она сможет их посмотреть... Боже мой! На одной совсем ничего нет, на другой всего шесть крон. Что же будет? Как ужасно думать, что Тролля пойдет в богадельню! Хотя главный врач, конечно, позаботится о том, чтобы ее поместили в тот прекрасный приют для престарелых, в Свендборге. Там у них есть орган... И священник приходит читать проповеди...

В самой глубине шкафа стоит что-то завернутое в полосатый ситцевый передник. Она отодвигает в сторону железную шкатулку и осторожно разворачивает передник. Перед ней тяжелый дубовый ларчик, напоминающий по форме маленький гроб.

С большим трудом она подымается и, спотыкаясь, не выпуская драгоценной ноши из рук, идет в свою комнату. Она садится в кресло у окна, кладет шкатулку на колени и, медленно раскачиваясь из стороны в сторону, как будто убаюкивая ребенка, говорит про себя: «Я возьму тебя с собой, моя овечка. Я никогда не забуду тебя. Я ведь уже сказа-

ла Тролля, что мой гроб должен быть такой большой, чтобы и ты поместилась в нем. Мы с тобой будем лежать вместе... Шепни мне только, моя маленькая Гарриэт, шепни своей матери то, что другие скрывают от нее... Ты ведь понимаешь, что мать должна все знать о своем ребенке...»

Она ставит ноги на скамеечку, чтобы ей было удобнее держать тяжелый ларец. Сквозь нижнюю юбку она чувствует его холод. «Могильный холод», — проносится в голове старухи... А ведь они сожгли ее... сожгли и превратили в пепел. Кто им позволил?

О, как она устала! Гробик тяжелый, такой тяжелый... Она пытается что-то напевать, но глаза сами закрываются, и она засыпает...

Когда Люкке на следующее утро входит в комнату, она застаёт старуху спящей. Но Люкке тактичная девушка. Она тут же уходит в кухню и так долго гремит там конфорками, что мать от шума просыпается. Просыпается и видит, что у нее лежит на коленях. Хочет подняться, но не может. Тяжелый груз давит колени, ноги точно парализованы. Она вынуждена позвать на помощь Люкке, хотя ей этого и не хочется.

* * *

В течение всего дня она не может освободиться от той тревоги, которую вселила в нее Магнина. Она должна сегодня получить

ответ на все свои сомнения. Должна! Под каким-то предлогом она отсылает Люкке в город и, как только девушка исчезает за дверью, закрывает кухонную дверь на замок и поднимается наверх. Тролль не знает — так по крайней мере думает старуха, — что она уже подымается и сходит вниз по лестнице без посторонней помощи. Но дело в том, что Тролль вовсе не хочет, чтобы мать ходила к ней наверх. Мать не должна знать, что покупает ее дочь за границей, от кого она получает письма. Какая чепуха! Тролль ведь уже не молода! В ее возрасте уже не полагается иметь секреты... Этого еще не хватало! Только бы Тролль не заперла шкаф, как она обычно делает... Придется тогда подбирать ключ... К счастью, шкаф не заперт, ключ торчит в замке. Руки старой женщины дрожат от нетерпения. Шкаф сверху донизу набит пакетами с письмами и бумагами. Но надо отдать Тролль справедливость — в шкафу полный порядок. Почти как у отца. Ведь шкаф перешел к ней по наследству от отца. Но у Тролль писем и бумаг гораздо больше, чем было у отца. Он в свое время позаботился сжечь их. А кто сожжет весь этот хлам после Тролль? Чужие люди будут в нем копаться! Нет, ни в коем случае. Когда Тролль теперь уедет за границу, я, с божьей помощью, если только зрение мне позволит, разберу эти бумаги и сожгу все, что следует сжечь. Тролль рассердится?

Что ж! Потом все равно сменит гнев на милость. Я ведь все-таки ее мать!.. И раз она сама не берется за это... так придется мне...

Старая женщина быстро обводит взглядом все эти пакеты с письмами. Она вытаскивает то одно, то другое письмо, с любопытством пробегает его и снова кладет обратно. Она рассматривает почерк. Ей ведь знакомы почти все эти почерка, даже в тех письмах, которые написаны на дурацких иностранных языках, хотя она их и не понимает. Но где же то письмо? Она хорошо помнит, что письмо было с траурной каймой. Она с трудом взбирается на стул, чтобы достать бумаги из верхних ящиков шкафа. Можно подумать, что люди только тем и занимались всю свою жизнь, что писали письма Троллы!.. А вот и письма Чарли! Целая кипа! Видно, тоже любил письма писать... Где он теперь? Из Боливии, которую, кстати сказать, Тролль ненавидела всей душой, он писал ей по двести страниц каждую неделю. Это продолжалось почти целых два года. И все же кончилось тем, что они развелись... Старухе хочется прочитать эти письма, но что-то в ней противится этому... Нет, не надо. Нет, нет, тысячу раз нет... Он был такой красивый. Слишком красивый... Красота и уродство не подходят друг к другу... Но дело, конечно, не только в этом. В чем же еще?.. Они были чересчур разные... То, что один считал черным, другой считал белым. И, кро-

ме того, он не выносил ее книг... Женщина, мол, должна жить для мужа, для дома. Это должно ее вполне удовлетворять. Но писать книги — это у Тролля в крови, как болезнь. Отрежь ей пальцы, она все равно писала бы... Если бы ее книги хоть нравились!.. Но ведь их постоянно ругают... Счастье, что она не тщеславна. Иначе ей было бы еще тяжелее... Вот перестала бы писать книги!.. Видно, придется мне попросить ее издателя, чтобы он больше не печатал этих книг. Может быть, он даст ей какую-нибудь переводную работу... Это мысли! И я могла бы помочь ей! Хотя стучать на машинке я все равно никогда не научусь!..

Конечно, она сожгла то письмо. Сначала они сожгли тело Гарриэт, а потом и письмо... Все они сжигают... все...

Вдруг в печальных глазах старой женщины что-то вспыхивает.

— Господи, да ведь это денежная шкатулка моего Яка! Значит, Тролля ее спрятали! Очень мило с ее стороны. А я думала, что она выбросила ее на помойку... или подарила кому-нибудь...

Старуха открывает шкатулку. В ней три отделения. У двух крышка обыкновенная, а у третьего выдвижная. Первые два набиты бумажными ассигнациями. Она жадно хватает их: «Какая куча денег!» Но потом вздыхает:

— Ах, ведь все это хлам, не имеющий никакой ценности. Деньги тех лет, когда на

миллион можно было купить меньше, чем теперь на два эре...

Она выдвигает крышку третьего отделения. Там лежит письмо с траурной каймой. Она хватает письмо и прижимает его к себе. Под этим письмом лежит другое, но она не замечает его. Сердце так стучит, что кажется, вот-вот разорвется. «О господи боже! Помоги мне выдержать это! Не дай мне умереть!..»

Письмо по-английски... Да, да... это то письмо... самое первое... Она сует его в карман юбки, задвигает крышку, кладет шкапулку на место, закрывает шкаф и ощупью спускается вниз, как раз вовремя, чтобы успеть открыть кухонные двери еще до возвращения Люкке.

К счастью, Люкке приходит с целым ворохом новостей: она рассказывает о внезапной смерти одного старика, о каком-то уличном происшествии, о чьей-то помолвке. Есть о чем поболтать во время чаепития. Мысли старухи отвлекаются от письма, которое лежит у нее в кармане. Утром она только кое-как привела себя в порядок, чтобы поскорее пойти наверх. Теперь нужно завершить свой туалет. А на это требуется время. Старая женщина страшно боится «походить на некоторых других» (она никогда не называет имен, хотя эти «некоторые другие» давно умерли и Люкке о них просто понятия не имеет). А «некоторые другие» — это те, что на старости лет опустились. Несчастные, жал-

кие люди, впавшие в детство. А потом злые языки болтают о них бог знает что...

— Причешите меня получше! Да не забудьте нанизать вату на частый гребень, а то на нем останется много перхоти. Противно! Расчешите мне хорошенько волосы! И знаете что, Люкке! Смочите ватку французской водкой и протрите мне как следует голову. Это освежает. Как вы думаете, у меня еще вырастут волосы? Ах, видели бы вы мои волосы в молодости. Они были такие длинные, что я могла сидеть на них. Я с трудом выдерживала их тяжесть. Люди считали меня гордой, потому что я всегда ходила, откинув голову назад, но это было не от гордости, а из-за волос. А теперь, смотрите, остались одни клочья. Тролль говорит, чтобы я совсем остригла волосы. Какое безумие! Остричься! Словно я молоденькая! Стать похожей на мальчишку! Никогда я этого не сделаю. Тролль остригла волосы совсем не для того, чтобы походить на мальчишка. Просто у нее на голове были лишай. Бог мой! На кого она была похожа! Подумать только, лишай величиной с мой кулак. Врач велел их смазывать карболовой кислотой. Просто ужас! Взять серную спичку, надеть на нее кусочек ваты и обмакнуть в карболовую кислоту. Кислота эта ядовитая и продается в маленьких флаконах с черепом на этикетке. Надо быстро провести спичкой по лишаю, а потом протереть его куском ваты, смоченной

в спирту. Иначе кислота может прожечь кожу на голове... Девочка была в полном отчаянии. Но такую болезнь можно схватить не по своей вине, совершенно случайно. Например, в вагоне, если прислониться головой к стенке... Конечно, с такими редкими волосами, как у вас, этого нечего бояться. Но у Тролля были чудесные волосы. Только этим она и могла похвалиться. Впрочем, она их уже раньше испортила, еще когда плавала в реке без купальной шапочки. Ее волосы никогда не просыхали, так прямо и прели. Я не раз говорила мужу: «Милый Як, зачем ты позволяешь Тролля так много плавать? Это не дело для девочки». Ну, а теперь все они много плавают, и мальчики и девочки... Я как-то раз тоже рискнула пойти на пляж в Кристиансминде. Правда, тогда я еще не была так стара, мне только-только исполнилось семьдесят четыре года. Тролля и Альма — она как раз гостила у нас — страшно боялись, чтобы меня в воде не схватила судорога. Судорога! Это меня-то? У меня в жизни не было ни судороги, ни обморока. Вообще это бывает только в романах. Там все падают в обморок из-за малейшего пустяка... Ведь это же так изысканно. Так вот, в тот раз... Заплетите мне волосы! Да потуже. Совсем туго! Я их сама заколю, чтобы они не падали мне на уши.

Старая женщина сама перевязывает свою тоненькую косичку и крепко закалывает ее

одной-единственной шпилькой. Затем она втыкает в волосы с двух сторон по маленькой гребенке и надевает чепец. Потом еще раз моет руки и глядится в зеркало. Туалет окончен. Теперь она готова принять на себя все те заботы, которые обычно приносит день.

Обращаясь к Люкке, она говорит:

— Тролль останется обедать в Оденсе. А для нас двоих вы сами все приготовите. Разогрейте фрикадельки и сделайте пюре из вчерашнего картофеля. И еще сварите сладкий суп. Сироп и варенье я положу в него сама... Не забудьте, что ячневую крупу не надо обдавать кипятком.

Люкке убирает гостиную, а старая женщина сидит в это время в спальне у открытого окна и читает псалом. Потом она начинает писать письмо своим мальчикам в Африку, но когда Люкке говорит, что гостиная убрана, откладывает перо и торопливо переходит туда.

Письмо с траурной каймой лежит у нее в кармане и жжет ее. Все время, не переставая, она думала о нем, даже когда шутила с Люкке. Теперь она вытаскивает его из кармана, вертит в руках, старается разобраться в этих непонятных для нее строках. Но тщетно! Только одно ей ясно: имя Гарриэт то и дело повторяется в письме. Она догадывается, что в этом письме кроется разгадка той тайны, которая не дает ей покоя со времени приезда Магнины. Что за старая дура! Ни-

когда ничему не училась! Письмо давит ее. Наверно, так чувствуешь себя, когда пробуждаешься в гробу, а над тобой тяжелая крышка. И никто не слышит, как кричишь: «Я не умерла!»

Неужели господь бог не может сотворить маленькое чудо и сделать так, чтобы она поняла этот дурацкий язык? Что ей делать? Конечно, она знает немало людей, которые умеют читать по-английски, но разве она может обращаться за помощью к чужим людям в деле, которое касается только ее и дочери?

Мысли одна другой печальней, проносятся в ее голове. Они, точно подбитые птицы, не могут улететь. Отвязаться от них она уже не в силах... Никогда... «Боже милостивый, помоги, помоги несчастной старухе... Поддай мне какой-нибудь знак. Ты ведь все видишь, все знаешь... Раньше, когда я была молодой, я сама могла заботиться о себе. А теперь? Горе, горе...»

Она подымается, складывает письмо, снова прячет его в карман и идет к полкам, стоящим у стены между окнами. Она знает каждую книгу. Знает хорошо и те, которые можно перечитывать несколько раз подряд, и те, которые следовало бы бросить в печь. А сколько еще на полках этих научных книг, которые отец покупал отдельными выпусками, а потом отдавал переплетать в дорогие переплеты. Начнешь читать — ум за разум заходит! Кому нужна такая дребедень! Кто

станет читать целую книгу об электричестве, когда стоит только нажать кнопку — и зажигается лампочка. Или вот эту книгу по политической экономии? Даже слово такое, что не выговоришь — язык сломаешь... А вот стоит старый толковый словарь и рядом с ним новый, но ни один из них в данном случае не годится. Она останавливается на миг перед «Новеллами» Блихера. Он был всю жизнь нищим, но писать он умел... Его «Дневник Дегнены» она перечитывала больше двадцати раз... А комедии Хольберга! Это очень смешные комедии, но не всегда приличные. Хольберг не получил изысканного образования. Все-таки странно, что королевский театр ставит такие пьесы... Но Улаф Подлсен был просто превосходен в «Йеппе с горы»! А жена его Нилле оказалась такой противной! И как не стыдно барону надувать жалкого крестьянина-пьяницу! Следовало бы выпороть его в ратуше, этого барона.

Она роется в книгах, но не находит того, что ей нужно. Видно, опять придется взбираться наверх по этой крутой лестнице. Ноги болят. Только бы не упасть и не сломать себе шею, как эта старая йомфру Лиссен, которая лежала в больнице. А потом еще о ней судачили: у нее, мол, чулки рваные и грязное белье! Боже мой! Ведь бедняжка не рассчитывала, что умрет так внезапно, иначе она, наверно, одела бы пару целых чулок и чистую сорочку...

Поднявшись до середины лестницы, старая женщина останавливается. Она снимает ботинки, чтобы Люкке не слышала, как она подымается наверх. Обычно она роется наверху, только когда никого нет дома. И еще, конечно, когда Троль уезжает. Необходимо ведь убрать за дочкой, привести все в порядок... Через чердак она проходит в кабинет. Крадется на цыпочках.

Там вдоль всех стен стоят книжные полки. Над постелью и шкафом — тоже книги. Всюду. Бедная Троль! У нее нет даже спальни, и все из-за этих вечных гостей... Здесь должно быть то, что ей нужно. Все датские книги она знает наперечет. На многих из них она сама написала карандашом: «Гадость!», на других — «Хорошая книга!» Пусть Троль прочтет. Но среди датских книг нет того, что она ищет. А к иностранным она и не притрагивается, разве только во время генеральной уборки. Слава богу, это бывает лишь раз в год. Сколько здесь пыли! И все от курения, от этого ужасного курения! Троль дымит, как печная труба. Но что поделаешь, если ей это доставляет удовольствие. Было бы еще хуже, если бы она пила...

Куда девалась эта книга? Только бы Троль не подарила ее кому-нибудь...

Старая женщина ясно представляет себе, как выглядит словарь. Коричневый корешок с золотыми буквами... С тех пор как Троль выросла, она ни разу не обернула ни одной.

книги в бумагу. А вот ее отец любил порядок... Переплет у словаря под мрамор и напоминает переплет «Жизни животных», которую она часто перечитывает, когда у нее нет другой книги. Куда же мог деться этот словарь? Кажется, он в двух томах — датско-английский и англо-датский. Конечно, два тома. Она снимает с полки какую-то книгу с коричневым корешком и золотыми буквами. Тоже на иностранном языке, но это не то, что ей нужно. Все же она перелистывает книгу. О, да это же латынь! Значит, это вообще не книга Тролля. Вот ворона! Взяла ее у Ганса и присвоила. Без разрешения. Тролле хватает все, что ей попадает под руку. Нужно будет отослать книгу обратно в Африку. Детям Тао она, может быть, понадобится, когда они вырастут и пойдут в высшую школу. А есть ли там вообще высшая школа? Или Тао должен будет послать детей в Оксфорд?.. О боже, да ведь это старая библия прадедушки!

Она внимательно рассматривает обложку. Да, да, здесь все записано: когда кто родился, когда женился, когда был похоронен. Здесь можно прочесть всю историю их семьи с 1743 года, когда дед переселился сюда из Баварии и вскоре женился на Нильсине Эбинз, урожденной Винфельд... Он был ротмистром... А что, собственно, понадобилось баварскому ротмистру в этой стране? Может быть, это и было глупо с его стороны. Ведь

в то время в Германии не было никакой революции. Вот французские эмигранты — совсем другое дело... Благородные люди, из аристократических семей. Если бы они не удрали, им отрубили бы головы. И что толку в этой революции? Разве во Франции нет теперь бедняков?

Она ставит библию на место, медленно идет вдоль полок и снимает все книги с коричневыми корешками и золотыми буквами... Быстро хватает два тома, у которых коричневые корешки, но золотые буквы вытиснены на красной полоске. Да, это они! Как же она забыла о красной полоске! Она берет оба тома под мышку, ботинки кладет в передник и прикрепляет его булавкой к талин. Одна рука должна оставаться свободной, чтобы она могла держаться за перила.

Внизу она приоткрывает дверь на кухню и кричит:

— Пусть никто ко мне не заходит. Я пишу письма детям!

Наконец-то! Наконец! Но только она принимается за работу, чтобы получить ответ на все, что ее мучает, как сердце начинает неистово биться. Оно куда-то спешит, прыгает, растет...

Слава богу, что у нее еще хватает сил позвонить. Прибегает Люкке.

— Камфарные капли! Сахар!..

Люкке капает камфару на кусок сахара и всовывает его старухе в рот. Та сидит в

кресле, откинув назад голову. Книги валяются на полу рядом с ней.

Камфара быстро оказывает действие. Старая женщина глубоко вздыхает, и сердечный припадок проходит.

Теперь ей надо спокойно посидеть и собраться с мыслями. Дать сердцу отдохнуть. Глупое, глупое сердце!

Люкке приносит чашку крепкого кофе и ванильное печенье.

— Ну уж это ни к чему!

Но она тут же с удовольствием выпивает кофе и съедает печенье.

Затем она медленно идет в спальню, чтобы вымыть руки. Она роется в жестяной коробке с конфетами, вытаскивает полкарамельки и кладет в рот. Теперь она чувствует себя как будто лучше. Что бы ни было сказано в письме, она примет это спокойно... совершенно спокойно...

И вот она снова сидит над письмом. Рядом лежит англо-датский словарь. В первый раз за всю свою долгую жизнь она отыскивает слова в словаре. Правда, когда-то она училась немного немецкому у фрекен Эвальдсен. Но тогда у нее не было словаря, а все незнакомые слова стояли в конце книги. Кроме того, это было за два года до конфирмации... И с тех пор она все это успела забыть.

Письмо начинается обращением к Тролле. Перед ее именем стоит какое-то слово, которое, по-видимому, означает «дорогая».

Пойдем дальше. Следующее слово состоит только из одной большой буквы: «I». Как странно! Она открывает словарь на этой букве и узнает, что слово означает «я». Потом — чисто датское слово «have». Значит, получается «я имею»... Затем слово «beep»... Похоже на датское слово. Но она не может найти его в словаре. Ее внимание привлекает другое слово, которое стоит в фразе, где упомянуто имя Гарриэт: «terribly». Мать ищет в словаре и довольно быстро находит: «ужасно, страшно». К чему относятся эти «страшно, ужасно»? Вот это слово впереди стоит, может быть оно объяснит, что «страшно». «Suffered». Она снова ищет в словаре. Есть только что-то похожее: «suffer»... страдать...

Слова прыгают перед ее глазами. Страдать... ужасно, страшно... страдать...

Она больше не в силах разбирать письмо... Бумага намокла от слез... Ужасно... страдать. Конечно, это говорится о Гарриэт... Значит, она и вправду была больна... так больна, что страдала... ужасно страдала. А все они лгут. О, как они лгут. Все. Обманывают свою старую доверчивую мать...

Она берется за старый медицинский справочник доктора Торнанса, который стоит всех врачей вместе взятых. Может, она найдет здесь болезнь Гарриэт? Но она ведь не имеет понятия, чем болела Гарриэт. Ни малейшего понятия... Она открывает страницу на слове

«рак» и читает до тех пор, пока строчки не сливаются в одно мутное пятно... А может, это был тиф. При тифе всегда бывают головные боли. Как будто эта болезнь больше подходит... Воспаление спинного мозга... То же что-то вроде тифа... Эбба и ее родители умерли от этой болезни после того, как напились в лесу из родника... А ведь там, где живет Альма, много всяких источников в лесу... И они всегда собирали колокольчики... Может быть, Гарриэт захотелось пить, и ей в голову не пришло, что вода отравлена...

«Мама! Мама!» Ей снова явственно слышится голос Гарриэт. И он звучит так жалобно: «Мама! Мама!» Нет, тут ничем не поможешь...

* * *

Ее руки беспомощно лежат на коленях. Раскрытый медицинский справочник валяется на подоконнике. Письмо она спрятала в коробку с лотерейными билетами. Люкке честная девочка, она никогда не роется в вещах. От нее ничего не приходится запереть, ни пирогов, ничего... А что за беда, если бы она когда-нибудь и взяла кусочек пирога?..

Мать должна знать правду! Должна! Чего бы это ни стоило! Она не может больше этого выдерживать. Незнание сведет ее в могилу.

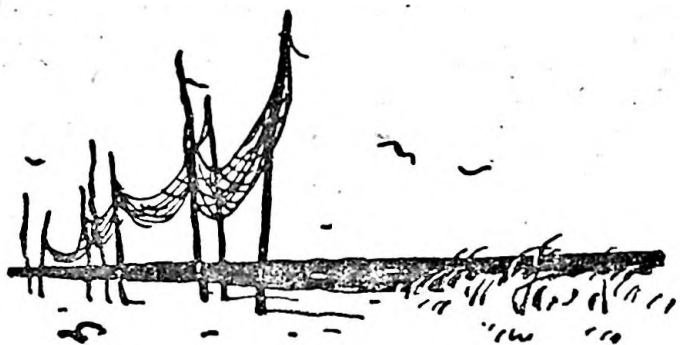
Спросить у Тролля? Потребовать, чтобы она сказала правду? Но она все равно при-

думает новую ложь. Здесь они все заодно! Ни Ганс, ни Аллан даже не упоминают имени Гарриэт в своих письмах... Конечно, у них добрые намерения... Добрые?.. Да, добрые, но иногда такие намерения убивают. Нет, нет. С Тролль об этом говорить не следует.

Мать знает, как доискаться истины, не вызывая ни в ком подозрения. Она кладет перед собой письмо, обмакивает перо в чернила и зачеркивает на первой странице имя Гарриэт всюду, где оно встречается, потом ждет, пока чернила просохнут. Промокательной бумагой лучше не пользоваться, после нее можно разобрать зачеркнутое слово. Да, придется подождать, пока чернила просохнут, и только тогда перевернуть страницу. Всего в письме восемь страниц.

В городе начинают звонить к обедне, когда она зачеркивает в последний раз имя Гарриэт. И не только это имя, но также обращение «Тролль» и подпись. Теперь она готова ждать подходящего момента. Надо вооружиться терпением. И прежде всего пусть Тролль уедет за границу. Иначе ничего не выйдет. Если Тролль будет дома, она испортит все дело... Ждать... ждать... Как она ждала перед помолвкой субботними вечерами, когда Як обещал ей прийти. В темноте она шла ему навстречу по большой дороге; было так страшно... так страшно. А он не приходил... И только на следующий день она получала от него записку, что «к сожалению,

он не мог прийти...» «Не мог»... Не мог потому, что его двоюродный брат Петер брал его с собой на охоту. Или потому, что Як был приглашен куда-нибудь в гости. Или потому, что возился со своим аквариумом... Это было так давно.. Мимо... мимо. Фру Н. уж во всяком случае придет в день рождения Тролля, если не раньше. Придет непременно. Посылать приглашения фру Н. она не станет. Даже когда Тролля уедет... Это должно произойти само собой... Как бы случайно... А пока ждать... ждать.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Дочь должна уехать. Все остальное меркнет перед этим фактом. Старая женщина в самом мрачном настроении.

— Я больше никогда ее не увижу. С ней случится несчастье. Она ведь такая безрассудная!

«Безрассудная» старается утешить мать:

— Боже мой, мама! Со мной еще никогда ничего не случалось. Почему же именно в этот раз должно что-то произойти?

И она сообщает матери последние новости острова, которые по уговору с Люкке приурочены специально к этому дню:

— Знаешь, мама, у вдовы опять украли уток. Целых четыре! А в прошлом году у нее

сташили и уток и кроликов. Что дальше будет?!

А Люкке подхватывает:

— А вы слышали, у Нильсенов, что живут в Дитмаре, украли уголь? Несмотря на то, что сарай был закрыт на большой висячий замок... Сейчас там полиция!

Дочь пускает в ход последний козырь — подмигивая Люкке, она выпаливает:

— Говорят, что Флорис Мадсен чуть не задушил свою жену. Как ты думаешь, это правда? Они как будто посылали за доктором, и теперь она лежит в больнице!

У Люкке тоже свой запас сногшибательных новостей, и вскоре старая женщина до того сбита с толку, что у нее голова идет кругом от всех этих несчастий и она начинает путать имена и людей.

И все же это отвлекает мать ненадолго. Вскоре она снова причитает:

— Нет, я никогда больше не увижу Тролля.

Она шепчет Люкке:

— Если они похоронят ее в чужой земле, то мы с тобой вдвоем, Люкке, поедем за ней. И я своими собственными жалкими руками вырою ее из могилы... Я это сделаю, вот увидишь! Ведь это же мое дитя!

Она подходит к платяному шкафу, достает шкатулку с пеплом Гарриэт и ласково гладит ее.

Уложила ли Тролля все свои платья? Она

ведь такая рассеянная... Вшила ли она внутренний карман в дорожную юбку? Ведь могут выкрасть и деньги и паспорт. Что тогда?

— И смотри, Тролль, держи язык за зубами. Долго ли до беды! И не занимайся этой ужасной политикой. Женщины ведь ничего в ней не понимают. Политика — дело мужское. Если они захотят воевать, то все равно будут воевать. Не спросят у нас разрешения.

Как только дочь подходит к матери, начинается внимательный осмотр. То она поднимает юбку дочери, чтобы удостовериться, теплые ли на ней чулки... Конечно, оказывается, что нет! Тролль предпочитает простудиться, лишь бы быть нарядной. А ведь уже старуха!.. То она осматривает ее уши и шею.

— Помни, Тролль, никогда не мой лицо мылом! Это портит кожу... Я поручила Люкке купить для тебя на мои деньги новый частый гребешок. Так не забудь, пожалуйста, расчесывать им волосы каждое утро и каждый вечер... За границей так много насекомых! Фу! И не забудь, Тролль, что ты дала мне слово не садиться в ванну, если поблизости никого не будет... От горячей воды у тебя может случиться судорога или даже удар... В газетах часто пишут о таких случаях. Постой, Тролль, я тебе должна еще что-то сказать. Может быть, ты в последний раз получаешь наставления от своей старой матери. Когда автомобиль въезжает в гараж, никогда не открывая дверцы. Может произойти несчастье.

— А холодный душ мне принимать разрешается? — спрашивает дочь с улыбкой.

— Холодный душ! Зимой! Ты совсем с ума сошла. Может быть, ты еще будешь купаться в проруби, как купались сумасшедшие викинги!.. Не удивительно, что у тебя ишиас и прострел и ты корчишься от боли... Не удирай от меня... А ты знаешь, что в Австрии очень много бешеных собак? Я сама собственными глазами читала об этом в газетах. Там всегда было много бешеных собак. Если тебя укусит собака, ты взбесишься, станешь бояться воды, будешь сама, как зверь! Начнешь всех кусать. И как бы тебя ни мучила жажда, ты не сумеешь проглотить ни капли воды... О господи боже мой! Несчастное мое дитя! В твое отсутствие у меня не будет ни минуты покоя...

Дочь обещает матери не подходить близко к бешеным собакам.

— Все равно ты забудешь! Ты всегда все забываешь!..

Люкке приготовила к обеду любимые блюда Тролля. Слезы старушки капают прямо в тарелку. Она только глубоко вздыхает.

Машина ждет у дверей.

— Ты будешь получать по два письма в неделю. Хорошо, мама?

— Да ты все равно никогда не пишешь. Никогда! Стоит тебе уехать, как ты забываешь о своей старой матери. А я умру... умру в полном одиночестве... Около меня ни души. А кто будет писать детям, когда меня не ста-

нет? Кто скажет доктору, чтобы он вскрыл меня? Может еще случиться, что меня похоронят заживо, в летаргическом сне, и я проснусь и буду задыхаться... задыхаться...

Дочь с трудом удерживается, чтобы не прочитать вместе с матерью. Но она должна крепиться. Она чувствует себя палачом матери. Может быть, ей не следует уезжать. Но теперь уже поздно...

Машина трогается... Пока она не скрывается из виду, мать и Люкке машут вслед. Затем мать тяжело опирается на руку Люкке и стонет:

— Кажется, я упаду сейчас в обморок. Если я умру, немедленно позвони в Ньюборг, чтобы Тролль не уезжала. Успеет поехать, когда меня похоронят.

Медленно, едва передвигая ноги, старуха входит в дом. В гостиной она останавливается перед зеркалом. Рассматривает свои бедные заплаканные глаза. Потом идет в спальню и моет лицо холодной водой. Тяжело переводит дыхание, стучит палкой об пол и зовет:

— Люкке! Люкке!

Люкке прибегает.

— Теперь за дело! Надо все убрать и проветрить!

Час спустя в доме воцаряется хаос. Шкафы распахнуты настежь, ящики выдвинуты. Постельные принадлежности стаскиваются вниз по лестнице в сад.

Глупая Люкке пытается возразить: теперь,

мол, зима. Какая разница, зима или лето, был бы свежий воздух! Поторапливайтесь!

Они вытаскивают из сундуков меховые вещи. Как бы моль не завелась! Тролль, правда, повторяла десятки раз, что в вещах, посыпанных нафталином, моль не заводится, но разве можно ей верить!

Старуха ни на что не обращает внимания и размахивает руками.

— Пуховые одеяла я и сама сумею выбить. А вы отнесите пока матрацы и разложите их на скамейке...

Люкке снова напоминает:

— Солнце зайдет через час. Матрацы могут отсыреть.

— Чепуха! Им только и нужно часок полежать на солнце! Каждый луч солнца полезен. Ведь в солнечном тепле много витаминов. Но вы все равно в этом ничего не понимаете. Спросите у врачей! И поторапливайтесь! Теперь я команду. Как та «Королева без штанов», ну, ты знаешь, я имею в виду королеву Маргариту, которая правила сразу Данией, Норвегией и Швецией. Впрочем, не думаю, что она ходила без штанов. Это просто наглая клевета, которую придумал про нее этот бездельник, шведский король. Ей бы это никогда и в голову не пришло. Такая разумная женщина!.. Да, да, она была очень умна... Смотрите, Люкке, смотрите. Вон идет английский пароход! Побежим! Мы будем на берегу еще до того, как он подойдет. Это так красиво!

Обе спешат к берегу. Пароход с шумом проходит мимо них, и на это мгновение старуха забывает все горести.

Она долго смотрит вслед удаляющемуся пароходу, любитесь закатом.

— Знаете, Люкке, — говорит она медленно, — сегодня ночью было так странно. Я почувствовала себя плохо, очень плохо, думала, что пришел конец. Я прижалась головой к подушке, сложила руки и начала молиться за всех своих детей. Потом улеглась поудобнее и подумала: «Слава богу, я умираю!» Но тут мне стало как будто лучше, потом еще лучше и, наконец, совсем, совсем хорошо. Я поблагодарила бога, что он сохранил мне жизнь. А я, правда, очень хочу дожидаться приезда Тролля. Хотя бы на четверть часика повидать ее! Мне надо с ней о многом поговорить, многое ей напомнить... Она ведь такая неразумная.

Они медленно возвращаются домой. Люкке указывает на один из огромных столбов для сушки белья, покосившийся от ветра. Они вместе стараются выпрямить его, но тщетно!

— Дорогие, милые столбы! Стойте там, где стоите! И продолжайте стоять, пока я жива. Что творилось, когда я велела их поставить! Тролля не хотела никаких столбов ни среди роз, ни около желтых ирисов, ни даже на газоне. По ней, суши белье хоть на траве! А если поднимется ветер? Что тогда? К счастью, я не спрашивала Тролля, где поставить столбы. Ведь я заплатила за них собственные деньги,

из тех, что лежат для похорон у меня в банке. Тролль должна мне быть вечно благодарна. Это ведь дубовые столбы, самые дорогие, самые лучшие, какие только можно купить за деньги. И вот приехал в гости муж Тролль. Этот американец Чарли. Ему столбы пришлось не по вкусу. Он их просто видеть не мог. Как пройдет мимо них, так обязательно начнет ругаться. А я делала вид, будто ничего не слышу,— это было самое разумное,— будто не понимаю ни слова из того, что он говорит. И Тролль как-то заявляет мне: «Мать, не смогла бы ты убрать эти столбы, раз они так раздражают Чарли? Кроме того, они и в самом деле портят сад!» — «Пусть себе портят,— отвечаю я.— Но... они останутся там, где стоят». Однажды в воскресенье приходит к нам Герда,— ну, знаете, с таможенщи,— и мы вместе с ней прогуливаемся по саду. А там как раз ходит мой зять. Как всегда, с трубкой во рту. «Столбы надо бы убрать, мама!..» Он умел немного говорить по-датски — правда, очень плохо,— потому что родители его были родом из Норвегии. Я ничего не отвечаю. Тогда он заорал, словно я совсем глухая: «Столбы надо убрать, теща!» — «Правда?» — ответила я ему кротко.— Раз тебе этого хочется...» А Герде я шепнула: «Не беспокойся! Будет так, как я хочу!». На следующий день началась суматоха. Явились все — и зять, и садовник, и соседи,— чтобы выкопать эти несчастные столбы. Я думала их перета-

щить под навес, но этот Чарли был не дурак. Он тут же принес пилу и моментально — он ведь мастер на такого рода дела — распилил все мои драгоценные столбы на мелкие куски. «Теперь у вас хорошее топливо, мама!» Конечно, я поблагодарила его как можно любезнее. И можете не сомневаться, что в тот день, когда он уехал в Берлин в свой университет, я сразу послала за старым плотником. А он тут же приволок новые столбы. «Поставь их на старое место». И они и сейчас еще там стоят. Тролль, правда, боялась, что произойдет бог знает что, когда он приедет и увидит новые столбы. Но случилось так, что они развелись. Может быть, это и к лучшему. Во всяком случае, неприятность миновала его.

Вы чувствуете, Люкке, как солнце греет спину! Прямо жарко! Вот если бы и в гробу было так тепло!.. Но там нет ни солнца, ни тепла... Слушайте, Люкке, если я умру раньше, чем вернется Тролль, позаботьтесь, чтобы мне было мягко лежать в гробу. Неважно, какой он будет с виду, только бы внутри был мягкий. Будет ли там вата, или мох, или только опилки — это все равно. Лишь бы было мягко. Я хочу лежать в гробу спокойно, а не ворочаться с боку на бок. Не надо никаких шелков, атласа или других глупостей, которые могут прийти Тролль в голову. Лишь бы было мягко и удобно. И я хочу, чтобы меня завернули в старые простыни, что лежат в сундуке. Они в заплатках, штопанные, но для этого

дела еще достаточно хороши. У Тролля не так уж много простынь, чтобы их разбазаривать. А ведь у нее всегда гости! Когда я умру, станет еще хуже: ведь она поселит гостей и в моей комнате.

Послушайте, Люкке! На случай, если господь бог призовет меня раньше, чем моя дочь вернется домой, я хочу вам сказать еще одну вещь: наверное, принесут много венков от разных людей — и от тех, кто меня знает лично, и от тех, кто захочет оказать внимание моей дочери. Но имейте в виду, Люкке, есть человек, от которого я не хочу получить венок. Отвратительный человек! Не беспокойтесь, я ему сказала, что я о нем думаю, сказала без всяких обвиняков: «Вы злой, очень злой человек. Приходите и клевете на мою дочь за ее спиной. И все это вы говорите мне, ее матери». И еще я сказала ему: «Убирайтесь из моего дома, да поживей! А книги моей дочери вас не касаются. Вы все равно не напишете лучше. Стыдитесь! Позор вам до самой смерти!» После того он написал письмо, полное извинений и лживых любезностей... что он, мол, ничего подобного не думал, что им двигало чувство дружбы к Троллю... А знаете, что я сделала с письмом? Я разорвала его на мелкие кусочки и потом сожгла... Если он осмелится прислать венок, — а это на него похоже, — выбросьте этот венок на помойку. Я не назову вам его имени, но в самом нижнем ящике комода,

между ночными сорочками, вы найдете запечатанный конверт, и там его имя... Вот тогда вы узнаете, кто это... Он напоминает мне того спятившего доктора у нас в Рандерсе, который на улице, среди бела дня, обругал моего бедного Яка только за то, что во время мировой войны Тролль хорошо отозвалась о немцах. Я бы показала этому идиоту, где раки зимуют... Но он вскоре после этого скончался. Бог его хорошо наказал за его наглость... Ну, а теперь давайте примемся за наше белье. Оно высохло. Уберем все, пока не стемнело...

* * *

Старая женщина держит в руках письмо от фру Энни. Письмо написано по-датски, — значит, кто-то перевел его, потому что эта фру Энни знает по-датски только три слова: «земляника со сливками», да и то произносит их так, что не понять. Но она настоящий друг Тролль. Она любит Тролль бескорыстно... Разве от Тролль дожدهшься такого письма? Это не в ее привычках. Очень мило со стороны фру Энни, что она захотела порадовать старуху и сообщить ей самым подробнейшим образом о всех тех великолепных подарках, которые собираются преподнести Тролль ко дню ее рождения. И напоследок фру Энни открывает большую тайну — тайну, которую сама Тролль узнает только в день праздника.

Старуха снова и снова перечитывает письмо, а затем кладет его на колени, неподвижно смотрит в одну точку и качает головой. Но, когда приходит Люкке, она ясным веселым голосом читает ей письмо вслух.

— Вот видите, Люкке, за границей Тролля ценят. А это кое-что да значит. И когда она придет домой с... не скажу с чем... на груди... тогда... Кстати, мне кажется, если я не ошибаюсь, вы говорите моей дочери просто «вы». Вы должны привыкнуть называть ее «фру».

— Да, но ведь она сама не хочет этого. Она говорит, что за границей все называют друг друга по имени. А я, конечно, могу называть ее «фру». С удовольствием!

Старая женщина раскрывает энциклопедический словарь на словах «орден» и «медаль». Но разве в этом разберешься! Что же более почетно — три ордена или одна золотая медаль за заслуги? Она спрашивает у Люкке, но Люкке тоже не имеет об этом никакого представления.

— Ничего-то вы не знаете! Такая же дурочка, как моя дочь.

Письмо фру Енни на некоторое время разогнало мрачные мысли старухи. Но вот они уже вновь нахлынули...

Тролля собиралась позвонить ей по телефону в день своего рождения. Позвонить по телефону! Ей, глухой и слепой старухе!.. Теперь придется послать Тролля телеграмму —

это будет стоить так дорого! — чтобы она не звонила... Тем более что дома нет телефона... Беспокоить соседей!.. Никогда!..

* * *

Дом сияет по-праздничному. На окнах летние занавески. Пахнет свежестью от только что вымытых стен и первых фиалок, которые старуха с большим трудом собрала у забора.

Стол и стулья отполированы до блеска. Кладовая сияет чистотой, полки ломятся от разнообразных сортов печенья, кофе купили самый лучший, невзирая на цену; приготовлены сбитые сливки для шоколада. Именинный крендель стоит целых пять крон; можно надеяться, что пекарь постарался. Вино разлито в графины. На случай, если малознакомые люди придут с поздравлениями. Как тогда, когда ей исполнилось девяносто лет и баронесса, жена брата зубного врача, пришла и сделала ей глубокий реверанс...

К «малознакомым людям» она причисляла и главного врача. Главный врач — ее последняя маленькая слабость.

Конечно, все это очень хорошо, но старуха не находит покоя. Скорей бы этот праздник прошел. Она неустанно ходит взад и вперед, взад и вперед. Она может забыться на час, на два, на день. Но мысли ее все время возвращаются к одному: письмо по-прежнему лежит у нее в кармане. Письмо жжет ее.

Вдруг она говорит Люкке:

— Пойдите к соседям и позвоните фру Н. Пусть она непременно придет завтра утром. А если она скажет, что не может,— передайте ей от меня, чтобы она все-таки пришла...

* * *

С раннего утра жители острова приходят с цветами. Старая женщина нарядно одета. Она встречает гостей, благодарит, улыбается, ставит цветы в воду и рассказывает о тех временах, когда Тролль была еще ребенком. Но она смотрит на часы. В доме непрерывно пьют кофе. Каждому новому гостю обязательно предлагается чашечка кофе. Но без кренделя! Его подадут только после обеда к шоколаду.

Телеграммы поступают непрерывным потоком. Она вскрывает их. Всякий раз с сердцембиением. Со дня той большой железнодорожной катастрофы она всегда испытывает страх перед телеграммами.

— Тогда вас еще не было на свете, Люкке. И благодарите за это бога!.. Тролль и Тао, ее первый муж, должны были уехать за границу. Они сидели на вокзале и рассматривали свои билеты и, конечно, чуть не опоздали на поезд. А потом... боже мой... все эти несчастные люди... Мы с отцом, конечно, ничего не знали, гуляли, как обычно, в саду. Был чудесный светлый июльский вечер. От-

цу совсем не хотелось идти в дом. Он сказал: «Я охотно остался бы ночевать здесь, в саду». Но в маленькой беседке негде было поставить кровать, и мы около десяти часов вечера потихоньку пошли к дому. Мы оба не могли заснуть. Почему — выяснилось лишь потом... В семь часов утра нас разбудил телефонный звонок. У нас тогда был телефон. Я вскочила с постели... подошла к телефону. Оказывается, вызывают мужа. Может быть, передать ему что-нибудь? Нет... то есть пусть как можно скорее придет на телеграф... Не знаю, как мне только удалось одеть его. Конечно, он и сам мог одеться, в то время ведь он был еще совсем молод. Но он так долго возился с пуговицами... потому что пальцы у него дрожали... «Я пойду с тобой! — сказала я. Но он был категорически против. «Нет, ты останешься дома... Так лучше...»

Он не мог смотреть мне в глаза. Мы оба уже знали: что-то случилось. Но что? Никто из нас не знал... Он ушел, а я осталась дома... Сижу и жду... Какие минуты я пережила! Мне они показались целой вечностью. Наконец я увидела его на улице: он возвращался домой. Он шел, как старик... согнувшись, едва волоча ноги... Я побежала навстречу... «Як, мой милый Як?!» Он только покачал головой; мы вошли в дом... «Что случилось, Як? Скажи же наконец!» Но он не говорит ни слова... Ни единого слова... Ходит

взад и вперед... взад и вперед... слезы льются у него из глаз... и молчит... Я говорю ему: «Но, Як, я ведь хочу знать... Что-нибудь случилось... с детьми?» Он хватается за горло, словно задыхается. «Не могу... не могу, тебе ничего сказать... пока... дал присягу...»

Понимаешь, Люкке, мой муж ведь служил на телеграфе, и они там дают присягу, что не раскроют служебной тайны. А он ведь был всегда таким честным... Я говорю:

«Як! Как тебе ни тяжело, ты все же должен мне рассказать...» Но он молчал... Да, Люкке, так прошел час... второй... Я думала, что сойду с ума... Он был бледен как полотно. «Як, случилось какое-то несчастье, я знаю это, чувствую, вижу по тебе».

Потом он снова ушел. Своему злейшему врагу не пожелаю так страдать, как я страдала в это утро. Только потом я поняла все... Он пошел на телеграф, а там они уже знали, что случилась катастрофа.

Но они это знали из частных телеграмм, посланных из Копенгагена в Рандерс. Официально никаких известий еще не было, и поэтому все должны были молчать... Отец срочно телеграфировал всем своим друзьям и знакомым в Копенгаген, не могут ли они сообщить ему что-нибудь о Тролле и Тао... Все были уверены... да, были уверены... что Тролле погибла, а ее муж на всю жизнь остался калекой... И только к десяти часам мы получили ответ... Слава богу, все обстояло

благополучно... То есть не совсем благополучно... Тао так прижало ноги, что высвободить их можно было только при помощи топора. А моя Тролль не так пострадала. У нее ведь короткие ноги, и она подняла их кверху. Но зато она слегка поранила голову... Ее привезли домой... Подумайте только, Люкке, ведь как раз в это время из Америки приехала Альма и остановилась у Тролль. Она крепко спала и ни о чем не подозревала. В четыре часа утра звонок. Она вскакивает с постели и бежит открывать дверь. Перед ней стоит Тролль вся в крови... Вся с ног до головы... А за ней — два полицейских. Альма вскрикнула... Я бы тоже закричала... Бедные мои девочки! Как только Альма смыла с Тролль кровь, — это была кровь пассажиров из их купе, и все они, кроме Тролль и Тао, погибли, — они отправили нам телеграмму. Но оба они были, как сумасшедшие, и поэтому забыли написать, что, собственно, случилось. В телеграмме стояло только несколько слов: «Мы были при этом, но остались живы».

Эту телеграмму получил мой муж, когда на телеграфе уже было все известно. Он не хотел мне ее показывать. Все кругом говорили, что Тролль... наверно, уже умерла от ран. Да, с детьми только одно горе. Ну, а теперь, Люкке, слушайте! Я расскажу вам одну удивительную вещь... Отец сказал мне, что его друг Гойер телеграфировал ему: «Для тревоги нет никаких оснований, Тролль чув-

ствуется себя хорошо». Но я не верила этому. Я была убеждена, что все это он говорит только для того, чтобы успокоить нас. Ну, а затем случилось вот что: у нас служила тогда девушка, у которой был дар ясновидения. Она была из деревни, простая крестьянская девочка. Даже говорить правильно не умела!.. И вот когда я вне себя от тревоги ходила по дому, она вдруг как выпалит: «Да вот же ваша дочь! Она стоит и улыбается во все лицо...» — «Чепуха,— отвечаю я.— Вы совсем не знаете моей дочери!» Но она уверяет, что видит, как Тролль стоит в дверях кухни и улыбается. И что у нее на одежде и на лице большие кровавые пятна, но она цела и невредима. Тогда я спрашиваю: «А какое на ней платье?» И вообрази, Люкке! Она отвечает: «Светлое с зелеными и красными крапинками». Это была правда! Я сама купила материю на распродаже у Гардера. Прелестная материя. Крапинки были не набивные, а вытканые!.. Тролль потом показала мне это платье. Да, господь бог хороший человек!.. Когда Тролль и Тао вошли в поезд, он был уже переполнен. Они с трудом протиснулись в самый последний вагон, с трудом нашли места в разных концах вагона. Они только хотели усесться, как кто-то шепнул: «Какая очаровательная пара! Давайте освободим для них местечко...» Не знаю, кто сказал это, но если бы знала, то сплела бы на его могилу такой красивый ве-

нок, какого никогда еще не плела... Итак, Тролль и Тао получили два места рядом, в середине вагона, и только благодаря этому они остались в живых. Ах, как Тролль умеет рассказывать об этом! Она ведь какая-то странная. Я уверена, что потом ей казалось, будто все разыгрывалось в театре... И вот они оба лежат на перроне. Сначала Тролль одна, потому что Тао зажало между скамейками. Один сапог у него загорелся, и он уже думал, что сгорит живьем. К счастью, он потерял сознание, а тем временем его удалось вытащить из-под скамеек.

Тролль лежит на перроне и кричит — зовет его, — наконец его приносят к ней, и... она не узнает его. Своего собственного мужа! Так он был обезображен... Но Тролль, в общем, неглупая девочка. Когда нужно, она соображает. Каждый раз, когда мимо нее проходил врач, она хватала его за руку и просила: «Пожалуйста, впрысните моему мужу что-нибудь!»

Врач исполнял ее просьбу. Потом приходил другой врач, за ним третий, и все они делали уколы. В конце концов Тао после огромной дозы морфия перестал чувствовать боль. Но его нога была сломана, раздроблена.

Его, конечно, немедленно отправили в больницу, а Тролль привезли домой. И ночью ей сделалось плохо. У нее было сотрясение мозга. И на следующий день ее тоже отвезли в больницу. Их поместили в одной палате, и, конечно, им там было хорошо. Люди были

к ним исключительно добры! Приносили вино и цветы!.. Приходили их приветствовать, словно они были король и королева... Но Тролль уже давно все это забыла. Она столько перенесла за свою жизнь. Одно уходит, другое приходит... Ну, живо грейте обед! Нечего тут стоять и лодырничать!

* * *

Время тянется медленно. Наконец появляется фру Н. с букетом цветов и поздравлениями. Старуха показывает ей подарки, болтает о том о сем, но на уме у нее только одно — как бы начать разговор о письме. Она еще раньше придумала много разных способов, но теперь, когда фру Н. здесь, все эти способы кажутся слишком грубыми. Ей вспомнилась поговорка: бери быка за рога.

— Послушайте, фру Н., я просила вас прийти ко мне, потому что я получила письмо по-английски. Наверно, какая-нибудь просьба или еще что-нибудь. Но ведь вы знаете, сегодня день рождения Тролль — ей исполнилось шестьдесят лет, — мне кажется, люди хотят чем-нибудь отметить этот день. К сожалению, я сама не умею читать по-английски. А может быть, речь идет вовсе не о деньгах. Кто знает? Может быть, кто-нибудь болен, или умер, или еще что-нибудь в этом роде. Пожалуйста, возьмите письмо и переведите его... Одной заботой будет меньше!..

Фру Н. пробегает первые строки письма. У нее екает сердце, но она овладевает собой: старуха не спускает с нее глаз.

— Не стоит читать все письмо до конца. Ведь вы же знаете английский. Начинайте сразу переводить. И поскорее!

Фру Н. подымает голову.

— Мне не кажется, что это важное письмо. Самая обыкновенная просьба...

— Не болтайте зря, а читайте!

Фру Н. густо краснеет:

— Когда ваша дочь за границей, вы обычно сжигаете все письма с просьбами. Сожгите и это...

Старая женщина пристально смотрит на собеседницу.

— Зачем вы обманываете меня?

Фру Н. в сильном смущении.

— Уверяю вас... Письмо не представляет ни малейшего интереса...

— Вы прочитаете мне это письмо или нет? Я ведь могу попросить и кого-нибудь другого...

Фру Н. берет старую женщину за руки.

— Боюсь, что это очень... печальное письмо... К тому же оно адресовано не вам. Не следует его читать...

— Значит, не хотите?

Губы старой женщины дрожат.

— Я всегда думала, что вы ко мне хорошо относитесь. Значит, я ошибалась. Иначе вы не отказали бы мне в этой маленькой услуге...

— Если вы настаиваете, я, конечно, прочту письмо... Но я соглашаюсь скрепя сердце...

Старая женщина делает повелительный жест. И фру Н. читает письмо. Мать выпрямляется, вцепляется обеими руками в ручки кресла, крепко сжимает губы. Ни единого крика. Ни стоны. Она слушает до последнего слова. Кровь отхлынула от ее щек, губы побелели. Молчание, словно стена, разделяет обеих женщин.

Наконец старая женщина едва выдавливает из себя:

— Да... это... и в самом деле... печальное письмо... Кто же этот несчастный человек, о котором говорится в письме? У нашей Гарриэт была одна подруга — ее звали Магнина. Ее брат... он поступил точно так же... Благодарение богу, Гарриэт умерла легкой и прекрасной смертью.

И, произнеся эти слова, старуха падает в обморок.

Фру Н. ни минуты не сомневалась в том, о ком говорится в этом письме. Она, как и все окружающие, знала, что Гарриэт покончила с собой. Только от родителей это скрывали. И вот теперь несчастная мать лежит без сознания. С помощью камфарных капель фру Н. приводит ее в чувство.

— Мою палку!

Опираясь на палку, она, едва волоча ноги, уходит в спальню, садится у открытого окна и шепчет:

— Гарриэт... Гарриэт...

Фру Н. уходит не прощаясь. У нее тяжело на душе. Противоречить старой женщине просто невозможно. Это все знают. И ее дочь тоже. Но, может быть... может, все же ей не следовало уступать.

Старуха роется в своей домашней аптечке. Здесь есть капли, которые всегда помогают ей, даже когда кажется, будто приходит конец. Сегодня она не хочет умирать. Не... хочет.

Письмо лежит на подоконнике. Она берет его в руки, прижимает к сердцу. Водит пальцем по непонятым словам.

Два раза... два раза она пыталась... пока, наконец, не удалось... сколько она перенесла!..

С этой минуты ей кажется, что в ней, у нее в утробе умирает ее дитя. Его страх, его страдания пронзают сердце старой беспомощной матери.

В письме не сказано, что толкнуло ее на такой поступок. Эту тайну она унесла с собой в могилу... Да и не все ли равно. Видно, было какое-то огромное, огромное горе, невыносимые муки...

Старая женщина водит пальцами по строчкам. Отдельные слова она помнит хорошо: «Нам, слава богу, удалось заставить молчать газеты, — теперь отец и мать, наверно, смогут хоть утешиться мыслью, что она умерла спокойной смертью!..» Это написано, должно быть, вот тут. Эти слова она пони-

мает. «Father»... «mother»... Она знает, что это значит «отец» и «мать».

Она подходит к зеркалу, пугается своего вида, говорит вслух:

— Хоть бы щеки наругать... Если бы только знать, как это делается.

В зеркале отражается болезненная, вымученная улыбка.

* * *

Дом полон гостей. Беспрерывно подъезжают автомобили. В гостиной не смолкает болтовня и смех.

Старая женщина с важным видом обходит гостей, принимает поздравления и цветы. Приносят телеграмму из Вены. Она читает ее и прячет в карман. Все садятся за большой стол. Кто-то из гостей поднимается, чтобы произнести речь. Но старая женщина опережает его.

Она стоит прямо, словно застыла, в руках у нее телеграмма.

— Я хочу сообщить вам, что моя дочь Тролль по случаю дня рождения получила три ордена... Это большая радость... для матери...

Голос ей изменяет. Она рыдает. Потом едва лепечет:

— Я так рада... так рада... И почему бы мне не радоваться!..

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕЕЗД СОВЕРШАЕТСЯ НОЧЬЮ

Когда колокола возвестили полдень, душа покинула свою земную оболочку.

Старая женщина навсегда закрыла глаза. Но она не «мирно почила», как это принято красиво говорить. И смерть не придала ее чертам выражения мира и спокойствия, которое обычно утешает близких. Ее лицо измучено, выражает почти ненависть. Без слез смотрит дочь на бледное лицо матери. Его замкнутость являет собой тяжелый укор. Кому? За что?

Уже больше месяца дочь дома, и все время она с трепетом ждала этой минуты. Она надеялась, что смерть придет, как сладкий сон, как последняя вечерняя заря перед наступлением ночного мрака. И вот...

Ни улыбки, ни доброго слова.

Что же произошло? Отчего мать так изменилась?

Дочь мчалась через многие страны, чтобы приехать вовремя. И она приехала вовремя. А может быть, все-таки слишком поздно?.. Да, именно слишком поздно...

Она показывала матери письма от детей из Африки и Америки. Но мать в ответ только качала головой. Она больше ничего не хочет слышать о детях... Она отмахивается — прочь, не надо писем... Когда дочь пытается рассказать ей о дне своего рождения, о празднествах в ее честь, — она отталкивает ее от себя: — Замолчи!..

Один раз у нее вырвались слова: «Суета сует». Дочь вышла из комнаты и горько заплакала.

Старая женщина, которая так любила солнце и свет, теперь не может перенести ни малейшего лучика. Она сидит в темноте и дрожит от холода. На глазах у нее темные очки, а поверх них еще зеленый козырек. Шторы должны быть весь день спущены, гардины задернуты. Мать беспрестанно меняет

место. Но она уже не может сама подняться, ей помогают, отводят ее, куда она хочет. Негсгибающимися 'ногами, спотыкаясь на каждом шагу, тащится она от одного стула к другому, под спину ей подкладывают подушку, под ноги ставят скамеечку. Но едва она усаживается, как уже опять тревога гонит ее прочь. И так она переходит от стула к стулу, от софы к дивану, от дивана снова к стулу. Испробовав все, на чем можно сидеть, она в конце концов сердито шипит:

— Выйти! Я хочу выйти... в сад!

Дочь и сиделка помогают ей. Она стонет:

— Свет... Свет!.. Больно глазам...

Над ней раскрывают зонтик, ее отводят в тень:

— Погодите!.. Погодите!.. Холодно...

Ее усаживают спиной к солнцу. Теперь солнечный свет уже не должен ее беспокоить.

— Не так! Наоборот... Уйти... Обратно... в комнату!..

Но тут же ей хочется пойти к фруктовым деревьям или на лужайку... Или на берег... Она не знает покоя ни днем, ни ночью. Пришлось взять вторую сиделку. Одна была не в силах справиться. Теперь их двое, и все равно им тяжело. Старуха не хочет лежать в постели даже по ночам. Двадцать, тридцать раз за ночь она порывается встать. Ее состояние не улучшается и не ухудшается.

Дочь в отчаянии, она тщетно пытается заставить мать говорить. Ей совершенно ясно,

что мать что-то мучает... Все напрасно. Старая женщина замкнулась в своей последней непреодолимой боли. Она хочет одна нести свое горе. Никто не должен касаться ее открытой раны. Иногда дочери кажется, что губы матери шепчут имя «Георг» или «Гарриэт». А может быть, это только воображение...

Однажды, когда дочь собралась идти в аптеку, старая женщина с трудом проговорила:

— Не надо больше... пить... кофе... Кофе стоит денег... Братья и сестры голодают.

Дочь рассказывает, что она выиграла в лотерею, что ее книги принесли ей неожиданной большой доход, что она продала сценарий для фильма... Все для того, чтобы мать умерла спокойно. Но мать шепчет только одно слово:

— Враки!..

Еду ей вливают в рот чайной ложечкой. Она может глотать только жидкую пищу. Но вскоре она отказывается и от этого. Перестает есть. Перестает жить.

Когда колокола возвестили полдень, душа покинула свою земную оболочку.

* * *

Не ветер ли разносит печальную весть от дома к дому? Час спустя флаги на острове приспущены.

День клонится к вечеру. Медленно расходятся суровые складки на лице матери, и, когда солнце погружается в море, кажется, что умершая нашла, наконец, покой.

К берегу пристает лодка. Из нее выскакивает молодой человек. У него в руках столько роз, что не видно его лица.

С непокрытой головой пересекает он сад и стучит в дверь веранды. Дочь его не знает.

— Это я лежал в больнице в гипсе... Ваша мать вам не рассказывала?.. Она пришла ко мне, когда я впал в отчаяние... Она вернула мне желание жить. Трудно выразить словами, чем я ей обязан. Я так и не успел поблагодарить ее... как мне хотелось...

И молодой человек исчез, слышны только быстрые удары лодочных весел.

Все, как прежде, и в то же время все совсем не так. Дочь бродит по комнатам, которые были ее домом и которые никогда уже больше не будут им.

Она бродит, точно ищет в доме что-то живое, — но все живое ушло. Она открывает шкаф, где хранятся чашки, которыми мать так дорожила. Каждая чашка — подарок ко дню ее рождения. Нет двух одинаковых. Красивый тонкий фарфор... И все же...

Разве тот, кто дарил ей эти чашки, кто был для нее всем в жизни, разве не мог он

найти что-нибудь получше, чтобы ее порадовать. Получше какой-то жалкой чашки!..

Не казалось ли и ей самой, что это несколько убогий дар любви? Во всяком случае, она никогда об этом не говорила.

Дочь вспоминает,— и от одной только мысли об этом у нее становится тепло на душе,— она вспоминает то письмо, которое отец написал ей после очень серьезной операции. Он писал, чем была для него жена в течение всей его жизни, писал о величии материнской души, о силе ее духа. О безграничном, неутомимом материнском самопожертвовании.

— Это письмо должно лежать вместе с ней в гробу! — шепчет дочь.

* * *

Под навесом на полочке стоят десятки глиняных горшков с красками и жестянка с керосином, в которую опущены кисти. Больше всего на свете старая женщина любила красить. Она очень сердилась, когда дочь не позволяла ей взбираться на стремянку, чтобы покрасить оконные рамы снаружи. Она пробовала украдкой просмолить крышу веранды. Повсюду были видны следы ее малярных упражнений. Иногда цвета были не совсем подходящие. Что бы она ни красила, у нее всегда оставалась краска. А ее надо было во что бы то ни стало использовать...

У нее дрожали руки, она плохо видела. Но, когда дочери не было дома, она приставляла стремянку к дереву и взбиралась по ней, чтобы сорвать яблоко или заглянуть в птичье гнездо. Головокружения у нее никогда не было...

* * *

Вот стоит ее рукодельный столик. На нем много пестрых клубков ниток, мотков шерсти, пуговиц, нанизанных на шнурочки. Она всегда сортировала их по размерам... И крючки разложены по порядку, ушко к ушку. Тут же кусочек белого мела, на случай если придется перешивать в пятый раз платье, и кусок красного мела, чтобы рисовать на скатерти бабочек и цветы для вышивания. Подумать только, Тролль — этакая дурочка, не умеет рисовать от руки. В игольнике еще хранятся иголки времен ее юности, такие тонкие, что кажется, они сломаются от одного прикосновения. Есть там и новые иголки, присланные из Америки, — в них нитка легко вдевается, но зато они грубые и толстые. Дочь стоит у столика и перебирает всю эту мелочь. Вот треугольные иголки, чтобы шить чехлы для мебели, мешки для посылок в Америку и Африку, вот иглы для шпигования дичи, а вот штопальные иглы... А к чему этот кусочек наждачной бумаги? Она вспомнила, что мать пользовалась им, когда иголки

ржавели. Она не любила «выбрасывать добро».

Дочь ходит из комнаты в комнату и снова возвращается туда, где лежит мать. Она вынимает из сундука старые простыни. Ведь так приказала ей мать. Ее воле нельзя перечить, хотя теперь она уже не может настаивать на своем.

* * *

Гроб внутри мягок... Так мягок, как только может быть мягок гроб. В ногах стоит шкатулка с прахом Гарриэт. Под маленькой подушечкой, на которой покоится голова, — пачка писем — письма времен помолвки, которые мать хранила, как святыню. Двенадцать лет мать была невестой, а пачка совсем, совсем тоненькая...

Дочь бежит наверх, чтобы достать то письмо, которое отец написал ей. Самое чудесное письмо, какое он вообще когда-либо писал. Она хорошо знает, где оно лежит. Оно спрятано под другим письмом, которое мать никогда, ни при каких условиях не должна была прочесть. Тролль открывает шкаф, находит денежную шкатулку, отодвигает крышку третьего отделения: письма нет! Письма, которое мать никогда, ни при каких обстоятельствах не должна была прочесть...

Теперь она все понимает...

Ее измученное лицо, ее плотно сжатые губы выражали гнев, почти ненависть, когда колокола возвестили полдень.

* * *

Последний переезд совершается ночью. Тихой, светлой, летней ночью. Белый гроб, в который вставлен другой, свинцовый, с телом матери. На него наброшена парусина, чтобы защитить цветы от дорожной пыли.

Ветки деревьев, мимо которых проезжает процессия, склоняются над ней, как знамена.

Дорога то углубляется в темный густой лес, то проходит по благоухающим полям. Цветы посылают свой свежий аромат вслепую, для которой каждый цветок был живым существом. Когда процессия достигла своей цели, цветы на гробе уже завяли и покрылись дорожной пылью. Но у дочери в руках охапка свежих белых лилий, которые она срезала в саду. В этом году они не пойдут на изготовление мази от ожогов и укусов. В этом году их аромат будет последним приветом матери... матери всех матерей.

Дочь подходит к гробу. Предстоит еще погребение.

Погребение? Что это значит? Разве мать уже не погребена? Разве она может быть погребена еще более безвозвратно, чем в этом тесном свинцовом гробу? На земле или под

землей — какая разница? Но она не одинока. С ней прах ее ребенка. И в ее морщинистых руках четыре бутона махровых роз — столько, сколько у нее осталось живых детей. Что погребение? Сейчас уже дело не в нем. Сейчас важнее другое. Желания умершей. Они сейчас закон, их надо выполнить точно.

Эти желания неотступно напоминают о себе: они высечены на каменной мостовой, начертаны на стенах домов, на фронтонах, на башнях, даже в синем небе. Только бы не забыть ничего, выполнить все до мельчайших подробностей.

* * *

«Ах,— говорила часто старая женщина,— что значит похоронить в землю? Ведь мы все уйдем туда... Об этом кому-нибудь все равно придется позаботиться...»

«Погребение! — высокомерно заявляла она.— Нет, Тролль, ты знаешь, чего я хочу. Все должно быть так, как я сказала».

Она хочет, чтобы по ней были устроены поминки. Это ей кажется очень важным. Все должно быть точь-в-точь, как было, когда умер ее милый Як.

«И не в ресторане! Ни в коем случае! Помни об этом, Тролль! Поминки должны быть устроены в доме общества трезвости. Мне неважно, что там нет пышности и

роскоши этих больших ресторанов... Мы с отцом жили наверху в этом доме, хозяева — хорошие люди. Пусть там все и будет устроено».

У дочери звучит в ушах голос матери — ясный, звонкий, чуть ли не радостный:

«Суп, Тролль, надо сделать с клецками и положить в него много корней — иначе он будет безвкусный. Потом — отварная или жареная камбала. Я думаю, лучше отварная, в растопленном масле. И пусть нарубят пегрушки. Если я умру летом, обязательно надо сварить молодую картошку. Это само собой понятно. Потом пусть подадут телятину с гарниром из молодой зелени. Это так красиво! К телятине, конечно, салат из огурцов и маринованные фрукты. А на десерт можно дыню. Ее всегда охотно едят. Да, а если я умру, когда поспеет земляника, то пусть будет и земляника со сливками, если кто захочет... И под конец чашку самого лучшего, самого крепкого кофе. Без суррогата! Заяви об этом хозяевам от моего имени. И никаких ликеров! Одно только красное вино. Хорошее красное вино. Купи его у Рииса и Дрейера. Они не обманут тебя. Если в обществе трезвости станут говорить, что у них этого не полагается, скажи им, что оно безалкогольное. Они все равно в этом ничего не понимают! Мы с отцом столько лет жили у них наверху и никогда не ссорились с ними. Только этого еще не хватало! Они

хорошие люди... Когда отцу приносили обед, я ему подавала вино. И никто ни слова! Все должно быть так же уютно и мило, как тогда, когда хоронили отца. Позаботься об этом!

Помнишь все эти охотничьи истории, которые рассказывали в тот вечер Карл Йерун и Лавриде. Если бы отец мог их слышать! Они бы его так позабавили! Особенно этот рассказ о лани!.. Попытайся заполучить на мои похороны фру Гердис. Она всегда приносит хорошее настроение. Конечно, если она сможет оставить свою старую мать...

И не спрашивай у них, сколько это будет стоить. Они не обманывают... Заплати, сколько скажут. На похороны у меня деньги отложены... И знаешь что, моя милая овечка! Мне очень хотелось бы совершить небольшую прогулку после обеда в Стиврингордский монастырь. Это не обойдется дорого,— ведь туда езды часа два. Сыновья сестры Теа, наверно, приедут каждый на своей машине, так что тебе придется нанять только еще одну машину, чтобы все уместились.

Когда вы будете там, непременно обойдите вокруг монастыря и загляните в окна. Монашки будут на вас глаза таращить. Что им делать день-деньской? Потом вы обогнете крепостной ров и выйдете на старую липовую аллею. Здесь отец в день нашей помолвки вырезал свое имя на одном из деревьев. Это было в тысяча восемьсот двадцать восьмом го-

ду. Так давно, а имя сохранилось до сих пор. Но я никак не могла его найти...

Не забудьте также про лабиринт. Моя мать очень любила его. Там есть скамейки. Вы сможете посидеть... Мне кажется, это хорошая мысль. Я буду тихонько лежать в земле и почувствую, когда вы поедете по мельничному мосту, а потом мимо Дроннинг-борга... И дальше к той деревне, где аисты свили гнезда на всех крышах. Дорога там поворачивает, и вы сразу окажетесь у монастыря...

Солнце еще не успеет сесть,— ведь это будет летом. Я постараюсь умереть летом, а не ужасной холодной зимой... Этого только не хватало!..

И вот еще что, Тролль, самое последнее. Но держи это про себя. Об этом никто не должен знать. Мне бы очень хотелось, чтобы ты побывала на той могиле, у самой ограды. Ты ведь знаешь, о какой я говорю? Помнишь девушку, которая была помолвлена, а он взял да умер. И каждый день, в любую погоду,— летом ли, зимой ли,— она утром и вечером ходила на его могилу... Немало слез я пролила, когда видела, как она проходит мимо меня... Вот это верность! Кто будет приходить на мою могилу по утрам и вечерам?..

Говорят, она теперь вышла замуж и у нее свой дом. Господи, почему бы и нет? Она

имела на это полное право! Но как она горевала... Ты непременно пойдешь на его могилу, посмотри, не заросла ли она травой. И если на ней нет цветов... знаешь что... вернись к моей могиле, только, конечно, дожидись темноты, незаметно возьми какой-нибудь очень красивый венок — только без ленты, чтобы никто не узнал, — и отнеси на его могилу. Можешь шепнуть ему:

— Моя мать тоже была верной».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю. Яхнина. Карин Михаэлис и ее роман</i>	
«Мать»	3
Прогулка по саду	13
Граммофон	36
Одна дома	47
Люкке едет в Ньюборг	68
Еженедельный праздник омовения	82
Гроза	104
Большая стирка	121
Король едет...	138
Они говорят на разных языках	155
Сочельник	164
Лодки	183
Книга	198
Артистка	212
Семейное серебро	226
Каролина	232
Магния	245
Письмо	263
День рождения	289
Последний переезд совершается ночью	313

Карин Михаэлис

М А Т Ъ

Редактор *В. Хинкис*

Художественный редактор *Д. Ермоленко*

Технический редактор *З. Евдокимова*

Корректор *Е. Мезис*

Сдано в набор 13/11-1957 г.

Подписано в печать 24/IX 1958 г.

Бумага 70×108¹/₃₂ — 10,24 печ. л.=14,04.

усл. печ. л. 10,28 уч.-изд. л. Тираж 225 000.

Цена 4 р. 10 к. Зак. № 3441. А 08350.

Гослитиздат

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа,
Минск, Красная, 23.

23613

1959